№ 28

В. Ткачъ.

ОЧЕРКИ
ХОЛМЩИНЫ и ПОДЛЯШЬЯ.

Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ, домашняя обстановка, народное образованіе, разныя нужды и проч.

Изданіе Холмскаго
Св.-Богородицкаго Братства.

Холмъ, Любл. губ.

Типо-Лит. Вайнштейновъ, Люблинская ул. № 14.

1911 г.

Цѣна
50 коп.

№ 28.

В. Ткачъ.

ОЧЕРКИ ХОЛМЩИНЫ и ПОДЛЯШЬЯ.

Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ, домашняя обстановка, народное образованіе, разныя нужды и проч.

Изданіе Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства.

Холмъ, Люб. губ.

Типо-Лит. Вайнштейновъ, Люблинская ул. № 14

1911 г.

Печатается по постановленію Совѣта Братства отъ 31 января 1911 г.

Предисловіе.

Настоящая брошюра имѣетъ строго-опредѣленную цѣль: показать читателю, что Холмщина такая же Русь, какъ и Волынь, Подолія, Кіевщина и другія западно и южно-русскія мѣстности. Въ этой брошюрѣ собраны въ систематическомъ порядкѣ очерки о Холмщинѣ, которые написаны уроженцемъ и постояннымъ жителемъ ея и доказываютъ безспорную принадлежность ея по духу и облику Россіи, а не Польшѣ. Въ этихъ очеркахъ нѣтъ никакой предвзятости, никакой условной тенденціозности. Есть только обоснованный на 25 лѣтней сельской учительской дѣятельности въ 11 разныхъ мѣстахъ службы чистый, ясный, просто изложенный отвѣтъ на вопросъ: что такое Холмщина?—Она, несомнѣнно, Русь, Русь историческая и Русь современная!

Авторъ.

1. Изъ жизни Холмщины.

Общій итогъ по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ профес. Францева показываетъ, что католиковъ въ Холмщинѣ хотя и немногимъ, но всетаки больше, чѣмъ православныхъ; тотъ же итогъ, но по рубрикѣ національности, даетъ уже значительно большую цифру русскихъ, чѣмъ поляковъ. Эти данныя теперь общеизвѣстны даже и въ крестьянской средѣ Холмщины. А если вспомнить не особенно давнюю мѣстную исторію, то пропорціонально большій перевѣсъ русскихъ холмщанъ надъ польскими въ то время оказался бы еще значительнѣе.

Но, что было, то сплыло. А сейчасъ будетъ, кажется, нелишнимъ точно констатировать наличность, такъ сказать, текущей полонизаціи въ той же Холмщинѣ. Тутъ кстати попутно указать, что эта текущая полонизація Холмскаго русскаго простонародья теперь уже далеко не такъ сильна, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Идти она не перестаетъ, но размѣръ ея движенія идетъ болѣе въ глубь, чѣмъ въ даль, болѣе на однихъ мѣстахъ новыхъ пріобрѣтеній, чѣмъ на новыхъ, никакъ не поддающихся.

Впрочемъ, надо сперва только отмѣтить факты. Наиболѣе ополячено холмское Подляшье и именно уѣзды Соколовскій, Константиновскій, Радинскій и отчасти Бѣльскій, Сѣдлецкой губ. Такой интенсивности новѣйшей полонизаціи нѣтъ ни въ одномъ изъ русскихъ уѣздовъ Люблинской губ. Конечно, въ указанныхъ мѣстностяхъ не сплошь все русское населеніе поддалось новому національному перерожденію,—остались тамъ и неподатливые,—но все же тамъ можно поименовать порядочный рядъ деревень, перешедшихъ, помимо вѣры, отъ родной русской разговорной рѣчи къ польскому языку и перешедшихъ какъ-то ужъ сразу, однимъ скачкомъ. Вотъ, примѣрно, гмина Гушлевъ, Константиновскаго уѣзда. Знаю очень хорошо, что тамъ, какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, десятокъ лѣтъ тому назадъ русская разговорная рѣчь у сельчанъ была

очень прочна, хотя православіе утеряно было гораздо раньше. Теперь тамъ говорятъ всѣ только по-польски, говорятъ, правда, еще очень неказисто, но такъ упрямо и настойчиво, что и знать не хотятъ прежней своей мужицкой рѣчи. Деревни возлѣ городовъ Бѣлы, Янова, Межирѣчья и Радина въ немаломъ числѣ составляютъ такую же современную картину.

Возлѣ Влодавы, Парчева, Тересполя, вообще—въ прибужной полосѣ, гдѣ тоже есть на лицо кое-какая сумма отпавшихъ въ католицизмъ, польскій языкъ никакъ не привился. Тамъ тоже простонародье начало было, въ видѣ такого же скачка, говорить по польски, но вскорѣ, и, кажется, окончательно, отказалось отъ такой передѣлки: языкъ, въ буквальномъ его смыслѣ, отказался повиноваться настойчивому внушенію. Кромѣ того, и подавляющая масса неотпавшихъ тутъ не могла не повліять сдерживающимъ образомъ на отколовшихся въ вѣрѣ сосѣдей. Здѣсь русскій говоръ такъ твердъ, тяжеловѣсенъ и, коли хотите, даже лѣнивъ, что какому либо „ганчуку", привыкшему укорачивать и свои собственныя слова, въ родѣ—„каэ, моэ" („каже, може"), —оказалось мученіемъ научиться сказать: „będę, będzie", да еще понять надлежащую умѣстность того и другого слова.

Собственно въ Холмщинѣ, повторяю, нѣтъ такихъ сплошныхъ слѣдовъ текущей ополяченности. При незначительномъ числѣ отпавшихъ въ Грубешовскомъ, Томашовскомъ и Холмскомъ уѣздахъ и при нѣсколько большемъ сравнительно числѣ таковыхъ же въ прочихъ уѣздахъ Люблинской губ., русскій мѣстный языкъ сохранился здѣсь прочнѣе. И вотъ что тутъ достойно даже удивленія въ данномъ случаѣ. Напримѣръ, здѣсь, въ Томашовскомъ уѣздѣ, пограничномъ съ Австріей, русскіе сельчане пригородныхъ районовъ, сохранивши свою вѣру и языкъ, вполнѣ владѣютъ и польскимъ языкомъ, владѣютъ ровно такъ же, какъ и мѣстные сельскіе поляки. Но какъ эти русскіе сельчане, такъ даже и русскіе новокатолики изъ нихъ и теперь говорятъ между собою только по-русски. Мало того, даже живущіе между ними настоящіе поляки-сельчане тоже имѣютъ домашней рѣчью русскую мѣстную „мову". Если же надо сойтись гдѣ-либо массѣ поляковъ и русскихъ сельчанъ, или двумъ—тремъ тѣмъ и другимъ, то здѣсь та и другая рѣчь какъ то, какъ бы сказать, вѣжливо—солидарно умѣщается одна съ другою: дѣло говоритъ „русь", и „польща" начинаетъ говорить по-русски съ русью, зная, по-

нятно, ея звукъ. Безъ „форсу“ толкуетъ „польща“—„русь“ отплачиваетъ ей ея же знакомой фонетикой. Нѣтъ тутъ никакихъ скачковъ и никакого упрямства въ національныхъ преимуществахъ. Не то, по сравненію съ указаннымъ фактомъ, гдѣ-либо на межахъ Подляшья: тамъ ужъ какіе-либо „циципорцы“ какъ начали твердить со вчерашняго дня по-польски, то никакой упрямо-русскій „хмакъ“ Влодавскаго уѣзда не добьется отъ нихъ родной, позавчера оставленной русской рѣчи. Въ итогѣ разгадка такого сопоставленія окажется въ слѣдующемъ: полонизація взяла въ Холмщинѣ рядъ русскихъ деревень приступомъ, штурмомъ и, взявши эту добычу, принялась вливать свои соки податливымъ неофитамъ; добрососѣдскимъ же русакамъ, стойкимъ въ своемъ духѣ, эти соки оказались излишни, какъ знакомые по опыту.

2. О народныхъ русскихъ говорахъ въ Холмщинѣ.

Кажется, кстати будетъ теперь дать точныя свѣдѣнія о томъ, на какомъ языкѣ изстари и по сіе время говоритъ между собою русское простонародье какъ собственно въ Холмщинѣ (Люблин. губ.), такъ и на Подлясьѣ (Сѣдл. губ.). Говоритъ оно исключительно только по-малорусски, говоритъ совершенно такъ, какъ говорятъ его сородичи въ сосѣднихъ съ Холмщиной и Подлясьемъ Гродненской и Волынской губерніяхъ. Никакой, рѣзко замѣтной разницы между всѣми холмскими говорами и такъ называемымъ украинскимъ народнымъ нарѣчіемъ, или южно-русскимъ языкомъ, нѣтъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ ни въ одномъ холмскомъ русскомъ народномъ говорѣ той фонетической степени сближенія или уподобленія, или коренного по звукосочетанію сходства, по которому можно было бы признать холмскіе говоры, или хотя бы одинъ изъ нихъ, болѣе близкими къ польскому языку, чѣмъ къ украинскому. На эту тему могу говорить вполнѣ доказательно, зная, какъ уроженецъ Холмщины, положительно всѣ эти мѣстные говоры, до ихъ разновидностей по отдѣльнымъ деревнямъ включительно.

Итакъ, народный говоръ во всей вообще Холмщинѣ южно-русскій, однородно одинаковый, общій всему южно-русскому языку. Но разъ здѣсь говорится о говорахъ, то это значитъ, что ихъ есть нѣсколько. Да и не только нѣсколько, а нѣсколько десятковъ, если считать всѣ вообще фонетическія мелочи по разнымъ деревнямъ. Сами же холмщане говорятъ,

что „въ насъ що сэло, то й своя мова“. Изъ этого вовсе, однако, не слѣдуетъ, что село села не понимаетъ.

О непониманіи разговора тутъ не можетъ быть и рѣчи, какую бы ни взять комбинацію говоровъ.

Вообще же во всей Холмщинѣ, по моему, можно отмѣтить три разновидности народнаго говора: мягкій, сѣверно-подляшскій, твердый—среди Подляшья и въ Холмскомъ уѣздѣ и третій, почти чисто украинскій, на югѣ остальной Холмщины. Вотъ въ чемъ эти разновидности. Беру, напримѣръ, глаголъ „ходить“. Въ прошедш. врем. по первому говору будетъ „ходили“; по второму говору „ходылы“ (вполнѣ твердо); по третьему говору двояко—„ходыли“, или „ходылы“, но звукъ „ы“ въ послѣднемъ словѣ уже не чисто открытый. Какъ замѣтилъ читатель, дѣло только здѣсь въ двухъ звукахъ: гдѣ любятъ „ы“, а гдѣ предпочитаютъ „и“. А вѣдь только лишь въ томъ-то и вся главная разница говоровъ. Впрочемъ, еще звукъ „у“ въ нѣкоторыхъ словахъ вступаетъ въ борьбу со звукомъ „и“ (точнѣе, мягкимъ „і“); вотъ такъ: на Подляшьѣ говорятъ: „муй, твуй, свуй“ и кое-гдѣ—„кунь, вузъ, вулъ“; дальше въ Холмщинѣ: „мій, твій, свій, кінь, візъ, вілъ“. Говорятъ тѣ же, напримѣръ, слова еще и съ дифтонгами (тоже на Подляшьѣ „куэнь, вуэлъ, свуэй“.

Очень неинтересны эти мелочи, да что подѣлать, надо ужъ на сей разъ и еще кое-что привести изъ нихъ, чтобы, по возможности, вполнѣ закончить свою тему. „Муй сынъ пуйшовъ ду двора молотыты“—„мій сынъ пійшовъ до двора молотыты“ (а по одному изъ говоровъ: молотіті“). Ну, что тутъ за разница? Въ польскомъ выраженіи эта фраза, очевидно, уже сильнѣе будетъ разнствовать. А между чисто русскимъ выраженіемъ и вообще южно-русскимъ не только въ данной фразѣ, но и во множествѣ ихъ такой польско-малорусской разницы не будетъ. Но дальше. Нѣкоторыя разновидности холмскихъ говоровъ допускаютъ у себя въ глагольныхъ формахъ частицу „ся“ въ началѣ глаголовъ. Между тѣмъ большинство этихъ разновидностей такого употребленія никогда не допускаетъ. Меньшинство говоритъ: „я-бъ ся наивъ“ (хотя это и похоже на такое же польское выраженіе, но разница то здѣсь какая замѣтная? —„ja bym się najadł“); большинство же говоритъ: „я-бъ наився“ и т. д. Скажите эту и тысячи ей подобныхъ фразъ по холмски-ли, по волынски, или по украински, напримѣръ, костромичу,—послѣдній пойметъ

ихъ, а въ польскомъ произношеніи—врядъ ли пойметъ. Да и веду то тутъ я рѣчь, собственно говоря, не о холмскихъ говорахъ въ ихъ различіи между собою, а о томъ, что всѣ эти говоры—коренная родня единому русскому языку, въ его южной вѣтви.

Больше приводить примѣровъ не стану. Кажется, ясно, гдѣ больше фонетической близости или родства языка. Вотъ только закончу о разницѣ въ этихъ говорахъ по отдѣльнымъ словамъ. Въ одной мѣстности Холмщины, напримѣръ, наберется десятокъ названій предметовъ попольски; въ другой—нѣтъ ни одного заимствованнаго названія, зато есть уподобленіе въ звукахъ словъ („муй, свуй"); въ третьей—есть свои областныя названія предметовъ. Въ одномъ селѣ, при самомъ чистомъ украинскомъ говорѣ, затвердили (и то недавно) вмѣсто—„дідъ, діты"—„дзядъ, дзеци" и на томъ стали, больше ничего не перешло. Въ третьемъ селѣ почему то исчезло „що" (что) и замѣнилось цоканьемъ. И странно: въ томъ-же селѣ есть много фамилій—„Цокало". Зато вмѣсто „цо" и „що" въ Константиновскомъ уѣздѣ, Сѣдлецкой губ., говорятъ прямо—„што", что звучитъ весьма странно при малорусской структурѣ рѣчи. Есть не мало селъ, гдѣ сохранились въ первичной чистотѣ и древне-славянскія слова, напримѣръ: „ныні, тя, ти" (тебя, тебѣ), двойственное число: „очима, людьмима" и т. п. (очами, людьми). Къ разнодеревенскимъ словамъ можно причислить такія: „віте (вы), скіль, звідкі (откуда), лоні, такрікъ (въ прошломъ году), клуня, стодола (хлѣбный сарай), вінькъ, метла (вѣникъ), студня, колодязъ (колодецъ), лонка, лука, сіножать (сѣнокосный лугъ). Но будетъ этихъ мелочей.

Закончу настоящую замѣтку тѣмъ же безпристрастнымъ утвержденіемъ, что и началъ, что вся русская сельская Холмщина имѣетъ одинъ русскій языкъ, единству котораго ничутъ не мѣшаютъ указанныя здѣсь мною, да и не указанныя (по размѣру статьи) діалектическія и фонетическія мелочи.

3. Русскіе крестьянскіе обычаи и обряды въ Холмщинѣ.

Обычаи и обряды въ бытовой и духовной жизни холмскаго простонародья имѣютъ безконечную цѣпь своихъ живыхъ и теперь еще проявленій, начинающихся въ области религіи и объективной созерцательности и кончающихся областью суевѣрія. Какого бы ни былъ достоин-

ства этотъ исторически преемственный запасъ народной жизни, онъ все-таки свой родной, какъ наслѣдіе вѣковыхъ первоисточниковъ изначальнаго племенного рода. И вотъ именно этотъ народный запасъ въ Холмщинѣ, въ ряду другихъ ея отличительно малорусскихъ особенностей, тоже какъ нельзя лучше можетъ служить показателемъ однородности Холмщины со всей южно-русской вѣтвью русскаго народа, но отнюдь не польскаго. Сложись многовѣковая исторія русско-польскихъ взаимоотношеній иначе, напримѣръ, въ сторону болѣе прочнаго братства, быть можетъ, въ наши дни взаимныя этнографическія границы не были-бы такъ рѣзко очерчены, какъ это показываетъ намъ наглядная дѣйствительность.

Вотъ вамъ коротенькій перечень этихъ рѣзкихъ границъ: вѣра, языкъ, одежда, укладъ домообзаведенія, умственный кругозоръ и, какъ составныя части послѣдняго, обычаи и обряды того и другого народа.

Надо однако обратиться къ наглядности наличныхъ фактовъ и данной темѣ. Примѣровъ тутъ, повторяю, можно привести множество. Яркимъ выраженіемъ исключительной малорусской обрядовой типичности могутъ служить холмскія крестьянскія свадьбы. Въ этихъ свадьбахъ, помимо ихъ историческаго обычая, заключается, именно, и обрядовая сторона: какъ дѣлалось встарь, такъ продолжается и теперь. Не буду описывать подробно этотъ весьма интересный обрядовый ритуалъ, такъ какъ для одного описанія нужно было-бы нѣсколько газетныхъ статей. Скажу только, что одни свадебныя имена сразу выложатъ вамъ всю сѣдую Русь,—это: князь, княгиня, дружина, дружко, дружка, сватъ, сваха, прысваха, прыданы, староста, перездва, и т. д. А пѣсни при этомъ? Ихъ можно считать десятками, и всѣ онѣ спеціально пріурочены къ данному торжеству, выражая собою такой запасъ живой русской старины, какого не встрѣтить у поляковъ. Конечно, послѣдніе тоже богаты своей самобытностью въ широкихъ размѣрахъ, но это ихъ богатство уже совсѣмъ другой сущности и состава. Правда, въ послѣднее время разнообразные заманчивые краковяки начали входить въ употребленіе и у русскихъ холмщанъ, но съ ихъ появленіемъ и самая процедура свадьбы стала укорачиваться до того, что свадьба часто ограничивается только одной „вечерой“. Пока однако типичный русскій свидѣтель старины крѣпокъ еще въ Холмщинѣ.

Тоже можно подтвердить и относительно крестинъ, похоронъ и но-

воселья: всѣ эти случаи требуютъ сбора родственниковъ, приноса ими на пирушку хлѣбовъ-колачей, кнышей, паляныць, требуютъ подходящихъ пѣсенъ, а при похоронахъ—причитаній, требуютъ даже однообразныхъ речитативовъ при ѣдѣ каждой пищи, даже—порядка и извѣстной длительности при сидѣніи за столами, и требуютъ своего особеннаго, отличнаго отъ поляковъ. И вся эта казовая сторона давнишнихъ обычаевъ такъ и кладетъ вамъ на ладонь наглядныя доказательства самобытности здѣшняго русскаго простонародья.

Приведу еще тутъ кое-какія подробности, такъ сказать, помѣсячно. Новый годъ или вообще святки предъ новымъ годомъ и послѣ него. Да тутъ такой богатый, исключительно русскій запасъ былинной старины, о какомъ польскій крестьянинъ, далеко живущій отъ Холмщины, и понятія не имѣетъ, хотя, опять повторяю, можетъ имѣть свой, не менѣе богатый обрядовый запасъ.

Ужъ что родила Русь подъ духовнымъ воздѣйствіемъ Византіи, того не могла взлелѣять Польша подъ давнимъ покровомъ Рима. Тутъ-то и успѣли разойтись два отпрыска одного древнѣйшаго рода, да покрыться тоже уже древними своими взаимноотличительными особенностями. Поляки не знаютъ русскаго „Водохреща" (Крещ. Господня), русскіе-однодневнаго ему празднованія „Тшехъ крули".

Да и помимо религіи разница тутъ изрядная. Не одно и то же, напримѣръ, польскіе „wieczorki" и русскія „вечерныці, уденькі" (супрядки) по длиннымъ зимнимъ вечерамъ; не одно и то же потому, что поется и говорится тамъ и тамъ различно, а что касается гаданій, то и подавно различно. Русская масленица, широкая и въ Холмщинѣ по обилію ѣды и увеселеніямъ, какъ извѣстно, полякамъ незнакома въ такой мѣрѣ. Въ началѣ Великаго поста холмщане справляютъ такъ именуемаго „ступныка" (вступленіе въ постъ), состоящаго, положимъ, изъ скверной привычки споласкивать ротъ лишними чарками горилки; зато ужъ доѣдать въ посту скоромные остатки—упаси, Боже! У поляковъ въ томъ же началѣ поста допускаются „kąsaki"—поблажка аппетиту на скоромное.

Весну холмщане встрѣчаютъ такимъ богатымъ запасомъ пѣсенъ, для котораго нуженъ былъ-бы порядочный сборникъ. Такихъ пѣсенъ нѣтъ нигдѣ въ Польшѣ, потому что содержаніе ихъ въ большинствѣ покоится на украинскихъ источникахъ, хотя не мало пѣсенъ-стоновъ изъ временъ

польскаго владычества. „Великъ-день“ въ Холмщинѣ нигдѣ не именуется великою ночью. Тутъ достаточно привести только обоюдное названіе праздника, чтобы не приводить ужъ множества различій въ его обрядовомъ праздновании. Для поры посѣвовъ у холмщанъ есть свои примѣты, присловья, счастливые дни, тоже отличные отъ польскихъ хозяйственно-бытовыхъ условій и привычекъ. На „Юрья“, между прочимъ, холмщане ходятъ по-полямъ и катаютъ возлѣ начала каждой засѣянной полосы пшеничнымъ калачомъ. Въ свѣтлый четвергъ поминаютъ на могилахъ покойниковъ, храня слѣды давнишней тризны. Хотите еще наслушаться сказокъ дѣтей и молодежи о „русавкахъ“, оборотняхъ, разныхъ „страхиттяхъ“, прибудьте въ холмщину передъ жатвой—и о томъ услышите. А „завязи“ во ржи, вѣики, вѣночки изъ „зилля“, разныя небылицы „шептухъ“, чаровницъ и т. д. до безконечности—не то ли же самое сплошь и по всей Малороссіи, что здѣсь въ Холмщинѣ? Впрочемъ, область суевѣрій надо оставить въ покоѣ, такъ какъ приходится краснѣть за родной народъ въ той области: до того онъ еще дѣтски наивенъ и простъ.

Время жатвы опять отличительно богато у холмщанъ бытовыми особенностями, тѣми-же, что и вездѣ по Украинѣ. Польскія „дожынки“ требуютъ музыки и краковяка, рускія „обжынки“ сопровождаются такими бодрыми пѣснями въ честь хлѣба, что, какъ говорятъ сельчане,—„ажъ поле грае“ отъ нихъ, настолько радостно могучъ этотъ старинный напѣвъ въ словахъ, передающихъ тяжелый трудъ и его богатый результатъ.

Если случится и погулять на обжинкахъ, то малорусскій „гопакъ“ не покажетъ собою сходства съ краковякомъ. Хотите еще Ивана Купалу вспомнить? Есть онъ и въ Холмщинѣ, тотъ же, что и вокругъ Кіева. Есть нѣсколько лѣтнихъ и осеннихъ празднованій, въ которыхъ по обычаю работать не полагается, что поляку просто ужъ кажется чудачествомъ, такъ какъ на такіе дни и по церковному уставу нѣтъ праздниковъ. Пастухамъ трубить въ трубы и сопѣлки можно только съ Ильина дня. Колосковъ на пожнивью собирать всѣхъ нельзя: пусть и птицы поживятся. Плодовъ ѣсть нельзя до освященія ихъ въ церкви. Посты положительно всѣ надо соблюдать, не зная никакихъ облегчительныхъ „набѣловъ“, хотя-бы и въ страду. Кто-же изъ русскихъ холмщанъ нарушаетъ такіе и подобные имъ обычаи, тотъ уже считается „перекиньчикомъ“, или же паномъ.

А панство пока въ общей русской массѣ Холмщины еще не имѣетъ широкихъ корней. Это отсутствіе панства, имѣющаго всетаки поползновеніе къ расширенію, спасаетъ пока простонародную Холмщину отъ потери своихъ старыхъ русскихъ укладовъ, обычаевъ и обрядовъ.

4. О нравственности простонародья въ Холмщинѣ.

Задавшись цѣлью дать посильный отзывъ на указанную тему, приходится сейчасъ же выдвинуть на первый планъ одну существенную оговорку, что, просто говоря крестьянскими же словами, „не будь горілыці (водки).—не було бы і дурныці". А такъ какъ „горѣлка" и здѣсь издавна очень сильна во всѣхъ отношеніяхъ, то и нравы народа отмѣчены изъянами во многихъ проявленіяхъ текущей и утекшей жизни. Нельзя, однако, признать эти изъяны доминирующими до той степени, каковая замѣчается теперь по другимъ нашимъ мѣстностямъ, но всетаки и въ Холмщинѣ порядочно пьютъ... Пьютъ на „родинахъ, хрестинахъ, весільяхъ", храмовыхъ праздникахъ, на ярмаркахъ, на сходахъ и на тому подобныхъ общественныхъ собраніяхъ; пьютъ и въ одиночку, затяжнымъ, такъ сказать, способомъ. Впрочемъ, послѣдній видъ пьянства замѣчается рѣдко, такъ какъ холмщанинъ любитъ бесѣду при „выпивкѣ", а для бесѣды нужна компанія. Но, странное дѣло: какъ ни велика пропиваемая сумма, всетаки ни одинъ не ошляхтившійся еще сермяжникъ—холмщанинъ не пропиваетъ своего добра до послѣдней нитки, до обнищанія. Видно, что характеръ и нравъ мѣстнаго простонародья, допуская обильную, своевременно урочную выпивку, не допускаетъ окончательно утопить себя въ винѣ. Тутъ громадное значеніе имѣетъ старинный обычай, съ его положительной и отрицательной сторонами. Положительная сторона обычая требуетъ, ради поддержанія вѣкового гостепріимства, всѣхъ этихъ разноименныхъ гостинъ-пирушекъ, требуетъ во что бы то ни стало, нерѣдко даже цѣною зубовнаго скрежета при расходованіи скудныхъ или послѣднихъ средствъ; а чисто отрицательная сторона этого обычая опять-таки требуетъ нѣсколько ведеръ „горѣлки" на это гостепріимство. И должна тутъ быть „горѣлка", ибо окажись тутъ какой-либо новаторъ съ устройствомъ пирушки безъ спирта, его осмѣивали бы на каждомъ шагу, его не пустили бы ни на какую гостину, ему подчасъ и отомстили-

бы за измѣну обычаю. Волей-неволей, значитъ, а обычное урочное пьянство должно существовать. Впрочемъ, пьянство ли это, кажется иной разъ... Соберутся себѣ по урочному случаю трудовые люди, посидятъ при питьѣ и ѣдѣ нѣсколько часовъ, утолятъ себя привычнымъ образомъ и, хотя каждый уходитъ съ пирушки въ изрядномъ подъемѣ „горѣлочнаго“ настроенія, а иной и не сможетъ выйти,—они ничѣмъ, повидимому, не нарушаютъ своей благочинной колеи жизни: отъ пирушки до пирушки время проходитъ обычнымъ самымъ тихимъ чередомъ. Но нѣтъ: всетаки и это пьянство. Если оно не отвратительное пьянство по виду и рѣзкимъ послѣдствіямъ, то оно источникъ для выработки довольно покладистой нравственности, такъ какъ „горѣлка“ тутъ является въ роли прикрытія предосудительныхъ сторонъ жизни.

Чувствуетъ, напримѣръ, какой-либо господарь свою вину предъ обществомъ, повредивши ему чѣмъ-либо, сознаетъ онъ правоту людского гнѣва,—что дѣлать, чтобы стушевать, замять дурные слѣды поступка? Да устроить „гостину съ горѣлкой“—и все уладится. И дѣйствительно, многое такимъ образомъ улаживается. Надо-ли кому нибудь вынырнуть повыше обычной будничной сѣроты,—опять „горѣлка“ съ достиженіемъ цѣли. Надо-ли избу, наконецъ, построить,—и тутъ можетъ помочь одна только „горѣлка“. Впрочемъ, примѣры здѣсь можно приводить безъ конца, да и слишкомъ они знакомы всякому, знающему сельскую жизнь. „Все добре буде, абы-но горілка“,—такъ гласитъ народное пристрастіе къ этому напитку. Какъ оно на самомъ дѣлѣ „добре“, это прекрасно цѣнитъ недремлющая народная совѣсть, а всетаки и она убаюкивается „горѣлчаной“ привычкой.

Нравственность холмщанъ шляхетныхъ или ошляхтившихся, да къ тому еще стѣсненныхъ въ достаткахъ, подъ вліяніемъ употребленія спиртныхъ напитковъ, заходитъ гораздо дальше своей отрицательной стороной, чѣмъ у простыхъ сермяжниковъ. У первыхъ урочные виды употребленія „горѣлки“ теперь просто уже перенесены на разные непредвидѣнные случаи, т. е., шляхта пьетъ тогда, когда карману вздумается, а не тогда, когда обычай требуетъ. Пьютъ и при урочномъ обычаѣ, но чаще пьютъ эти люди уже по городскому образцу: съ крикомъ, пѣснями, ѣздой, драками и т. п. уличными безобразіями. Изъ такихъ „шикозныхъ“ типовъ пьяницъ вырабатывается и слишкомъ знакомый городу типъ босяка, готоваго пропить все до послѣдней не только своей но и чужой

нитки. Изъ двухъ золъ лучше, конечно, меньшее, а потому и крѣпка еще сравнительно сермяжная холмщина своимъ хлѣбомъ насущнымъ, пока ея „горѣлчаная“ гостина не переходитъ съ урочныхъ обычаевъ на открытую улицу, гдѣ—просторъ для крайняго разгула.

Хотѣлось бы еще оттѣнить нѣсколько проявленій народной нравственности, помимо воздѣйствія на послѣднюю спиртныхъ паровъ, хотя нѣтъ, кажется, такихъ нравственныхъ закоулковъ, куда-бы тѣ пары не проникали. Возьму, напримѣръ, область женской нравственности. Какъ она еще кристально чиста въ тѣхъ глухихъ деревушкахъ, куда нѣтъ доступа пресловутому шляхетству! Ужъ тамъ если „дівчата“, такъ дѣйствительно цвѣточная дѣвственная краса; если „молодыці“, такъ это безукоризненная краса и гордость своихъ соотвѣтственныхъ имъ же „чоловіківъ“; наконецъ, если и случится гдѣ-либо на рѣдкость „покрытка“, то нѣтъ ей нигдѣ тамъ того простора, въ какомъ обычно нуждается темпераментъ шляхетскаго „шика“... Не та, далеко не та женская нравственность среди „перкаликовыхъ“ деревенскихъ франтихъ. Объ этой нравственности и словъ тратить не стоитъ: тамъ то же, что и среди городскихъ подонковъ. Опять повторяю, въ добавленіе къ своимъ прежнимъ характеристикамъ, что страшная доля вины падаетъ на тѣхъ крестьянъ-реформаторовъ духа и внѣшности въ нашей Холмщинѣ, которые думаютъ влить свое вино въ тѣ мѣха, которые на здоровье нитали и поили одной только чистой водой: какъ видно, съ новымъ виномъ впиваются и всѣ виды отрицательной нравственности.

Перейдемъ теперь къ другимъ проявленіямъ народной нравственности. „Украсть—въ бѣду попасть“—эта поговорка сильна и въ мѣстномъ народѣ. И опять таки, насколько можно, свято берегутъ восьмую заповѣдь простые холмскіе сермяжники. Бѣда вотъ только, что страхъ предъ мстителями, гастролерами воровства, очень часто поддерживаемый возліяніемъ „горѣлки“, заставляетъ молчаливо терпѣть это зло среди покорныхъ судьбѣ простаковъ. А такъ какъ, однако, абсолютной чистоты нравственности нигдѣ нельзя отыскать, то надо сказать, что и деревенская наша простота повинна кое-чѣмъ въ этомъ грѣхѣ. Вотъ, напримѣръ, потрава скотомъ сосѣда у сосѣда,—это ужъ настолько обычное явленіе, что считается какъ-бы неизбѣжнымъ. По такому же сужденію нѣкоторыхъ крестьянъ, хотя и грѣхъ, но обычное дѣло сорвать у сосѣда пару грушъ или яблокъ въ саду, вытащить изъ сѣтей чужую рыбку, срубить

недосмотрѣнную чужую сосенку или чужой дубокъ: яблоки, рыбку, дерево и т. п. Богъ далъ и выростилъ,—можно и поживиться при нуждѣ немножко, не разжиться, не разбогатѣть на чужой счетъ, а именно только „поживиться". Повторяю, что у массы крестьянства есть на лицо сознаніе вреда этихъ обыденныхъ изъяновъ, но опять-таки обыденное крестьянское всепрощеніе не обостряетъ этихъ изъяновъ до степени злобы, вражды и преступленій, а сглаживаетъ, затушовываетъ и миритъ съ вѣками выработаннымъ укладомъ деревенской жизни. Рѣзкія проявленія безнравственности случаются лишь какъ исключительныя явленія, происходящія тамъ, гдѣ утерянъ уже обликъ сермяжной простоты.

5. Объ одеждѣ сельчанъ въ Холмщинѣ.

Одинъ изъ видимыхъ, вѣками сохранившихся признаковъ древнерусскаго народа въ Холмщинѣ заключается, безспорно, въ типичной верхней одеждѣ, свойственной по покрою и шитью насельникамъ исключительно только южно-русскихъ и западно-русскихъ областей. Такой одежды, какая еще во многихъ селахъ Холмщины сохранилась и по настоящее время, нигдѣ нельзя встрѣтитъ во всей Польшѣ. Мало того, стариннаго покроя холмская крестьянская одежда не переняла никакого уподобленія отъ одежды сосѣднихъ поляковъ, какъ равно и сама ничуть не повліяла на видоизмѣненіе одежды у сосѣдей-поляковъ, будучи „хлопско-русинской" одеждой. Что одежда русскихъ холмянъ общеоднакова съ одеждой Украины, это видно, прежде всего, изъ общихъ названій: свитка, хвартухъ, плахта, кабатъ и др. Помнятся нѣсколько селъ въ Кіевщинѣ, гдѣ случилось путешествовать, напр., село Ситники; тамъ и тутъ внѣшній обликъ сельчанина до того одинаковъ, что, казалось, видишь въ Ситникахъ-Кіевскихъ ситничанъ подляшскихъ или холмскихъ (Ситники Бѣльскаго уѣзда и Ситно Замостскаго уѣзда).

Главная одежда для мужчинъ и женщинъ въ Холмщинѣ—свитка, свытына, называемая кое-гдѣ сукманъ. Это, такъ сказать, верхній кафтанъ изъ домотканаго овечьей шерсти сукна, чаще всего чернаго цвѣта, и вездѣ, въ каждомъ селѣ, одинаковаго покроя, обязательно со стоячимъ воротникомъ, съ небольшими отворотами, съ широкими полами, сзади собранными въ складки. Сукманъ или свитка обшивается по краямъ, воротнику и карманамъ, смотря по мѣстности, то синими, то красными

снурками, и шитье это сплошь до полнаго однообразія одинаково вездѣ. Вторая мужская и женская одежда, нѣчто въ родѣ жилета, кабатъ, у мужчинъ съ рукавами, у женщинъ безъ рукавовъ, шьется тоже въ однообразномъ покроѣ изъ такого же сукна. Затѣмъ кожухъ изъ своихъ мѣстныхъ овчинъ, голый сверху, окрашенный прочнымъ составомъ краски въ желтый или красноватый цвѣтъ (а иногда просто бѣлый), съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, одного покроя для мужчинъ и женщинъ. Вотъ и вся одежда холмскихъ сельчанъ, одежда, повторяю, старинная, кое-гдѣ, подъ вліяніемъ шляхетскаго уподобленія „шику", замѣнившаяся обычною мѣщанскою одеждой. Что же касается головныхъ уборовъ холмянокъ, ихъ разныхъ „чипцивъ, каптуровъ, чилокъ, плахтъ, хустынъ" и пр., то тутъ сразу бросается въ глаза такая ярко-отличительная особенность именно „хлопско-русинской" одежды, какая вамъ сразу, безъ объясненій, обнаруживаетъ русскую селянку. То же можно сказать и относительно крестьянскихъ домотканныхъ юбокъ, полосатыхъ или клѣтчатыхъ, всегда въ яркихъ сочетаніяхъ разныхъ тоновъ цвѣта.

Гдѣ еще прочно держится въ Холмщинѣ эта старинная одежда, тамъ даже нищій или нищенка, одѣтые по мѣщански, не назовутся уже „мужыками",—нѣтъ,—это ужъ, по мнѣнію такихъ типичныхъ русиновъ, не свой братъ сельчанинъ, а шляхта. А такъ какъ нѣкоторыя холмскія села, хотя и вполнѣ сохранившія свой русскій духъ, перешли уже въ отношеніи одежды на шляхетскій покрой, то подчасъ случается, что и свои своихъ не узнаютъ. Напримѣръ, въ г. Холмѣ мои земляки подляшане, типичные во всѣхъ отношеніяхъ „хохлы", ни за что не хотѣли вѣрить, что русскія богомолки Томашовскаго уѣзда, одѣтыя по мѣщански, такія же, какъ и они, Марынки, Параси, Оленки и пр.— „Ни, то не мужычки"—возражали подляшанки: „то пани и панянки"... Такъ, повидимому, простая внѣшность мѣняетъ даже взгляды другъ на друга. И какъ знать? Быть можетъ, это наше простонародное шляхтоуподобленіе—одинъ изъ многихъ нежелательныхъ для русскаго духа переходныхъ этаповъ.

Мною уже раньше на страницахъ *Варш. Дневн.* приводились доказательства, что наша холмская народная старинная простота, заключающаяся хотя бы въ его самодѣльной одеждѣ,—весьма цѣнный признакъ русской самобытности, стоющій того, чтобы его поддержать и укрѣпить, не дать ему угаснуть. Посмотрите, кто можетъ, на мѣстѣ, что за чуд-

ныя, а главное—прочныя льняныя ткани производятъ сами крестьянки въ Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ. Эти ткани, какъ теперь уже достовѣрно извѣстно, нашли себѣ сбытъ во внутренней Россіи. Вотъ великое благо для народа-труженика, скажу болѣе,—для эстетика, умѣющаго произвести вещь, которая вездѣ можетъ быть принята! Или полотна, полотенца, коврики во Влодавскомъ уѣздѣ, своеобразной выдѣлки, такія прочныя и въ такомъ цвѣтовомъ вкусѣ, что уже фабрики начинаютъ поддѣлываться подъ этотъ вкусъ. Словомъ, ужъ чѣмъ только, а ткачествомъ Холмщина богата, хотя и не повсемѣстно. Вотъ тутъ кстати бы устроить и оборудовать двѣ—три школы ткацкаго ремесла, ради болѣе полнаго усовершенствованія даннаго прибыльнаго ремесла. А хлѣбомъ насущнымъ если сытъ будетъ человѣкъ, то не станетъ терять и своего облика, уподобляясь иногда грошевой мишурѣ. Что пользы крестьянамъ въ „шляхетской" одеждѣ, которая сразу трещитъ и рвется при тяжеломъ трудѣ? Надо посодѣйствовать къ открытію по мѣстамъ кооперативныхъ швален, которыя бы производили прочную русскую одежду и которую бѣднякамъ дешевле можно было бы купить, не прельщаясь „тандытною" дешевкой. Къ чему эти „крамныя" рубахи, когда онѣ и годъ не носятся, эти дешевыя „перкали, барханы, плуценка" и прочая отбросная дешевка, рвущаяся въ рукахъ? Вѣдь заказами у союзовъ самихъ сельскихъ тружениковъ можно вызвать на рынокъ массу хорошаго товара. И этотъ подъемъ народной сельской товаропроизводительности заставитъ и фабрики дѣлать товаръ получше и покрѣпче.

Закончу опять тѣмъ, какъ началъ. Холмскіе сельчане по своей одеждѣ такъ типично красивы, что стоило бы издать хорошій сборникъ рисунковъ въ краскахъ, для наглядняго доказательства нашей здѣшней искони русской отличительной особенности, присущей всему малорусскому народу, а также и для простой библіотечной необходимости — имѣть все свое у себя на виду.

6. Крестьянскія хаты и ихъ обстановка въ Холмщинѣ.

Постройки жилыхъ и прочихъ помѣщеній у древле русскихъ насельниковъ Холмщины типично не тѣ, что у коренныхъ польскихъ сельчанъ, а какъ разъ и точь-въ-точь одинаковы съ типомъ гродненскихъ

и волынскихъ селъ, населенныхъ холмскими сородичами. Это третье внѣшнее отличіе, послѣ языка и одежды, между холмщаниномъ-русскимъ и сосѣдомъ его—полякомъ, различіе тоже пока не поддающееся уравнительной нивелировкѣ. Казалось бы, что польская халупа и малорусская хата одинъ и тотъ же типъ примитивной славянской жилой постройки, но нѣтъ: и эта житейская принадлежность двухъ братскихъ родовъ различна у нихъ. Коренное различіе здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ. Въ то время, какъ хата зажиточнаго холмщанина-русскаго и хатенка такого же бѣдняка совершенно одинаковы по типу и неодинаковы только по запасу внутренняго хатняго достатка,—халупы богатыхъ и бѣдныхъ польскихъ сельчанъ находятся между собой уже не въ такомъ параллельно одинаковомъ сходствѣ: халупа богача-поляка уже претендуетъ на наименованіе—„покои“, т. е. это уже тотъ внѣшній видъ дома, какой можно видѣть по разнымъ старинымъ фольваркамъ и на боковыхъ улицахъ любого мѣстнаго городка. Малорусское крестьянское жилье нигдѣ не пріобрѣтаетъ себѣ такого „покоеваго“ подобія.

Затѣмъ другое существенное въ данномъ случаѣ различіе будетъ таково, что общій типъ малорусской деревни по своимъ строеніямъ и группировкѣ ихъ не тотъ, что типъ польской деревни, безразлично—у зажиточныхъ или тѣхъ и другихъ, или нѣтъ.

Польскія халупы чаще бываютъ съ крылечками, малорусскія хаты—почти никогда, допуская иногда только, въ нѣкоторыхъ селахъ Холмщины, нѣчто вродѣ внутренняго крыльца, устроеннаго за счетъ сѣней. У большинства холмскихъ малороссовъ хата соединяется въ одной прямой линіи съ прочими холодными пристройками, такъ что холмскій господарь весь заключается въ одномъ зданіи,—польскій сельчанинъ сооружаетъ себѣ отдѣльно хозяйственныя постройки, или въ видѣ „окульника“, или въ видѣ раскинутыхъ стодолы, оборы, шпихлержа и т. п. Случается иногда, впрочемъ, видѣть по нѣкоторымъ селамъ и сравнительно полное сходство въ постройкахъ тѣхъ и другихъ сельчанъ, что зависитъ, вѣроятно, отъ позднѣйшаго позаимствованія другъ у друга, и что наблюдается въ пограничной полосѣ Холмщины, но тутъ сельчанинъ-полякъ хотя ставни выкраситъ себѣ особою отличительною краской да помѣститъ какую-либо рѣзьбу возлѣ оконъ и по карнизамъ дома, лишь бы выказать свое внѣшнее отличіе.

Но зайдемъ внутрь дома, того и другого: тутъ уже обязательно

найдется яркое взаимное различіе. Вся хатняя малорусская обстановка со всѣхъ угловъ покажетъ вамъ всѣ предметы исключительно домашняго приготовленія: рядна, плахты, килимы, пошовки, коробки, колышки, товкачи, ступы, вертяги и т. д. до безконечности. Если русакъ-хозяинъ зажиточенъ, то все это выглядитъ хотя и черезчуръ грубовато, но зато сыто и дѣйствительно обильно. Если онъ бѣденъ, то на всей домашней обстановкѣ лежитъ печать запустѣнія и даже неряшества Не то совсѣмъ у сельчанина поляка. У него прежде всего весь отличительный „шикъ“ домашней обстановки заключается въ высоко набитой подушками и то одной только кровати (малороссъ никогда кровати не знаетъ,— для спанья у него просто полати и лавки). Изо всѣхъ угловъ польской халупы выглядываетъ хотя и неказистое, но всетаки шляхетство, чаще покупного, а не домашняго производства: колдры, фиранки, фланельки, квятки натуральные и искусственные, фарбянки (крашенное полотно), рондли, пулмиски, кредѳнсы, видельцы, кшесѳлка, фотели и прочая рухлядь, хотя и грошевой цѣны нерѣдко, за то обособленная отъ русской какъ по названію, такъ и по способу употребленія. Въ общемъ войдя въ хату малоросса, вы замѣчаете сразу почти однотонный фонъ домашней обстановки: черный и сѣроватый цвѣта, лишь кое-гдѣ съ небольшими крапинами цвѣтовой пестроты. Въ домѣ сельчанина поляка цвѣтовой пестроты значительно больше, причемъ пестрота эта ни въ одномъ домѣ не выдерживаетъ, такъ сказать, однороднаго стиля: тамъ больше „ружового колеру“, тамъ краснаго, тамъ зеленаго, смотря по тому, какая краска больше нравится въ домѣ его семейству. Но пестрота, повторяю, въ польской халупѣ обязательный признакъ, какъ сѣрота—признакъ малорусской хаты.

Что касается кулинарнаго, кухоннаго производства, то и тутъ разница порядочная. Не одно и тоже польская „зупа“ и малорусскій „крупникъ“: первая часто только споласкиваетъ ротъ своей жижой, второй иногда можетъ сойти и за густую кашу. Малороссъ холмщанинъ не знаетъ, что это за пища: росолекъ, бигосъ, потравка, сосъ, легоминъ; полякъ не догадается на счетъ состава: солодухи, кулишу, свырипки, помятухивъ, затирки и т. п. Какъ видите, даже названія ѣды тутъ различествуютъ, и ужъ что издавна привыкли ѣсть русскіе, того не заставишь сразу ѣсть въ польскомъ домѣ и наоборотъ. Самый процессъ ѣды въ домашней обстановкѣ тѣхъ и другихъ неодинаковъ: малороссы сельчане

ѣдятъ цѣлой семьей и съ одной громадной миски (вертяги); поляки дѣлятъ ѣду на нѣсколько отдѣльныхъ порцій: старшимъ получше, младшимъ — остатки, а сама хозяйка нерѣдко питаетъ себя прямо изъ горшка или рондля. Завтракъ по малорусски — обідъ, по польски — снядане; обѣдъ по польски тоже — обядъ, но по малорусски — полудень; ужинъ — вечера — коляція. Очевидно, что и здѣсь нѣтъ сходства, даже въ названіяхъ. Вотъ про эту совмѣстную русскую ѣду изъ общей вертяги вспоминается мнѣ мѣткая народная поговорка. На замѣчаніе, зачѣмъ при ѣдѣ изъ общей вертяги разливать и разсыпать пищу, отвѣчаютъ: „де їсть русинъ, тамъ буде і гусямъ, а де їсть ляхъ, тамъ не наїсться і птахъ“. И впрямь оно такъ: русинъ до чиста никогда посуды съ пищей не опорожнитъ, — пусть, молъ, и для кота останется; полякъ объ остаткѣ не заботится, когда аппетитъ способенъ все уничтожить.

Въ послѣднее время какъ дома польскихъ сельчанъ, такъ и домоводство послѣднихъ, судя, по крайней мѣрѣ, по холмскимъ образцамъ, пріобрѣтаютъ довольно сильную склонность къ шляхетскому или просто — панскому уподобленію, такъ что часто даже не различишь, гдѣ дѣйствительно панство, а гдѣ крестьянство. Дома же съ ихъ обстановкою у мѣстныхъ русскихъ насельниковъ пока поддаются такому соблазну лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ: сермяжная русская простота такимъ образомъ оказывается болѣе устойчивою. Гдѣ человѣкъ сытѣе и обезпеченнѣе, — мною уже приводились доказательства, на основаніи житейскихъ фактовъ, въ прежнихъ моихъ замѣткахъ.

7. О народныхъ пѣсняхъ въ Холмщинѣ.

Среди всѣхъ закономѣрныхъ и естественно возможныхъ способовъ къ подъему и укрѣпленію общерусскаго духа въ русскомъ простонародьѣ Холмщины не послѣднее мѣсто занимаетъ и народная пѣсня. Но она теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Холмщины совершенно заглохла, въ иныхъ начинаетъ глохнуть, а въ другихъ хотя и не глохнетъ, но не имѣетъ обезпеченнаго, надежнаго выхода въ тѣ уголки, гдѣ ее, эту яркую родимую черту, начинаютъ забывать.

Начну прямо съ вывода, ради котораго пишу настоящую замѣтку. Нужно путемъ мѣстной русской печати попросить всѣхъ, вѣрныхъ русскому дѣлу интеллигентныхъ лицъ въ Холмщинѣ записать, по возмож-

ности, весь запасъ этого изустнаго народнаго богатства. Потомъ весь этотъ письменный запасъ вручить свѣдущимъ мѣстнымъ же знатокамъ народной исторіи, быта и особенно—народной музыки, для толковой редактировки такого сборника и приложенія къ нему на нотахъ хоровой гармонизаціи. Слава Богу, недостатка въ такихъ лицахъ въ Холмщинѣ не будетъ, былъ бы готовъ только полный и тщательный сборъ этого матеріала. Затѣмъ такіе сборники, съ присовокупленіемъ къ нимъ, кромѣ нотъ, историко-бытовыхъ, популярно изложенныхъ характеристикъ народнаго творчества, слѣдовало бы разослать во всѣ мѣста, куда только нужно. Средства на такое изданіе должны найтись; да, вѣрится, что каждый интеллигентный человѣкъ съ удовольствіемъ купитъ такую книгу, хотя бы она стоила и больше рубля. Если хорошей ното-печатни въ нашихъ типографіяхъ нѣтъ, то не бѣда,—можно и самымъ простымъ способомъ отпечатать эти ноты, въ видѣ такого оттиска, какъ въ „Богогласникахъ". Кстати, вотъ тутъ такое сопоставленіе: какъ разошелся, и даже далеко за предѣлы Холмщины, религіозно-пѣсенный „Богогласникъ" въ тысячахъ экземпляровъ, такъ, безъ сомнѣнія, разойдется и простой пѣсенный холмскій „народногласникъ", будучи естественнымъ, необходимымъ дополненіемъ къ первому.

А что старинными, чудными по своимъ мотивамъ народными пѣснями Холмщина еще богата,—это фактъ. Быть можетъ, многія изъ этихъ пѣсенъ, такъ сказать, общеодинаковы съ пѣснями Волыни, Подоліи и Малороссіи; быть можетъ, многія изъ нихъ вошли уже въ разные сборники, но есть еще не малый запасъ въ памяти холмскаго простонародья нигдѣ не записанныхъ и не изданныхъ пѣсенъ. Есть по мѣстамъ только пѣсни узко районныя, но достойныя вниманія лучшаго композитора; есть во многихъ пѣсняхъ такая глубина чувства, такая фотографія былого и такой чарующій напѣвъ, что достаточно разъ только стройно пропѣть какую-либо изъ такихъ пѣсенъ тамъ, гдѣ она уже замерла или гдѣ ея и вовсе не было, но гдѣ она можетъ быть родною, чтобы такая пѣсня сразу привилась къ лиризму духа нашего простолюдина. Нельзя поэтому позволять вымирать этому духовному народному достоянію. Хотя текущее время, положимъ, болѣе олицетворяется жаждою культурно-экономическаго улучшенія, но при этой жаждѣ должна найти свое мѣстечко и наша самобытная пѣсня: авось, при большей своей ширинѣ, пѣсня и экономикѣ поможетъ. Недаромъ вѣдь русскій человѣкъ при тяжеломъ трудѣ начинаетъ хоровую, и трудъ глаже идетъ.

Особенно богато пѣснями сѣдлецкое Надбужье, мѣста возлѣ Брестъ-Литовска, Кодня, Славатычъ, Влодавы и др. Пишущему эту замѣтку пришлось, по доброй волѣ, собрать и записать въ нѣсколькихъ селахъ изъ указанныхъ мѣстностей около ста народныхъ пѣсенъ, которыя потомъ были напечатаны въ изданіи этнографическаго отд. Императорскаго русскаго географ. общества „Живая Старина", откуда, конечно, не могло послѣдовать широкаго распространенія такого сборника. Да потомъ, при дальнѣйшемъ собираніи этихъ пѣсенъ, оказалось, что пѣснямъ этимъ и числа нѣтъ, и что такой трудъ одному не подъ силу. Знаю, что кромѣ моихъ записей пѣсенъ имѣютъ таковыя и нѣсколько другихъ лицъ. Вотъ поэтому для предстоящаго указываемаго мною сборника уже можетъ быть готовъ маленькій вкладъ.

Не бѣдна пѣснями и остальная Холмщина. И замѣтьте, что она долѣе живуча тамъ, гдѣ нашъ простолюдинъ менѣе подверженъ ранѣе описанному мною въ *Варш. Дневн.*, такъ называемому шляхетскому „шику". Ужъ гдѣ послѣдній укоренился, тамъ прицѣпились пѣсни другого рода, чуть ли даже не декадентскаго пошиба. А между тѣмъ нашъ народъ еще не утерялъ потребности въ своей родной поэтической музыкальности. Гдѣ только есть мастера-регенты, тамъ съ полнымъ удовольствіемъ поютъ и слушаютъ родную пѣсню какъ сермяжники, такъ и „пальтошники". Ибо кого не очаруетъ хотя бы вотъ только одна такая пѣсня съ чуднымъ мотивомъ: „Гей черезъ Дунай хибкая кладка, а я молоденька перейду стыхенька, все стыхенька ступаючы, золоты ключи переймаючы" и т. д., гдѣ смыслъ, вѣроятно, тысячелѣтней пѣсни дальше уясняется. Приводить ихъ больше не буду, такъ какъ это потребовало бы много мѣста.

Кстати, нѣсколько словъ про нашихъ народныхъ регентовъ. Ими Холмщина тоже не бѣдна. Если не въ каждомъ приходѣ, то въ двухъ—трехъ изъ нихъ обязательно найдется хотя одинъ знающій спеціалистъ, конечно, не съ консерваторскимъ образованіемъ, но хотя бы съ общимъ знаніемъ пѣнія. Вотъ и проводники своей народной пѣсни, значитъ, готовы, а тамъ дальше ихъ и больше можетъ быть. Эти сельскіе наши регенты и теперь, конечно, услаждаютъ своими хорами своихъ односельчанъ; пѣсенъ не занимать стать. Но еще больше расширили бы они свой репертуаръ при наличіи упомянутаго сборника. Кромѣ хорового репертуара народная, своя пѣсня пошла бы въ разнородный бытовой обиходъ, тамъ-гдѣ теперь она погасаетъ или опошляется. Вѣдь села, богатыя народны-

ми пѣснями, имѣютъ самый разнообразнѣйшій пѣсенный составъ: есть пѣсни „великоднія“, весеннія, для поры посѣвовъ, есть пѣсни жатвенныя, свадебныя, былинныя, грустныя, веселыя и, какія хотите, на всѣ житейскія потребы. Одинъ только юный школьный людъ могъ бы быть надежнымъ воспринимателемъ этого своего родного достоянія, усваивая какъ слова, такъ и напѣвъ послѣдняго, не говоря уже про остальную молодежь. Цѣль воспитательно-эстетическая, въ такомъ случаѣ, получила бы симпатичное дополненіе, а при всемъ томъ, съ Божьей помощью, вкупѣ съ другими разумными способами, мы, дѣйствующіе холмщане, вѣрнѣе стали бы стряхивать съ себя и съ своего народа разные назойливые налеты.

8. Коляднини (славильщики) въ Холмщинѣ.

Издревле Холмщина, наравнѣ съ остальною юго-западною Русью, бережно хранитъ свое поэтически религіозное наслѣдіе, въ видѣ многочисленныхъ рождественскихъ колядокъ, родившееся отъ народнаго творчества, одухотвореннаго христіанскимъ проникновеніемъ, но покоящееся основаніемъ своимъ на пережиткахъ сѣдой старины. Отзвуки этой былинной полумиѳической старины, нынѣ уже еле замѣтны и какъ бы всецѣло поглощены христіанскими пѣсенно-обрядовыми колядками. А все таки „коляда“ такъ таки и осталась колядою, хотя и подъ другимъ содержаніемъ, но съ тѣмъ же хожденіемъ, переряживаньемъ, гаданьемъ, бѣганьемъ босикомъ и т. п. мелочами, что и въ далекую старину. И какъ это пришлось все кстати въ народѣ ко дню праздника „Рождества Христова“: и славленье Христа-Младенца и дѣтски наивные старинные обычаи. Ничто одно другого взаимно не исключаетъ, а напротивъ—одно съ другимъ сливается въ простодушную, но чудную гармонію.

Любитъ простодушный холмщанинъ свои разноголосыя колядки, любитъ даже до восторга, до религіознаго экстаза. Почему? А потому, что онѣ такъ поэтически просты и ясны, такъ родственно мелодичны, такъ воодушевляющи, какъ ничто другое. Судьба сейчасъ пріютила меня опять въ такомъ уголкѣ Холмщины, гдѣ есть на лицо неистощимый изустный запасъ этого богатства. Поются здѣсь эти колядки какъ въ каждомъ домѣ на святкахъ, какъ на улицѣ въ свое время, такъ и въ церкви, въ новѣйшей нотной гармонизаціи, или просто по памяти. Въ церкви поютъ

ихъ дѣйствительно едиными устами и единымъ сердцемъ, молчитъ только развѣ лишь глухонѣмой. Гдѣ же нѣкоторыя колядки исполняются умѣлымъ хоромъ, тамъ помимо общаго, но сдержаннаго участія всѣхъ, замѣчается выработанная практикой музыкальная изящность. Такъ изящно поютъ колядки, напр., въ пос. Тышовцахъ. Но и кромѣ указаннаго мѣста колядки умѣло поются во многихъ нашихъ церквахъ; единодушно-же и любовно въ каждой церкви. Вотъ причина, почему хотя и довольно сжатые, „Богогласники“ получили у насъ въ народѣ весьма широкое распространеніе. Весьма поэтому кстати, что одинъ изъ нашихъ знатоковъ народной музыки, г. Витошинскій, издалъ новый сборникъ „Богогласника“, съ нотной при немъ мелодіей. Такія книги, вплоть до полныхъ записей всего народнаго запаса пѣсенъ, будутъ имѣть надежное распространеніе.

Вспомню тутъ о колядованіи на улицѣ по многимъ селамъ Подляшья, прохожденіе колядниковъ отъ села къ селу. Что, какъ не дѣтски простая радость, религіозная радость о рожденномъ Младенцѣ-Христѣ, заставляетъ группы молодежи и даже дѣтей всѣ святочные вечера, а нерѣдко и ночи ходить отъ дома къ дому „со звѣздою“ и колядованіемъ? „Колядуютъ“—какъ то странно звучитъ для незнакомаго съ мѣстнымъ обычаемъ, а это значитъ—поютъ Рождественскія пѣсни, но тутъ же, въ видѣ поздравленія домохозяевъ, присовокупляютъ и какую-либо настоящую бытовую колядку, безъ чего не было бы гармоніи обычая. Ходятъ „со звѣздою“ не убогіе, не ради милостыни, а всякіе, и преимущественно болѣе памятливые и голосистые. Не дать пирога или копейки колядникамъ считается обидою не колядующимъ, а самому обычаю. „Звѣзда“ и другія принадлежности колядованія самаго простого устройства, и хлопотъ колядникамъ для всего этого оборудованія не мало: приготовляются за мѣсяцъ до праздника общими силами и умѣніемъ. Пропѣвши не меньше 50 разъ разныя колядки за одну ночь въ одной деревнѣ, очень часто на морозѣ и вѣтру, колядники хрипнутъ, устаютъ, но не на долго: день, два отдыха, и крѣпкое здоровье опять позволяетъ имъ колядовать до конца святокъ. Такія партіи народныхъ пѣвцовъ чередуются на святкахъ безпрерывно. Бываетъ, что по одному селу пройдется ихъ нѣсколько: одни съ чудною „звѣздою“, другіе съ „Иродомъ и смертью“, третьи съ „яслями“. Каждая группа имѣетъ свои преимущества, и соревнованіе оттѣняетъ только силу обычая. А обычай этотъ имѣетъ еще и другую хорошую сторону: всякіе колядники

значительно большую часть своихъ сборовъ, по обращеніи ихъ въ деньги, жертвуютъ на церковь,—на покупку главнымъ образомъ, „свѣтла“, т.е. воску или восковыхъ свѣчей. Остатки идутъ на обоюдную пирушку, не столько съ яствами и питьемъ, сколько съ обоюднымъ гаданьемъ парней и дѣвушекъ гдѣ либо въ сборной избѣ, гдѣ много бываетъ разныхъ старинныхъ игръ и гдѣ обрядовая старина чередуется опять съ пѣніемъ тѣхъ же и разныхъ простыхъ колядокъ.

Маленькій дѣтскій крестьянскій мірокъ набожныхъ колядокъ много не знаетъ, за то онъ первый хранитель разныхъ „щедриковъ“, „гоготушекъ“ и всякихъ поздравленій и благопожеланій, спѣшно распѣваемыхъ подъ сосѣдними и своими стрѣхами. Сколько малышамъ тутъ радости,—это можетъ понять только долго жившій въ нашей холмской деревнѣ, или можетъ постоянно хранить эту радость самъ „гоготавшій“ подъ окнами на улицѣ села... — Гу - гу, гугутушки! Прыйшлы щебетушки на новое лито: роды, Боже, жыто, жыто—пшыныцю, горохъ—сачовыцю“, и т. д.—довольно длинно. А въ концѣ: „Пыкъ—мыкъ! Выносьте колядныкъ! Ой пыльно, пыльно, бо въ ноги зымно“.

Не хотѣлось бы заключать эту замѣтку тѣневою стороною сего обычая, но для безпристрастія надо все отмѣтить. Въ послѣдніе годы коегдѣ по нашимъ селамъ къ этому описываемому мною историческому, простому и вполнѣ безкорыстному обычаю сталъ прилипать торгашескій разсчетъ. Соорудить разныя „шопки“, заучить какія то вычурныя иноязычныя реплики,—все это считается верхомъ совершенства и все это имѣетъ прямою цѣлью собрать побольше сборовъ. Это наносная чужая новость послѣднихъ лѣтъ, и довольно назойливая, а поэтому кстати-бы, кому можно, разъяснить нашимъ колядникамъ, что будетъ съ насъ и нашихъ богатыхъ обычаевъ, не для корысти, а для радости духа среди радостнаго, великаго и торжественнаго праздника Рождества Христова.

9. Великдень въ Холмщинѣ.

Какъ на всемъ просторѣ матушки Руси, такъ и у насъ въ Холмщинѣ величайшій христіанскій праздникъ Воскресенія Христова, именуемый въ просторѣчіи „Велыкдень“, наполняетъ высокорадостнымъ торжествомъ всѣ деревенскіе закоулки, начиная отъ многолюдныхъ селъ

и кончая разбросанными въ одиночку хуторами. Святость этого Великаго дия въ народномъ сознанiи достигаетъ той религiозной степени возвышеннаго чувства, что и во всей природѣ, которая такъ-же въ этотъ день торжествуетъ, какъ и торжествующiе люди. Весеннее пробужденiе природы къ росту и жизни и народная глубочайшая вѣра въ вѣчную жизнь, эти два бодрящiе душу стимула жизни, одинъ наружно познавательный, другой внѣдренный вѣрою на основѣ побѣды Богочеловѣкомъ смерти,—создаютъ непоколебимую устойчивость народной духовной жизни. Слабость богословскаго книжнаго знанія, составляющаго удѣлъ людей разума, искупляется въ простомъ народѣ простотою его духа и вѣры. Но эта простота величественна именно своимъ младенчествомъ, которому ближе понятны тайны царства Божьяго и его торжества на землѣ, великаго торжества Свѣтлаго Христова Воскресенія

Никто въ деревнѣ не спитъ въ Пасхальную ночь, развѣ только малыши, но и имъ во снѣ, по вѣрѣ народа, ангелы Божiи открываютъ картину Христова Воскресенія. Никто огня въ эту ночь не потушитъ; никто не забудетъ, какъ бы ни былъ онъ утомленъ и измученъ трудомъ и недолей, что нужно бодрымъ встрѣчать воскресшаго Христа. Никто по лѣности не пропуститъ свѣтлой заутрени. А если кому въ домѣ надо однако остаться въ эту ночь, когда всѣ ушли въ церковь, то чувство оставшагося сливается съ чувствомъ всѣхъ собравшихся на мѣстѣ общаго торжества. Момента перваго колокольнаго перезвона, когда впервые запоютъ послѣ крестнаго хода предъ церковными дверями „Христосъ воскресе!“—не пропуститъ ни одинъ сельчанинъ, оставшiйся дома. А тѣ, что идутъ густой толпой въ крестномъ ходѣ въ Пасхальную ночь, никогда не забудутъ видимаго общаго момента—воспоминанія Христова Воскресенія. Этотъ первый звукъ о воскресенiи Воскресшаго подхватывается въ крестномъ ходѣ всѣми дѣйствительно одними устами и однимъ сердцемъ. Кто любитъ еще простоту народа во всѣхъ ея проявленiяхъ, кто хочетъ оцѣнить цѣнность народной вѣры и понять его религiозный восторгъ на Великдень, кто хочетъ успокоиться хотя на время отъ умственной матерiальной суеты,—тотъ пусть встрѣтитъ торжество величайшаго христiанскаго праздника именно только въ отдаленномъ отъ города селѣ: простота, чарующая душу простота народной вѣры, исцѣлитъ всякаго страждущаго и всуе шатающагося умомъ въ поискахъ смысла жизни.

Первый „Великодній день" холмщане проводятъ только лишь въ религіозномъ торжествѣ, не допуская никакого даже обыденнаго труда, никакого хотя-бы и невиннаго удовольствія; допускаются только естественныя потребности—сонъ и ѣда. Первый день до вечера благовѣстятъ колокола—разносятъ вѣсть по всему свѣту о великомъ праздникѣ. Звонить на Пасху старается всякій: и старый, и малый, потому что это, по народному повѣрью, послужитъ ко всякому благоустройству въ хозяйствѣ, въ домѣ, въ семьѣ на цѣлый годъ до слѣдующаго Великодня. Кому-же судьба на Великдень пошлетъ смерть, тотъ считается самымъ счастливымъ человѣкомъ, и плакать надъ нимъ съ ритуаломъ извѣстныхъ причитаній грѣшно.

Надо еще высказать тутъ сожалѣніе по поводу почти прекратившагося у насъ стариннаго народнаго обычая освящать пасхи, т. е. пасхальную ѣду, на погостѣ церкви. Какъ это чудно красиво было видѣть ряды кузововъ со всякой снѣдью при церкви, ряды хозяевъ, хозяекъ и дѣтей при своихъ „пасхахъ", крестный ходъ въ концѣ ранней обѣдни на разсвѣтѣ и короткій, въ продолженіе крестнаго хода, вовсе не утомительный никому чинъ освященія хлѣбовъ и всякаго яства, чинъ, совершаемый открыто, общественно, при окончаніи общественнаго церковнаго торжества. Послѣ такого общенароднаго освященія каждый бѣгомъ спѣшилъ со своимъ кузовомъ пасхальной ѣды домой.

Съ вечера перваго дня Великодня во всѣ Свѣтлые дни и дальше вплоть до „Зеленыхъ святокъ" (Троицынъ и Духовъ день) въ свободное время, а особенно по тихимъ вечерамъ начинаются въ деревнѣ народныя очаровательно поэтическія пѣсни при разнообразныхъ играхъ молодежи, пѣсни съ такими самородно чудными мотивами, какимъ давно-бы уже пора стать знакомыми нашей интеллигенціи, какимъ нашлось бы мѣсто въ произведеніяхъ композиторовъ даже и въ оперѣ. Будучи знакомъ съ массою родныхъ южно-русскихъ мотивовъ по разнымъ нотнымъ изданіямъ и представленіямъ странствующихъ украинскихъ труппъ, я утверждаю, что много нашихъ народныхъ мотивовъ звучитъ еще только въ устахъ крестьянъ; въ томъ числѣ не записано еще много разныхъ мотивовъ и въ нашей Холмщинѣ. Хорошо еще, что мотивы эти вмѣстѣ со своими „либретто" хранитъ нашъ народъ, и надо вѣрить, что этотъ запасъ народнаго добра дождется еще своихъ серьезныхъ изслѣдователей. А то вѣдь кое-гдѣ въ Холмщинѣ уже и забывать ихъ начинаютъ.

Забыть-же совсѣмъ ихъ нельзя позволить,—это было-бы растрачиваніемъ народнаго богатства.

До Вознесенія Господня простонародье въ Холмщинѣ привѣтствуетъ другъ друга тѣми-же словами: Христосъ Воскресе!

10. О церковномъ пѣніи въ Холмщинѣ.

Наличное состояніе церковнаго пѣнія въ Холмщинѣ можно признать въ общемъ довольно удовлетворительнымъ, если цѣнить это пѣніе, такъ сказать, сравнительнымъ образомъ. Какимъ оно могло и должно бы быть, —это вопросъ только текущаго времени, начинающаго будить общественную мысль и возбуждающаго повышенный интересъ и къ эстетикѣ. А пока, какъ издавна пѣли сельскіе хоры по церквамъ Холмщины, какъ они теперь поютъ, таково-же въ общемъ церковное пѣніе и сплошь вездѣ по сельской Россіи. Бѣдной въ этомъ отношеніи Холмщину ни въ коемъ случаѣ признавать нельзя: что могло быть, то и есть въ наличности, и даже, кажется, въ нѣсколько большей наличности, чѣмъ по другимъ нашимъ областямъ. Однѣ рождественскія колядки и прочія многочисленныя набожныя пѣсни даютъ уже перевѣсъ въ пользу преимущества сего духовнаго достоянія въ Холмщинѣ, чего не имѣетъ въ такомъ объемѣ внутренняя Россія.

Обратившись къ давней и недавней постановкѣ дѣла церковнаго пѣнія въ разныхъ холмскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изучивши эту постановку по всей наличности выпусковъ народныхъ пѣвцовъ, руководителей сельскихъ церковныхъ хоровъ, и принявши во вниманіе: кто, какъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ училъ и учитъ теперь нашихъ сельчанъ пѣть,— можно отчетливо убѣдиться, почему сельское церковное пѣніе не достигло того состоянія силы и стройности, въ какомъ оно было и есть въ исходныхъ пунктахъ подготовки къ пѣнію. Наличные результаты въ данномъ случаѣ можно выразить такъ: многому сельскихъ регентовъ учили, да ихъ то самихъ забыли, а потому неудивительно, что эти регенты въ большинствѣ случаевъ свои пѣвческія познанія обратили только лишь въ одну обязанность по службѣ, доходившую очень часто до выполненія церковнаго „solo“ по необходимости.

Но минувшаго строго судить нельзя, такъ какъ всякое время имѣетъ и свои оправдательныя данныя. Нынѣ, слава Богу, время общаго

благотворнаго подъема, а потому будемъ питать себя надеждой, что и духовная сторона народной жизни пойдетъ къ подъему вверхъ. Не бываетъ же безпрерывно одной мути отсталости.

Наличная организація церковнаго сельского пѣнія въ Холмщинѣ и ея теперешніе руководители, о. о. настоятели приходовъ, псаломщики, народные учителя и даже посторонніия лица, даютъ основаніе судить, что церковное наше пѣніе замѣтно улучшается, выравнивается и мѣстами достигаетъ силы и стройности городскихъ заправскихъ хоровъ пѣнія. Не вездѣ это замѣчается, но и тамъ, гдѣ пѣніе еще слабовато, уже всѣ сознаютъ необходимость его улучшенія, зная и видя ближайшіе образцы. Работаютъ на поприщѣ приложенія этой эстетики, кажется, въ равной мѣрѣ народные учителя и псаломщики, а если въ приходѣ батюшка тоже знатокъ и любитель пѣнія, то послѣднее достигаетъ образцоваго состоянія. Что же сказать про народъ въ такомъ случаѣ? Да давайте только, пожалуйста, ему эту духовную пищу умѣло, разумно и честно, онъ вамъ артистовъ дастъ въ исполненіи всякой музыки, вокальной, струнной и духовой. Есть уже такіе факты въ Холмщинѣ, о чемъ скажу ниже. Бѣда вотъ только съ нѣкоторыми текущими изъянами при организаціи церковнаго нашего пѣнія. Впрочемъ, что же можетъ быть въ началѣ безъ изъяновъ? Вотъ первый недостатокъ. Чудный сельскій хоръ, управляемый и сорганизованный учителемъ, а не псаломщикомъ, очень часто поетъ только на литургіи: утрени и вечерни для такого хора какъ бы не существуетъ. Мало того, въ пору утрени идетъ даже репетиція пѣнія ради литургіи, а на вечернѣ весьма даже часто опять по прежнему „солуетъ“ наединѣ самъ псаломщикъ. Это еще можно съ нѣкоторой натяжкой оправдать. А вотъ разбивка сельскихъ пѣвчихъ (да и сельскихъ-ли только?) на два хора—правый и лѣвый—это, надо полагать, самый существенный недостатокъ въ нашемъ церковномъ пѣніи. Правый поетъ „партесное“, лѣвый—обычное; у праваго хора регентъ знатокъ, у лѣваго—обязательный исполнитель. Нашему общему христіанскому русскому чувству это не можетъ быть сродни: такъ у насъ не должно быть, не нужно намъ этого дѣленія пѣнія на главное и второстепенное. Это вѣдь тѣмъ болѣе, что не менѣе чудно, стройно и одинаково ровно можно пропѣть какъ литургію, такъ и утреню и вечерню. Если бы правый и лѣвый церковные хоры были равносильны, то еще допустимо было бы такое ихъ дѣленіе для равноцѣннаго духов-

наго соревнованія. Да дѣло то въ томъ, что намъ много еще нужно труда для выработки пѣвческаго единства, а тутъ уже примѣняется и дѣленіе необъединеннаго пока дѣла. На почвѣ этого церковно-пѣвческаго дѣленія въ сельскихъ хорахъ возникаетъ много нежелательныхъ послѣдствій. Не буду больше указывать на другіе изъяны въ данномъ случаѣ, такъ какъ, по складу своихъ нажитыхъ разнообразной практикой убѣжденій, люблю находить въ народной нашей жизни чаще свѣтлыя, симпатичныя, отрадныя стороны, основанныя не на умозаключеніяхъ, а на настоящихъ фактахъ.

Вотъ фактъ громадной важности въ сельской нашей Холмщинѣ,—это народный церковно-пѣвческій и просто пѣвческій хоръ о. Евгенія Насальскаго въ посадѣ Сѣдлищѣ, Холмскаго уѣзда. Вѣдь тамъ все положительно, что Холмщинѣ нужно, поютъ деревенскіе парни и дѣвицы, какъ настоящіе артисты, по самой строгой оцѣнкѣ. Въ прошломъ году хоръ о. Евгенія бывалъ въ нѣкоторыхъ городахъ Холмщины и дальше за нею: отзывы всѣхъ о пѣніи этого хора полны восхищеній. И было бы очень полезно, если бы этотъ хоръ далъ образцы своего пѣнія, по возможности, по всей Холмщинѣ: это было бы наилучшимъ нагляднымъ указаніемъ, какъ нужно вести народное, правильно организованное пѣніе. Кромѣ сего хора, нужно упомянуть про труды въ организаніи общенароднаго пѣнія учителя въ Холмщинѣ Семена Любарскаго, отстаивающаго и проводящаго на практикѣ принципъ общаго массового пѣнія въ церкви, преимущественно по простымъ, роднымъ мотивамъ. Далѣе вспоминается село Шостка, возлѣ Межирѣчья, гдѣ регентъ съ рѣдкимъ усердіемъ велъ трудъ своего хора, будучи одинокимъ труженикомъ въ своемъ излюбленномъ дѣлѣ. Вотъ въ дѣлѣ этого одиночества нужны умѣніе подготовлять себѣ помощниковъ для обученія пѣнію и умѣніе беречь здоровье отъ чрезмѣрной натуги. Практика должна быть, конечно, при своей продуктивности, также и благоразумной. Напримѣръ, въ селѣ Головнѣ (вблизи Ополя) бывшій помощникъ регента, мѣстный порядочно грамотный крестьянинъ дошелъ постепенно до степени настоящаго регента и теперь руководитъ своимъ хоромъ образцово. Здѣсь, невдалекѣ отъ моего пребыванія, чудный хоръ въ с. Вербковицахъ. Да ихъ, этихъ хорошихъ народныхъ церковныхъ хоровъ, повторяю, уже не мало въ Холмщинѣ. Если пересчитать всѣхъ, наберется цѣлая страница записей, а потому больше указывать ихъ не буду. Указать въ заключеніе надо еще на такой во-

просъ въ данной области. Что преимущественно нужно усиливать въ нашихъ сельскихъ хорахъ церковнаго пѣнія,—партесное - ли нотное пѣніе композиціонныхъ произведеній, или же общенародное церковное пѣніе простыми напѣвами? Кромѣ того,—кто долженъ быть отвѣтственнымъ и вполнѣ подготовленнымъ регентомъ церковнаго хора? Руководственныя указанія и система соотвѣтственной подготовки тутъ очень необходимы теперь же. А пока, повторяю, ради усиленія нашего церковнаго пѣнія нужны разъѣзды по селамъ сельскихъ же нашихъ образцовыхъ пѣвчихъ: примѣрный образецъ всегда вызываетъ полезное подражаніе и соревнованіе.

11. О народномъ постѣ въ Холмщинѣ.

Среди другихъ, раньше указанныхъ мною различій между русскимъ и польскимъ простонародьемъ, равносильное мѣсто занимаетъ также то или другое соблюденіе религіозныхъ постовъ, установленныхъ обѣими религіями. Какъ извѣстно, католичество въ отношеніи поста отличается довольно существенными послабленіями; православіе, по своему уставу, никакихъ такихъ послабленій не допускаетъ. И вотъ существуетъ поэтому вѣковая разница, не особенно сглаживаемая разными воздѣйствіями даже и въ текущее время: католики-сельчане не постятся даже и половины того годового числа дней, что православное простонародье. Послѣднее не знаетъ никакихъ якобы постныхъ „набѣловъ": если постъ, такъ ужъ постъ въ совершенствѣ, до вегетаріанскаго питанія включительно. И удивительное дѣло. Даже памятная еще здѣсь унія ничуть не повліяла на ослабленіе силы православнаго поста; напротивъ, она даже еще увеличила его размѣры, добавивши ко всѣмъ постамъ еще и субботніе посты. Впрочемъ, какъ ни приближалась эта унія къ католичеству, но сути народной восточной религіи она ни въ чемъ не измѣнила, какъ равно не ослабила и русскихъ народныхъ постовъ.

Насколько сильны въ Холмщинѣ эти наши русскіе простонародные посты, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта, наглядно и изустно провѣреннаго мною по разнымъ мѣстнымъ селамъ. Еще всѣ почти русскіе старики и старухи, изъ числа перешедшихъ въ католичество, соблюдаютъ прежній годовой размѣръ русскихъ постовъ, если не

по времени совпаденія, то по силѣ этихъ постовъ. Если великій постъ— такъ ужъ настоящій постъ; прочіе посты—тоже; среда, хотя ее по новому воспринятому уставу можно было бы замѣнить субботой, тоже вездѣ такими новокатоликами соблюдается. Новокатолическая русская молодежь, конечно, уже слѣдуетъ за воспринятымъ разрѣшительнымъ послабленіемъ, но и она еще видитъ передъ собой живой укоръ за постонарушеніе въ лицѣ своихъ отцовъ и матерей.

Мало того: русскій простонародный „щірый“ (усердный) постъ, несмотря на его физическую тягость, перешелъ кое-гдѣ въ Холмщинѣ почти въ полной мѣрѣ даже и къ настоящимъ католикамъ, что провѣрено мною здѣсь же въ текущіе дни великаго поста. На вопросъ, обращенный къ такимъ католикамъ—зачѣмъ имъ изнурять себя добровольно позаимствованнымъ русскимъ постомъ,—они прямодушно отвѣчаютъ, что имъ такой постъ угоденъ такъ же, какъ и русскимъ, что это спасительно для души и здорово для тѣла, и что, наконецъ, ксендзъ не запрещаетъ вѣдь поститься.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскій и польскій посты въ сужденіяхъ разрознившагося русскаго простонародья играли роль диспутаціонныхъ аргументовъ: первый—какъ крѣпость старой вѣры, второй – какъ реформаторская новинка. Но что вѣками вошло въ народный культъ, обрядъ и обычай, то оказалось и сильнѣе какъ въ диспутахъ, такъ и въ жизни. Не удивительно поэтому, что русскій постъ крѣпокъ еще и, вѣроятно, долго будетъ таковымъ въ мѣстномъ простонародьѣ. Что русское холмское простонародье усердно исполняетъ Великій и Филипповъ посты, это, безъ сомнѣнія, извѣстно многимъ, но, вѣроятно, мало кто знаетъ, что такъ же усердно исполняются здѣсь „петровка“ и „спасовка“. Правда, по мѣстамъ замѣтно уже послабленіе въ послѣднихъ постахъ, подъ вліяніемъ отнюдь не католичества, а тяжелаго труда, совпадающаго съ этими постами, и только среди молодежи, такъ или иначе ознакомленной съ городской жизнью. Вся же наличная деревенская сѣрота постится и въ страду. Тутъ дѣйствительно надо обладать великой силой воли, чтобы заставить себя, напримѣръ, въ Петровку, въ разгаръ косьбы, не ѣсть ничего скоромнаго, не выпить стакана молока, не сдобрить пищи скоромнымъ жиромъ. Выпить „порцію манипольки“ можно и въ посту, можно даже и лишнюю выпить,—скоромнаго съѣсть нельзя. Тутъ, конечно,— несуразность въ формахъ воздержанія, да что подѣлаете съ убѣжденіемъ нашего сельчанина, что скоромное въ постъ и грѣшно, и вредно, а „порція“

всегда полезна, подкрѣпительна, „корыстна“, какъ здѣсь говорятъ. Впрочемъ, въ великомъ посту многіе изъ стариковъ холмщанъ водки совсѣмъ не пьютъ. О томъ, что деревенская интеллигенція совсѣмъ не крѣпка во всѣхъ постахъ, простому народу, конечно, прекрасно извѣстно. Однако это вовсе не служитъ главною приманкой, что-бы и народъ такъ же относился къ посту. Постонарушеніе въ простомъ народѣ происходитъ, повторяю, подъ вліяніемъ на деревню города. Ужъ если сельчанинъ уподобился по внѣшности шляхтичу, тогда и постничанью его конецъ. Да дѣло-то тутъ въ томъ, что матеріальныя условія текущей жизни заставляютъ подчасъ такого сельскаго шляхтича поститься тогда, когда твердые постники вдоволь питаются запаснымъ „скоромомъ“. Такихъ новаторовъ крестьянство обыкновенно въ шутку называетъ цыганами. Непостящую же интеллигенцію зовутъ просто деликатными людьми, неспособными ни къ какому тяжелому или длительному физическому труду. Какъ тотъ, такъ и другой эпитетъ, должно быть, весьма мѣтки по своей правдивости: т. наз. „цыганы“ всегда почти что голыши и бездомники, а „деликатный“ человѣкъ не исполнитъ вѣдь въ страду, наѣвшись скоромнаго, той тяжелой работы въ лѣтній зной, какую привычно безропотно исполняетъ постникъ, напитавшись „холодцемъ“ съ хлѣбомъ.

Что такое однако крестьянскій постъ по существу, помимо уставного религіознаго изможденія плоти? Да это не будетъ излишнимъ преувеличеніемъ, если утвердительно сказать, что строгое крестьянское постничанье есть въ то же время и выраженіе идеи вегетаріанства. Что это такъ, видно, прежде всего, изъ оправданія поста самими крестьянами: постъ „не дуритъ“ головы, не бунтуетъ крови, не портитъ желудка, не „рыхлитъ“ костей и мускуловъ, не „кривдитъ“ ничего живого и т. п. Привожу подлинныя выраженія простого народа въ оправданіе поста, привожу сжато, хотя можно бы записать такія выраженія и въ пространныхъ разсужденіяхъ. Какъ видите, въ постѣ нашъ простой народъ не безотвѣтный исполнитель устава, нѣтъ: онъ и доказать сумѣетъ физіологическую и гигіеническую пользу поста. Наилучшимъ же доказательствомъ правильности крестьянскаго пониманія поста можетъ быть старческій возрастъ въ крестьянствѣ: помимо того, что крестьяне достигаютъ 80 и болѣе лѣтъ, они въ этомъ возрастѣ никогда не допускаютъ поддержки своей старости якобы лучшею скоромною пищею. При правильномъ образѣ однотонной тяжелой трудовой жизни очевидно, что только одинъ постъ,

постъ крестьянскаго пониманія, можетъ довести человѣка до отдаленной границы его жизни. Такъ-таки прямо и говоритъ нынѣшнее крестьянское сужденіе про частые ранніе случаи смерти въ средѣ интеллигенціи: „постилъ бы—дольше пожилъ бы". Взять, напримѣръ, для сравненія нормальнаго крестьянина въ 60 лѣтъ и нормальнаго же интеллигента въ такомъ возрастѣ,—вѣдь послѣдній, хотя бы и самый здоровый, не покажется ровесникомъ первому, который въ такіе годы часто даже еще не похожъ на дѣдушку. Разница между дѣйствительнымъ вегетеріанствомъ и таковымъ же въ средѣ нашего крестьянства, конечно, большая, такъ какъ наше крестьянство допускаетъ время на питаніе и „убоинкой": послѣдняя даетъ запасъ жировыхъ соковъ въ организмъ, а постъ не даетъ этимъ сокамъ всецѣло овладѣть тѣломъ, не допускаетъ жирового разложенія. Такое взаимодѣйствіе въ крестьянскомъ питаніи силитъ и бодритъ простого человѣка труда. Сушитъ и губитъ послѣдняго только лишь голодовка, да, слава Богу, этой страшной гостьи Холмщина еще никогда не знала. Хочется добавить въ заключеніе еще такую мысль. Если бы кто либо изъ настоящихъ вегетаріанцевъ, людей науки, захотѣлъ подкрѣпить свое ученіе и образъ жизни новыми данными, онъ нашелъ бы послѣднія въ средѣ нашего русскаго народа-постника, постника по вѣрѣ и убѣжденію.

12. „Хмаки".

(Одинъ изъ типовъ Холмщины).

Русское простонародье, обитающее въ районѣ посадовъ Сосновица, Парчевъ и Вишницы, Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., простонародье, имѣющее свой отличительный признакъ въ типѣ физіономіи, говорѣ и одеждѣ, остальными обитателями того же русскаго уголка на Подлясьѣ въ просторѣчіи именуется „хмаками". Слово „хмакъ", обидное для его невольныхъ носителей, произошло отъ слѣдующей незначительной діалектической мелочи, а именно: эти люди, и только они одни, во всей Холмщинѣ, говорятъ: „були-хмо, спали-хмо, робили-хмо" и т. д. „Хмо" во множеств. числѣ глагола 1-го лица всегда у нихъ обязательно должно быть. А такъ какъ эта форма слова въ разговорѣ безпрерывно повторяется, то за эту, смѣшную для другихъ форму и прозвали ея выра-

зителей „хмаками“. Впрочемъ, „хмака“ можно узнать даже тогда, когда онъ молчитъ или умышленно избѣгаетъ своего „хмаканья“, зная что это добавленіе смѣшно для другихъ: „хмакъ“ сразу выдастъ себя своимъ внѣшнимъ видомъ и, особенно—„постольцями“ на ногахъ (лаптями) да коротенькой одеждой.

Но предварительно приведу, кажется, полный перечень „хмацкихъ“ деревень: Мосты, Горостыта, Головно, Выгалевъ, Коденецъ, Пахоле, Ополе (Влодавскаго уѣзда), Любичинъ, Кривоверба, Голя, Угнинъ, Кропивки, Любень и еще нѣсколько деревень меньшаго размѣра. Въ общемъ, пожалуй, наберется этихъ обособленно типичныхъ насельниковъ Холмщины до трехъ десятковъ тысячъ. Обособленность эта, какъ выше сказано, выражается въ типѣ физіономій, говорѣ и одеждѣ. Ростомъ хмаки не высоки, скорѣе худощавы, чѣмъ коренасты, съ темноватымъ цвѣтомъ лица, карими глазами и темнорусыми волосами. Самое яркое внѣшнее отличіе ихъ заключается въ собственномъ головномъ уборѣ женщинъ, такъ называемыхъ—„сырникахъ“. Представьте себѣ, что какъ будто и впрямь у каждой хмацкой женщины лежитъ сыръ на головѣ: волосы собраны сверху головы въ крутой овалъ и стянуты бѣлымъ, плоскимъ сверху чепчикомъ; остальная часть волосъ длинными прядями спускается сзади головы и завитушками на лбу. Такого головного убора, или подобія его, мнѣ нигдѣ не пришлось увидѣть во многихъ мѣстахъ разныхъ малорусскихъ губерній. А кстати надо сказать, что типичные головные женскіе уборы какъ въ Холмщинѣ, такъ и по всей Украинѣ довольно разновидны, и по нимъ можно судить о потомствѣ древнихъ славянскихъ родовъ. Видя же въ Холмщинѣ типъ одежды, употребляемый, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, сразу можно рѣшить, что это—переселенцы изъ подъ Кіева, это—изъ Полтавщины, а вотъ „хмаки“ Влодавскаго уѣзда, да еще нѣкоторые внѣшне обособленные типы Надбужья, возлѣ рѣчекъ Гучвы, Тысьменицы,—не переселенцы, а самые древніе обитатели своей мѣстности. Хотя и переселенцамъ Холмщины, изъ временъ удѣльно вѣчеваго періода, миновали уже сотни лѣтъ, но „хмакамъ“ и другимъ миновало уже на нѣсколько сотенъ лѣтъ больше. Что это такъ, можно подтвердить мою этнографическую гипотезу словами преданія самихъ хмаковъ. Отъ послѣднихъ не разъ приходилось слышать утвержденіе, что мы, молъ, старше родомъ своимъ, чѣмъ такіе-то, напримѣръ, села. И дѣйствительно, разбирая кое-гдѣ старинныя записи въ

архивахъ нашихъ церквей, мнѣ самому приходилось убѣдиться, что, среди другихъ древнихъ поселеній Холмщины, хмацкія села имѣютъ неоспоримое право на преимущество старины.

Однако темы мои относительно родной Холмщины это, прежде всего, наглядныя картинки современности, а потому дальше и обращусь къ нимъ. Замѣчательно хорошій народъ эти „хмаки“! Честные, чистой нравственности, прямодушные, словоохотливые, гостепріимные и невзыскательные это люди. Проживши среди нихъ нѣсколько лѣтъ, можно было узнать ихъ до подробностей. Не забуду никогда бывшей моей, по школѣ, деревни Выгалевъ. А каковъ Выгалевъ, таковы и всѣ, хорошо извѣстныя мнѣ хмацкія села. За два года жизни въ названной деревнѣ я никогда не слыхалъ ни о воровствѣ, ни о дракахъ, ни вообще о какихъ бы то ни было правонарушеніяхъ по имуществу, ни о безнравственности, наконецъ—ни объ одномъ судебномъ дѣлѣ, что, повидимому, удивительнѣе всего. Но тутъ надо добавить, что подворное земельное устройство нѣкоторыхъ хмацкихъ селъ еще съ 1851 года получило колоніальную разбивку: вотъ, безъ сомнѣнія, первоисточникъ широкой честности этого народа. Нѣтъ густоты, путаницы, черезполосицы,—и вотъ вамъ наглядный примѣръ образцовой прочности крестьянской жизни. Нельзя, конечно, сказать, что эти люди матеріально обезпечены, напротивъ: обычный участокъ владѣнія „господаря“ это—6 морговъ, да еще безъ всякихъ сервитутовъ. О послѣднихъ помнятся разсказы тамошнихъ сельчанъ, что давно—давно они получали изъ имѣній какіе-то „квиточки“ на топливо да на право пастьбы скота по панскимъ „ланамъ“, но потомъ, и именно съ 51 года, по утвержденіи ихъ „табелей“, никакихъ правъ на сервитуты въ записяхъ не оказалось.

Несмотря на недостатокъ въ землѣ, люди эти, помимо своей честности, еще находятъ возможность блюсти древнія начала своей славянской щедрости, гостепріимства. Обыкновенно, если человѣку, какъ это говорятъ въ Холмщинѣ, „сутужно“ (тѣсновато, сжато), то гдѣ ужъ тутъ до проявленій щедрости. Хмакъ же и среди своей нужды ярко выкажетъ вамъ свою родовую черту—радушія къ гостю, кто бы онъ ни былъ. Вотъ примѣръ. Вы зайдите къ нему въ пору обѣда: онъ васъ обязательно и настойчиво будетъ просить раздѣлить съ нимъ трапезу. Если же замѣтитъ, что вы брезгаете его ѣдой, то отнюдь не обидится, а постарается заставить васъ хотя кусочекъ чего-нибудь съѣсть, хотя ста-

канъ молока выпить. Если же вы вплотную у него напитаетесь, напримѣръ, на его семейной пирушкѣ, тогда „хмачка“ тайкомъ всунетъ еще въ карманъ вашего пальто гостинецъ: пирогъ, вареникъ или кусокъ калача, пусть, молъ, и ваша семья „покоштуетъ“ нашего добра... Въ дорогѣ вашъ возница хмакъ беретъ ѣду не только для себя, но и для васъ. Вы ему дадите „анипольки“, а онъ васъ накормитъ закуской изъ своего кошеля. Гостепріимство этихъ простодушныхъ людей доходитъ иногда до смѣшныхъ примѣровъ, какъ покажется на первый разъ со стороны. Закололи, напримѣръ, откормленнаго борова: надо, по обычаю, пригласить родичей, сосѣдей, а также и своего учителя „на свижыну“... Часто добрая четверть этой „свижыны“ тутъ же и съѣдается. На замѣчаніе, что такая щедрость излишня, прямодушно отвѣчаютъ: „давній такъ ілі-хмо,—і ще Бігъ выстарчить“. Однако гостепріимство этихъ холмщанъ никогда не переходитъ въ расточительность. А послѣдней нѣтъ у хмаковъ потому, что они прочно еще берегутъ дорогое наслѣдіе своей старины: обычаи, простоту и чистоту нравовъ, трудолюбіе, скромность и свою самодѣльную одежду, отъ шапки до лаптей включительно.

Самое крупное и ярко хмацкое село это—Коденецъ. Его праздничныя жанровыя группы сельчанъ такъ и просятся на картину: коротенькія свитки, расшитыя желтыми шнурками; рубахи, вышитыя узорами, у женщинъ; самодѣльные капалюши, разукрашенные узорами „сырники“, бѣлыя юбки, съ разноцвѣтной каймой внизу, узорчато-клѣтчатые передники, куча мониста на груди дивчатъ и, наконецъ, даже, изящно обутые на ногахъ „постольци“.

13. Подляшскіе бужане.

Вдоль по теченію Западнаго Буга, начиная отъ посада Кодня[*] и кончая городомъ Влодавой, Сѣдлецкой губ., обитаетъ издревле самое ярко-типичное малорусское племя, безъ сомнѣнія,—потомки древнихъ бужанъ. Положимъ, бужанами могутъ быть съ полнымъ правомъ названы всѣ двубережные обитатели при той-же рѣкѣ—жители Сѣдлецкой, Люблинской, Гродненской и Волынской губерній, какъ давніе насельники своей мѣстности, но первые изъ нихъ такъ картинно типичны, что заслуживаютъ какъ-бы главнаго преимущества въ отношеніи этого названія. Къ тому-же и зовутъ-то ихъ прочіе ихъ сосѣди просто „бужаками,

забужняками, бужыньцями;" словомъ, народная память въ устномъ преданіи и сейчасъ хранитъ за указаннымъ народомъ данное ему изстари обособленное имя, какъ знакъ его прежней родовой обособленности. Здѣсь нужно, однако, присовокупить, что не только въ Холмщинѣ, по лѣвой сторонѣ Зап. Буга, живутъ эти типичные бужане: такіе-же точь-въ-точь бужане населяютъ и правый берегъ Буга въ Брестскомъ уѣздѣ, Гродненской губ. и отчасти въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи. Вотъ почти полный перечень селъ холмскихъ лѣвобережныхъ бужанъ, а именно: Шостаки, Яблочно, Заболотье, Криговолька, Лишна, Кузавка, Яновка, Ганна, Долгоброды, Голешовъ, Красовка, Королевка, Ляцкъ, Ставки, Рожанка, Шумынка, Сушно, и Орховокъ, съ нѣсколькими меньшаго размѣра деревушками. Правобережныя однотипныя села слѣдующія: Кобелка, Новоселки, Дубица, Липинки, Харсы, Приборово, Орховокъ-Малый и еще двѣ деревни, имя которыхъ сейчасъ не удержалось въ памяти, что впрочемъ, неважно, такъ какъ послѣднія села къ району Холмщины не относятся.

Что же касается обособленной типичности названныхъ подляшанъ, то она выражается въ слѣдующемъ. Это прежде всего такой здоровый, рослый, сильный и своеобразно красивый народъ, какого, категорически утверждаю, нѣтъ нигдѣ не только въ другихъ мѣстностяхъ Холмщины, но и далеко за предѣлами ея. Лучшимъ доказательствомъ сего моего утвержденія могутъ быть тѣ гвардейцы изъ указанныхъ селъ, которые служили и служатъ въ Петербургѣ. А рѣдко кто изъ новобранцевъ оттуда не попадаетъ въ гвардію. Физическая особенность этого народа заключается въ его бѣломъ тѣлѣ, голубыхъ глазахъ, свѣтлорусыхъ волосахъ или темнорусыхъ кое-гдѣ, но совсѣмъ не черныхъ, стройномъ, гибкомъ станѣ и въ самомъ завидномъ румянцѣ на полныхъ щекахъ у пѣвучей, веселой молодежи. Посмотрѣвши на этихъ людей, постороннему наблюдателю сразу бросилась-бы въ глаза заманчивая жизнерадостность этихъ бужанъ, выражаемая молодежью въ разнообразныхъ играхъ, безконечныхъ пѣсняхъ, задорномъ смѣхѣ, находчивыхъ шуткахъ и при всемъ томъ—въ замѣчательной выносливости при тяжеломъ трудѣ, который тоже берется всегда шутя. Помню, пришлось мнѣ однажды бесѣдовать съ однимъ изъ ученыхъ земляковъ по поводу цвѣтущаго здоровья этихъ нашихъ сельчанъ. Ученое объясненіе вышло оченъ простымъ,—что, во-первыхъ, этотъ обособленный народъ происходитъ отъ такого же сильнаго древ-

няго отдѣльнаго рода славянъ; во-вторыхъ, что живутъ эти насельника въ здоровой песчано-лѣсной, прирѣчной мѣстности; и, въ-третьихъ, что самое существенное, пьютъ они чистую воду изъ чудныхъ колодцевъ достигающихъ своей губиной чистыхъ подпочвенныхъ ключей. Что мѣстность въ этой прибужной полосѣ дѣйствительно здоровая, смолисто-сосновая, и вода тамъ въ колодцахъ кристально — чистая, то доказательствомъ тому могутъ служить тѣ дачники, которые пріѣзжаютъ сюда на лѣтній отдыхъ изъ разныхъ городовъ. А въ недавнее время въ забужной полосѣ того же здороваго района, именно при мѣстечкѣ Домачевѣ, образовалась порядочная дачная колонія, заселяемая отчасти даже и варшавскими жителями.

Отличительная особенность внѣшняго наружнаго убранства этихъ бужанъ состоитъ въ слѣдующемъ: свитки или сукманы чернаго сукна, средней длины, расшиты только синими шнурками. Казалось бы, мелочь — этотъ цвѣтъ шнурковъ для украшенія одежды; казалось—бы, смотря по желанію, можно украсить свитку красными, зелеными, желтыми или другими шнурками; нѣтъ,—эти люди просто обязаны имѣть отличіе на свиткахъ только въ видѣ синихъ шнурковъ; иначе они измѣнили-бы своему роду. Это все равно, что особый цвѣтъ погонъ у разныхъ воинскихъ частей, котораго нельзя мѣнять произвольно. Кожухи самодѣльные, употребляемые, правда, только въ праздники, желтаго цвѣта, наведеннаго особымъ составомъ краски прямо на изнанку овчинъ. Будничные кожухи бѣлые сверху. Шапки-кучмы изъ шкурокъ домашнихъ барашковъ порядочной вышины. Лѣтомъ капалюши-шляпы тоже своей областной формы. Но наибольшее разнообразіе тутъ заключается въ женской одеждѣ и разновидностяхъ спеціально женскаго ткачества. Тутъ женщина прямо ужъ богата своимъ запасомъ ткацкаго добра: десять смѣнъ одежды — это не рѣдкость, какъ не рѣдкость сохраненіе въ цѣлости одежды бабушки, — чтобы ее „доносили“ только лишь правнучки. Это не пристрастное преувеличеніе, а факты наличные въ каждомъ селѣ. Головной уборъ замужнихъ женщинъ—каптуръ—состоитъ изъ шерстяной или цвѣтной полотняной шапочки, съ зубчикомъ на лбу, со сборками сзади и двумя лентами. „Каптуры“ носятъ только въ указанной мѣстности; въ другихъ мѣстахъ Холмщины головные женскіе уборы уже иные и иного названія. Поверхъ каптура надѣвается еще особой завязкой „хустка“ съ низко ниспадающими двумя концами. Дѣвушки въ недавнее время носили на

головѣ „чілка“—обручики, расшитые позументомъ, но теперь „чілка“ замѣнены почти вездѣ тамъ обычными платочками. Затѣмъ самодѣльные корсеты, запояски, фартухи, бурки (зимнія юбки) здѣсь у женщинъ и дѣвушекъ такъ ярко пестры, что за версту уже отличишь крестьянку-бужанку. Точно также богаты узорами ихъ домотканныя рубахи, украшенныя „перетками, брыжами, напличками“ и др. украшеніями, замѣчательными тѣмъ, что всѣ они исполняются у себя дома безъ всякихъ образцовъ и исполняются не шитьемъ иголкой, а хитроумнымъ тканьемъ на станкѣ, хотя попадаются и искусныя вышивки.

Эта часть Холмщины именно и наиболѣе богата своимъ ткачествомъ, такъ какъ ткацкій станокъ—обязательная принадлежность каждаго дома. Здѣсь производятся особенно прочные коврики, которыми тамошніе крестьяне въ обиліи снабжаютъ свои приходскіе храмы для застилки пола въ алтарной части. Въ домашнемъ обиходѣ коврики употребляются въ видѣ покрывалъ на палатяхъ, идутъ на наволочки, на дѣтскія платья и на женскую одежду. За ковриками слѣдуетъ отмѣтить утиральники, тканые узорами съ расшитыми кромѣ того украшеніями по концамъ, „чиноватое“ полотно съ тканьемъ въ видѣ діагоналей, желѣзной прочности, и вязаные красные шерстяные кушаки да еще тканыя „крайки“—ленты, тоже въ родѣ кушаковъ. Клѣтчатыхъ ткацкихъ издѣлій вовсе не производится, такъ какъ это ужъ образцы другихъ сосѣдей а все лишь—полосатыя и рѣдко—одноцвѣтныя.

Говоръ въ этомъ закоулкѣ, о чемъ уже я раньше писалъ, твердый, съ частымъ употребленіемъ словца—„му“ (отъ слав.—„иму, имати“), видоизмѣняющагося по лицамъ: му, мэшъ, мэ, мэмо, мэтэ, муть“,—что почти одинаково употребляется въ коренной Малороссіи, но не вездѣ въ Холмщинѣ, за что „хмаки“, въ отместку за свое названіе, называютъ этихъ бужанъ—„мэкачи“. Хозяйственный достатокъ сельчанъ здѣсь довольно изрядный, благодаря самой прочной приверженности ко всему своему самодѣльному, а также благодаря сравнительному обилію сѣнокосныхъ заливныхъ участковъ: лошадей, рогатаго скота и овецъ здѣсь довольно много, достаточно и пастбищъ, хотя земля полевая требуетъ сильнаго удобренія и безъ таковаго ничего не родитъ, но достатокъ въ домашней скотинѣ даетъ и достаточный запасъ удобренія.

Самое же отличительное богатство этихъ бужанъ заключается, по моему мнѣнію, въ безконечномъ запасѣ народныхъ пѣсенъ. Какъ видно,

здоровый, жизнерадостный народъ можетъ наиболѣе хранить въ памяти своей историческій былинный запасъ, хотя бы и грустнаго содержанія.

14. Подляшскіе полевики.

(Въ Холмщинѣ, Сѣдлецкой губерніи).

Полевики (по фонетикѣ простонародья: „полевыкі")—это довольно многочисленные русскіе обитатели холмскаго Подляшья, живущіе въ уѣздахъ Радинскомъ, Соколовскомъ, Константиновскомъ и Бѣльскомъ. (Въ послѣднемъ уѣздѣ,—кромѣ прибужной полосы, гдѣ находятся бужане; въ первыхъ двухъ ихъ немного, такъ какъ тамъ большинство поляковъ или ополяченныхъ уже давно русскихъ). Называю этихъ обитателей полевиками на основаніи народнаго опредѣленія, выражаемаго бужанами, которые про первыхъ, относительно ихъ мѣстожительства, говорятъ такъ: „въ поліхъ, съ полівъ, полівка, полевыкъ", что значитъ: такіе-то живутъ въ поляхъ, пріѣхали съ полей, обитательница полей, обитатель оттуда-же и т. п. Сами себя такимъ образомъ называемые полевики полевиками не зовутъ, однако, зная это свое, полученное отъ сосѣдей имя, противъ таковаго вовсе не возражаютъ. На самомъ дѣлѣ всетаки слово: полевики—самое подходящее и вѣрное названіе для жителей указанныхъ мѣстностей, такъ какъ они живутъ именно только среди полей или на поляхъ. Бужане имѣютъ тутъ же при себѣ рѣку Бугъ и заливные луга; хмаки—болотныя трясины и пастбищные выгоны; обитатели древнихъ маленькихъ удѣльныхъ княжествъ, Угровесскаго и Верещинскаго,—озера, порядочные лѣса и тотъ же Бугъ. (О послѣднихъ придется еще дать особую замѣтку). Полевики только и отличаются въ природѣ своей мѣстности одними полями, при одной только рѣченкѣ Красной и кое-гдѣ лишь попадающихся лѣсахъ, исключая ту полосу полевиковъ, которая прилегаетъ къ тому-же Бугу; но послѣдніе полевики могутъ быть названы тоже бужанами.

Помимо своей природно-отличительной мѣстности, полевики имѣютъ еще свою родовую обособленность отъ прочихъ сосѣдей въ нарѣчіи и одеждѣ. Говоръ полевиковъ самый мягкій изъ всѣхъ русскихъ народныхъ говоровъ въ Холмщинѣ. Только лишь вотъ эти полевики говорятъ: „ходіті, робіті, косіті, носілі, просілі, кроілі"; добавляютъ еще кое-гдѣ по

инымъ селамъ: „сьмо, эмъ, эсь, эсьте“: встали-сьмо, бачывъ-эмъ, ходівъ-эсь“ и т. д. Другіе говоры такихъ добавленій и такой смягченности звуковъ не допускаютъ. Про одежду полевиковъ надо сказать, что она у нѣкоторой части ихъ, особенно въ пограничныхъ съ поляками селахъ, давно уже утеряла свой національный обликъ, превратившись изъ свитки въ капоту, кафтанникъ, жупанъ и другіе позаимствованные виды одежды. Свитки, самодѣльные кожухи и прочая своя одежда не теряется еще только въ Бѣльскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ бужанами. „Кантурей, чілокъ“, полосатыхъ юбокъ, хустокъ-повязокъ на головѣ женщины и дѣвушки у полевиковъ не носятъ. У нихъ уже свои особые „чіпці“, клѣтчатые передники и по мѣстамъ сѣрыя свитки, той-же обычной формы, называемыя иначе „сываками“. Внѣшній обликъ замужней женщины полевички или дѣвушки уже не выглядитъ такъ ярко-цвѣтисто, какъ у бужанъ. Зато клѣтчатость ея ткацкихъ издѣлій и даже поддѣлка ихъ подъ фабричный „кортъ, шевіотъ“ и другія матеріи достигаютъ возможнаго совершенства при ручномъ производствѣ на домашнемъ ткацкомъ станкѣ. Въ окрестностяхъ Бѣлы, Янова, посада Лосицъ женщины-ткачихи производятъ такую, крашеную во всевозможные цвѣта, льняную и шерстяную матерію, изъ которой можно шить настоящія городскія пиджачныя пары. Иной кусокъ такого крестьянскаго издѣлія положительно нельзя отличить отъ фабричнаго, съ тою разницей, впрочемъ, что фабричное издѣліе не будетъ такимъ прочнымъ, какъ домашнее. Въ окрестностяхъ посада Ломазы, помнится, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выдѣлывались даже скатерти съ разными цвѣтистыми узорами: надо полагать, что теперь такія издѣлія еще болѣе усовершенствовались.

Относительно физическихъ примѣтъ полевиковъ надо сказать, что послѣдніе, численные въ своемъ составѣ, бываютъ разные: есть и рослые, здоровые, какъ бужане, есть и захудалые, блѣднолицые, напримѣръ, въ селахъ: Докудовѣ, Цициборѣ, Витулинѣ (при городѣ Бѣлѣ). Сравнительное здоровье и нездоровье этихъ полевиковъ, да и другихъ холмянъ, лучше всего можно опредѣлить въ Лѣснинскомъ монастырѣ, въ день его храмового праздника, когда собирается тамъ масса пришлаго съ разныхъ концовъ простонародья.

Хозяйственные достатки полевиковъ въ общемъ не важны. Песчано-глинистая земля, при отсутствіи заливныхъ луговъ, при раздробленности усадебныхъ надѣловъ, не позволяетъ держать большое число лошадей и

рогатаго скота. Зато овцы, хотя и простой породы, имѣются обязательно въ каждомъ селѣ, а въ иномъ ихъ наберется и болѣе тысячи. Овецъ здѣсь берегутъ и разводятъ, ради существеннаго подспорья отъ нихъ въ хозяйствѣ, отъ чего уже, къ сожалѣнію, отказались другія мѣстности въ Холмщинѣ, окончательно перешедшія на шляхетскій обликъ и столъ. За неимѣніемъ-же хорошихъ луговъ и просторныхъ пастбищъ полевики принялись въ послѣдніе годы за усиленное травосѣяніе, что, конечно, не менѣе полезно, чѣмъ обиліе сѣна; начинаютъ также примѣнять кое-гдѣ и искусственные туки для удобренія своихъ песчаныхъ полей, подражая помѣщичьему хозяйничанью. Въ общемъ, выходитъ, что полевики самый хозяйственно-передовой элементъ въ простонародьѣ Холмщины. Лишенные грубешовскаго чернозема и прибужныхъ заливныхъ луговъ, обладатели только лишь однихъ полей, полевики уже начинаютъ прогрессировать въ своемъ хозяйничаньѣ.

Запасъ народнаго преданія, въ видѣ пѣсенъ, легендъ, повѣрій и т. п., записанный бывшимъ народнымъ учителемъ въ Холмщинѣ г. Бессарабой и изданный Академіей Наукъ, существуетъ и понынѣ, въ равной мѣрѣ, какъ и у бужанъ. Да вотъ только въ пограничныхъ съ поляками селахъ полевиковъ какъ этотъ запасъ, такъ и вообще весь отличительно русскій запасъ уже начинаетъ окончательно погибать.

Надо еще указать на удивительную крапинку среди мѣстожительства у полевиковъ, это—деревня Студянка, Бѣльскаго уѣзда, наполовину населенная татарами, имѣющими тамъ и свою мечеть. Понятно, что это выходцы, перешедшіе сюда во время войнъ Польши съ татарами, волею или плѣннымъ образомъ, неизвѣстно.

Къ полевикамъ, однако, нельзя причислить нѣсколько деревень Бѣльскаго уѣзда возлѣ гор. Тересполя: Копытовъ, Костомолоты, Добрятычи, Лебедевъ и др. Здѣсь опять типично обособленный видъ простонародья, съ твердымъ говоромъ, особенностями женскаго убора и со сплошной неподатливостью къ перерожденію. Этотъ уголокъ населенъ такими-же „полѣшуками“, какъ и въ смежномъ Брестскомъ уѣздѣ. Въ районѣ полевиковъ, недалеко отъ пос. Пищаца,—три крупныя деревни мазуровъ: Тучна, Гуща и Виски,—единственное мѣстожительство настоящихъ поляковъ во всей Холмщинѣ, внутри ея.

15. Подляшскіе бояре, озеряне и боровики.

(Въ Холмщинѣ, Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи).

Весь почти многолюдный Влодавскій (правильнѣе было бы сказать —Володавскій) уѣздъ за исключеніемъ небольшихъ его граничныхъ частей, гдѣ обитаютъ типичные бужане и хмаки, населенъ однотипнымъ русскимъ простонародьемъ, отличнымъ однако по говору и внѣшности отъ другихъ холмско-подляшскихъ сородичей. Это такъ называемые народнымъ опредѣленіемъ: бояре, озеряне и боровики или лѣсовики. Что это простонародье имѣетъ три различныхъ имени, это вовсе не обозначаетъ какихъ-либо этнографическихъ обособленій, а просто относится къ природѣ извѣстной мѣстности или же къ формѣ выполненія бывшей панщины. А народъ, повторяю, во всей этой Володавщинѣ совершенно однообразенъ. Такое его однообразіе заходитъ и за предѣлы названнаго уѣзда, въ уѣзды—Холмскій и Любартовскій, но о русскихъ насельникахъ Люблинской губерніи я еще постараюсь дать рядъ особыхъ очерковъ. Пока же закончу настоящей замѣткой бѣглую обрисовку русскаго простонародья собственно Сѣдлецкой губерніи.

Бояре (по народному—„боярі", съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) —это крестьяне нѣсколькихъ селъ во внутренней части уѣзда: Грабовка, Вырыки, Капленосы, Волоско-Воля и еще нѣсколько меньшихъ деревень. При выполненіи барщинныхъ тяголъ насельники этихъ деревень сумѣли своевременно воспользоваться извѣстными льготами, благодаря своей находчивости или уступкѣ болѣе добросердечныхъ владѣльцевъ имѣній,— отсюда и названіе бояръ, т. е., льготныхъ барщинниковъ—„панщизнянъ". Такъ, напримѣръ, бояре отрабатывали только 3 и даже 2 дня въ недѣлю „на дворъ", могли и совсѣмъ откупиться отъ подневольнаго тягла, меньше выносили на своихъ спинахъ жестокостей отъ всесильнаго фольварка и т. п. Но чтобы стать бояромъ, нужно было также стать и пособникомъ деспотизма фольварковыхъ деспотовъ: дѣдичей, экономовъ и прочей низшей челяди. Такъ что въ буквальномъ своемъ смыслѣ слово „бояръ" значитъ надсмотрщикъ за фольварочною работой, а потому и недобрая память сохранилась еще въ народѣ объ этихъ родной кости боярахъ: послѣдніе должны были расходиться часто даже по отдаленнымъ фольваркамъ одного и того же владѣльца и, украшаясь нагайкой, чувствительно подгонять нѣмую толпу трудящагося сѣраго люда... О бо-

ярахъ жива еще не одна пѣсня среди пѣвучаго холмскаго крестьянства. Но тутъ нужно добавить существенную оговорку, что бояре эти были вездѣ по Холмщинѣ, при каждомъ фольваркѣ, памяткой чего осталась масса фамилій—Боярчукъ, а потомъ Боярскій. Однако народная память присвоила областное названіе бояръ только преимущественно указанной мѣстности: какъ видно, тамъ и былъ особенно удачный урожай на производство фольварковыхъ бояръ. И до сихъ поръ, напримѣръ, деревня Грабовка, ничуть не отличающаяся какимъ-бы то ни было боярствомъ, величаво именуется другими сосѣдами: „тамъ живутъ боярі; оженывся на боярівці; боярське весілле“ и т. п.

Озеряне, а чаще, впрочемъ, именуемые болотпяки—основное ядро народонаселенія Влодавскаго уѣзда. Здѣсь раскинуто на довольно порядочномъ разстояніи нѣсколько большихъ и меньшихъ озеръ, бывшихъ не такъ давно въ соединеніи между собою посредствомъ болотныхъ протоковъ, а нынѣ вошедшихъ въ свои опредѣленныя границы, вслѣдствіе постепеннаго высыханія почвы отъ значительнаго уменьшенія лѣсныхъ площадей. Вотъ эти озера: Сѣменское въ Тысьменицкой гминѣ (верста длиною), Вытычненское, Окунинское двойное, Адамковское, Лейненское, Желобокское, Оссовское и др. Пересчитываю ихъ только для того, чтобы указать, что ни одно изъ нихъ не принадлежитъ крестьянамъ-озерникамъ всецѣло, а даетъ имъ только лишь кое-какую сервитутную долю, и то не каждое озеро. Лѣтъ 15 тому назадъ жилось при одномъ такомъ сервитутномъ озерѣ, гдѣ громаднѣйшій неводъ „затягивался“ только два раза въ день и давалъ десять возовъ рыбы, которая отправлялась сейчасъ же въ распродажу по цѣнѣ не выше 10 к. за фунтъ самой крупной. А обычно достать можно было и за копѣйку, двѣ, три и за „доброе слово“ рыбакамъ. Нынѣ и тамъ, вѣроятно, фунтъ дошелъ до 25 коп., какъ, напримѣръ, здѣсь при рѣчкѣ Гучвѣ, гдѣ рыбка есть, да всякому нельзя ее ѣсть, по цѣнѣ. Впрочемъ озерники лакомятся рыбнымъ блюдомъ таки частенько, такъ какъ всѣ они историческіе рыбаки, подобно бужанамъ. А вѣдь есть такія мѣста въ Холмщинѣ, среди полевиковъ, холмистыхъ червенцевъ, что и совсѣмъ вкуса и вида рыбы не знаютъ, а про раковъ даже не слыхали.

Озерники имѣютъ среди всѣхъ своихъ странныхъ поселеній одно крупное историческое село Верещинъ: тамъ, судя по стариннымъ документамъ, изложеннымъ въ капитальныхъ трудахъ знатоковъ Холмщины,

былъ маленькій удѣльный княжескій столъ, равно какъ и въ с. Угрускѣ (Угровескѣ), гдѣ нынѣ обитаютъ нижеописываемые боровики. Перечня селъ и деревень озерниковъ не привожу, такъ какъ онъ вышелъ бы довольно длиннымъ. Достаточно назвать единственный тамъ только посадъ Островъ, названіе котораго свидѣтельствуетъ объ озерной сторонѣ. Еще надо отмѣтить одну деревушку Андреевъ, на границѣ Люблинской губ. Тамъ уже мѣстность болѣе возвышена, и тутъ-же вокругъ Андреева простирается обширное мѣсторожденіе чистой бѣлой фарфоровой глины, за которою ѣдутъ съ разныхъ сторонъ, нерѣдко даже и за 50 верстъ, какъ крестьяне, такъ и всѣ кому нужно.

Боровики-лѣсовики это преимущественно прибужные обитатели тогоже уѣзда, гдѣ и въ настоящее время сохранилась порядочная площадь лѣсовъ, большею частью принадлежащихъ казнѣ. Села и деревни: Собиборъ (первое названіе, оправдывающее эпитетъ боровиковъ), Збережье, Оссова, Коссынь, Ганскъ, Угрускъ находятся въ районѣ казенныхъ, такъ называемыхъ эмфитевтическихъ лѣсовъ, отдаваемыхъ въ долгосрочную аренду. Нѣсколько другихъ селъ, болѣе удаленныхъ отъ Буга, раскинуты тоже среди громадной площади лѣса, принадлежащаго графу Замойскому, одно изъ лѣсныхъ имѣній котораго, впослѣдствіи расколонизованное, называлось Иркутскъ, какъ бы въ уподобленіе сибирской лѣсной тайгѣ. Казенные лѣса и лѣса образцоваго хозяина графа Замойскаго даютъ увѣренность, что эта мѣстностъ надолго еще можетъ быть обезпечена отъ пагубнаго обезлѣсенія. Дрова и строевой матеріалъ тамъ хотя тоже не дешевы, но зато всегда имѣются въ наличности для продажи, чего нельзя сказать про другіе уголки Холмщины, гдѣ жители вынуждены ѣздить за лѣсомъ лишь въ его складочные пункты и платить невѣроятныя городскія цѣны, а топить печки—чуть ли не соломой.

Внѣшній обликъ всѣхъ этихъ „володавцевъ“ не особенно тронутъ еще мѣщанскимъ уподобленіемъ. Тутъ еще очень много самобытной простоты. Лѣсныя деревушки—Люта, Зджарка и др.—это такая типичная глушь и простота. какую, пожалуй, можно отыскать только лишь среди гродненскаго Полѣсья. Одежда своя самодѣльная и головные уборы женщинъ напоминаютъ украшенія, повязки. Очень интересны здѣсь ткацкія издѣлія, съ широкими „перетыками“ узоровъ на рубахахъ, юбкахъ и передникахъ. Преобладаетъ здѣсь въ одеждѣ сочетаніе бѣлаго и краснаго цвѣтовъ. Свитки короткія, черныя, съ красными шнурками; нерѣдко

существуютъ еще здѣсь и лапотки на ногахъ, взамѣнъ дорогихъ сапогъ. Одна характерная, повидимому, мелочь служитъ выраженіемъ общности этого народа,—эта гривка волосъ на лбу какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; у первыхъ она приглажена, у вторихъ взбита въ замѣтный даже издали хохолъ. По этой гривкѣ сразу можно опредѣлить, что это—володавскіе насельники. Рѣчь посредственно мягкая, но нѣсколько тверже, чѣмъ у полевиковъ. Народнаго богатства—пѣсенъ и разныхъ обычаевъ—пока еще достаточно. Особенно въ лѣтнее время, проходя лѣсами, можно заслушаться раскатистымъ эхомъ отъ голоса пѣсенъ пастуховъ и пастушекъ, ввѣряющихъ роднымъ лѣсамъ на храненіе свой даръ „голосистости". Матеріальные достатки, въ общемъ, не скудны, а здоровье въ большинствѣ деревень цвѣтущее.

16. Пограничные Холмщане.

Недавно пришлось мнѣ побывать въ послѣднемъ, незнакомомъ до того времени уголкѣ Холмщины, въ пограничной съ Австріей полосѣ Томашовскаго уѣзда и именно, въ нѣсколькихъ деревняхъ вокругъ посадовъ Потуржина и Долгобычева. Съ этимъ послѣднимъ знакомствомъ закончилось полное мое знаніе и изученіе родной Холмщины: уже нѣтъ больше уголка въ ней, гдѣ бы не пришлось бывать или даже жить, имѣя десятое мѣсто сельской службы все въ той—же родной Холмщинѣ. Находясь и такъ въ той же пограничной полосѣ, невдалекѣ отъ названныхъ посадовъ, я уже пару лѣтъ знакомъ былъ съ этими самыми крайними пограничными Холмщанами, неоднократно видя ихъ на частыхъ крупныхъ ярмаркахъ въ посадахъ—Тышовцы и Лащовѣ и ежегодно по два раза въ Турковицкомъ монастырѣ. Надо было, конечно, и раньше еще побывать въ этомъ чудномъ уголкѣ, но какъ то не было случая до послѣдняго времени. А чудный, славный и, еще сильнѣе скажу,—прямо великолѣпный этотъ уголокъ въ Холмщинѣ, эти вотъ села и деревушки: Голубье (надъ самымъ Бугомъ), Витковъ, Ощевъ, Василевъ, Сущовъ, Дутровъ, Телятинъ, Стенятинъ, Кмичинъ, Лыкошинъ и проч. Замѣтьте: уже одни имена деревень звучатъ чистою первобытною Русью. И это, именно, чистая, отборная, сплошная Холмская Русь. Это то и есть самая, такъ сказать, подошва пяты Холмщины, на которой она смѣло можетъ стоять на землѣ.

Дальнѣйшая пограничная съ Австріей полоса Люблинской губ., за Томашовомъ и въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ, уже не сплошь чисто русская: тамъ Русь постепенно перемѣшивается съ Польшей, доходя иногда до половины той и другой. Вотъ потому то я и выдѣляю на видъ вышеуказанный уголокъ Холмщины. Онъ, повторяю, по вѣрѣ, по духу, по внѣшности и даже по тѣлосложенію его люда—образецъ чистоты и цѣльности исторической мѣстной Руси. Нѣтъ тутъ почти никакихъ „небощиковъ калакутовъ".

Взявши во вниманіе внѣшній обликъ этихъ нашихъ пограничниковъ, ихъ, главнымъ образомъ, одежду,—такъ и кажется, что это родичи по племени тѣмъ Сѣдлецкимъ и гродненскимъ „бужанамъ", которые живутъ возлѣ Брестъ-Литовска. Сѣрыя свитки, одинаково расшитыя, такія—же сѣрыя барашковыя шапки, украшенія у женщинъ того-же, что и тамъ вида, словомъ, какъ это говорятъ въ просторѣчіи: сывая русь, сываки. Но есть тутъ въ одеждѣ этихъ „сываковъ" и характерныя особенности. Есть, кромѣ длинныхъ сѣрыхъ свитокъ, коротенькіе, выше колѣнъ, замѣчательно изящные сукманки, тоже сѣраго домашняго сукна. Это такая красивая, да къ тому же и прочная одежда, что если бы дать ее за форму какому-либо кавалерійскому полку, то вышло-бы и настоящее военное внѣшнее изящество. Женщины носятъ головные уборы особеннаго вида, не такъ какъ на Подлясьи. Такъ что поближе присмотрѣвшись къ разнымъ мелочамъ внѣшняго убранства, приходится заключить, что потуржинцы и долгобычевцы (называю ихъ всѣхъ для краткости сими двумя словами)—это особое родовое племя древней Руси, хранящее пока свои отличительныя внѣшнія особенности. Правда, эти особенности уже и здѣсь понемногу таютъ, замѣняясь лавочною дешевкой и внѣшнимъ шляхетствомъ. Жаль, но что подѣлать, коли само крестьянство себя въ этомъ случаѣ обезличиваетъ.

Крестьяне здѣсь настоящіе писанные красавцы! Особенно молодой женскій полъ. Говорю это положительно безъ всякаго пристрастія. Красавцы не въ такомъ видѣ, какъ напримѣръ, возлѣ Влодавы, гдѣ въ прибужьи есть тоже красивый, стройный народъ. Нѣтъ, тамъ красивы просто по крестьянски, а здѣсь, обратите вниманіе: интеллигентно красивы эти парни, молодицы и дѣвицы. Смотря на лицо, руки, станъ и всю фигуру какой-либо „ощовки", не вѣришь, что это крестьянка, безсмѣнная исполнительница тяжелаго труда, а скорѣе вѣрится, что это вы-

холенная какая-либо барыня, для каприза только надѣвшая крестьянское платье. Въ Потуржинѣ, при освященіи 19 числа минувшаго сентября новаго величественнаго храма, пришлось видѣть, среди тысячъ народа, цѣлыя группы этихъ «сывачныхъ» красавцевъ и красавицъ.—„А чому то вы вси таки малевано—хорошы?“ спрашиваю у этихъ группъ.—„Бо въ насъ батькн и матери булы такіи“ отвѣчаютъ. Мѣткій, правдивый отвѣтъ. Дѣйствительно, красота этого народа покоится на родовомъ преемствѣ: предки были стройные красавцы и потомки остались такими-же. Родъ ихъ не принималъ никакихъ чужеродныхъ примѣсей, и чистота родового типа соблюлась до сего времени. А откуда взялись эти первые красавцы прапрадѣды—это вопросъ сѣдой исторіи.

Хозяйственный достатокъ здѣшнихъ крестьянъ, нельзя сказать, чтобы былъ полновѣсный. Земля раздроблена на шестиморговыя хозяйства. Дома и прочія постройки хуже, чѣмъ, напримѣръ, возлѣ Холма. Лѣсу мало, пастбищъ—тоже. А вотъ бураковъ тутъ садится и собирается одними только крестьянами невѣроятная масса: далеко больше, чѣмъ всякихъ зерновыхъ злаковъ. И стоитъ на здѣшней почвѣ разводить этотъ корнеплодъ, такъ какъ онъ дастъ на моргѣ около ста рублей чистой прибыли. Бураки побольше и питаютъ здѣсь, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Въ томъ же Потуржинѣ есть громаднѣйшій сахарный заводъ, самъ собою переработывающій на сахаръ сотни тысячъ пудовъ этого сладкаго добра.—У пограничныхъ этихъ холмщанъ тамъ, въ Австріи, такая-же кровная родня, та-же Русь, бывшая единой. Да только граница эта, какъ петля, не даетъ никакой обыденной возможности жить однимъ духомъ: не пускаютъ ни туда ни сюда никого, ничего.

17. Холмскіе Червенцы.

(Томашовскаго и Грубешовскаго уѣздовъ Люблинской губ.).

Среди непроходимыхъ и въ настоящее время болотныхъ топей, образуемыхъ излучинами полноводной рѣчки Гучвы, вперемежку между порядочными еще частновладѣльческими лѣсами-борами и боровинными полями съ одной стороны, а съ другой—между крупными обрывами и волнообразными холмами, на пространствѣ не болѣе десяти квадратныхъ

верстъ, въ бездорожной, глухой мѣстности Холмщины ютятся слѣдующія наши отличительно историческія поселенія—остатки червонорусскаго гнѣзда, бывшаго удѣльностольнаго града Червеня и его выселковъ: деревня Чермно (пепелище Червеня, о которомъ я уже писалъ въ *Варш. Дневн.*), села Вакіевъ, Пересиа, Турковицы съ женскимъ монастыремъ, Клятвы и посадъ Тышовцы. Это, такъ сказать, самый основной центръ Холмщины, убогое наслѣдіе былой славы червенскихъ, знаменитыхъ въ свое время князей Даніила и Романа. Говорю—убогое наслѣдіе потому, что никакихъ даже руинъ, никакихъ видимыхъ слѣдовъ города Червеня теперь не осталось. Да и неудивительно: Червень угасъ совершенно, погибъ до послѣдней постройки подъ напоромъ нашествія татарской орды уже болѣе шестисотъ лѣтъ тому назадъ. Осталось только то, что могло остаться или вновь возникнуть,—это нѣсколько селъ да одинъ посадъ. Къ тому же увеличившееся здѣсь населеніе, крестьянское и панское, съ захватомъ лучшихъ земель подъ фольварки, при плодороднѣйшей здѣшней черноземной почвѣ, снесло наконецъ всякіе слѣды бывшаго города и обратило ихъ подъ пашню.

Надо сказать нѣсколько словъ, на основаніи народнаго преданія и старинныхъ записей, объ этихъ названныхъ поселеніяхъ червенскаго гнѣзда. Тышовцы—обиталище былыхъ и современныхъ скорняковъ-сапожниковъ (шевцівъ). По преданію, князь Даніилъ Галицкій указалъ здѣсь мѣсто для жительства сапожникамъ и сказалъ: „тутъ шевці“. Шевцы и стали съ тѣхъ поръ тутъ жить, образовавши посадъ Тышовцы, извѣстный своими скорняками-шевцами и въ настоящее время. Вакіевъ—начало дороги изъ Червеня къ Кіеву („во Кіевъ“). И дѣйствительно: дорога эта, хотя и послѣдняго теперь разряда, сохранилась и въ настоящее время, указывая самый кратчайшій путь къ Бугу для соединенія съ городомъ Владиміромъ (Волынскимъ) по направленію къ Кіеву. Переспа—искусственная гать или насыпь въ защиту отъ напора воды изъ обширныхъ болотъ, тогда еще бывшихъ озерами. Турковицы—мѣсто стоянки татаръ или турокъ, когда они обложили Червень. Преданіе народа до сихъ поръ еще хранитъ эту страшную память о поголовной рѣзнѣ при гибели Червеня. Клятвы—гдѣ дана была неизвѣстно по какому поводу двумя какими-то князьями клятва: преданіе, конечно, скудное, и расширить его поэтому нельзя до размѣровъ точнаго объясненія. Кстати надо здѣсь добавить, что тутъ же на клятвскихъ поляхъ вы-

сится громадный курганъ, еще никѣмъ, кажется, неизслѣдованный, который называется мѣстнымъ народомъ—„шведская могила“.

Жители описываемаго гнѣзда Червенщины въ значительномъ большинствѣ—коренная деревенская Русь, не совращенная вовсе ни въ полонизмъ, ни въ католицизмъ. Въ большомъ посадѣ Тышовцахъ есть около 2 тысячъ католиковъ, болѣе свободно говорящихъ по-малорусски, чѣмъ по-польски, и около 3 тысячъ евреевъ; остальные тышовяне, въ числѣ нѣсколько превышающемъ католиковъ,—русскіе, православные. По названнымъ селамъ—вездѣ сплошная Русь. Часто попадаются здѣсь фамиліи—Магомета,—какъ видно, потомки почему-либо оставшихся здѣсь турокъ-магометанъ. Да, кажется, что и въ типѣ этихъ Магометовъ отражается былая родня. Остальные типы, фамиліи и прозвища представляютъ собою одно южно-русское племя, но разное по областнымъ древнимъ родамъ. Здѣсь есть много крестьянскихъ русскихъ фамилій на „скій“, на „ко“, на „укъ“, есть фамиліи вычурныя, какъ на Украйнѣ, есть и просто необъяснимыя. Также разнятся между собой и типы физіономій, роста и тѣлосложенія. Сплошного этнографическаго единства, какъ, напримѣръ, у полевиковъ, бужанъ и др. на Подляшьѣ, здѣсь нѣтъ ни въ одной деревнѣ, хотя, казалось бы, люди эти, перероднившись между собою уже много разъ, должны бы слиться въ однотипную массу. Живу здѣсь вотъ уже четыре года и вначалѣ недоумѣвалъ: вотъ семья высокаго роста съ такими то чертами лица, а сосѣди этой семьи совсѣмъ на нихъ не похожи. Разговорная рѣчь одинакова; одежда, къ сожалѣнію, тоже одинакова, да только ужъ папскаго покроя: признаковъ внѣшней родовой обособленности нѣтъ на лицо. Но исторія въ подробныхъ источникахъ объяснила мнѣ, это за народъ въ этомъ уголкѣ. Здѣсь именно сборная смѣсь почти всѣхъ южно и западно-русскихъ древнихъ родовъ. Въ пору расцвѣта червонорусскаго удѣльнаго княжества сюда въ дружину могущественныхъ князей, въ ихъ служилые и трудовые по ремеслу сборы народа шли всякіе русскіе роды отовсюду: и изъ Кіевщины, и изъ Подоліи, Бѣлой Руси и др. мѣстъ. Приходили сюда и селились съ Карпатъ, были чехи, моравы, волохи (есть не мало фамилій —Волошинъ). Это, конечно, было вполнѣ естественно въ то далекое, безпрерывно походное время. Вотъ и образовался тутъ, такъ сказать, общеродовой славянскій союзъ изъ каждаго рода понемногу.

Много селъ далеко вокругъ Червеня тоже хранятъ въ себѣ эти

родовые элементы разныхъ русскихъ родичей. Да только, повторяю, внѣшность въ одеждѣ здѣсь уже вамъ не укажетъ обособленныхъ родовыхъ признаковъ. Изъ дальнѣйшихъ селъ пока приведу здѣсь два— Теребинь и Морятинъ. Отъ одного къ другому верстъ 20. Въ Теребинѣ есть еще головныя повязки у женщинъ, какъ разъ такія, какъ въ Полтавщинѣ, а Морятинъ—это чистый отростокъ подляшскихъ бужанъ за 150 верстъ оттуда: такъ типично одинаковы червенскіе морятинцы съ бужанами. Опять это доказываетъ о окопленіи здѣсь и осѣданіи на мѣстѣ разныхъ родовъ древней Руси.

Малорусскій говоръ червенцевъ средній между твердыми и мягкими говорами Холмщины; есть въ немъ много сходства съ чисто украинскимъ языкомъ, есть налеты и полонизма. Гласные звуки—„ы, и, э, е“ произносятся не вполнѣ чисто и открыто. Глагольныя реченія—„быть и бить“ почти тожественны по звуку, такъ что часто незнакомому трудно опредѣлить, что то значитъ фраза: „трэба быты“: быть тамъ-то, или-же бить кого-то. Обрядовыхъ родныхъ пѣсенъ сохранилось очень мало, и замѣняются онѣ, къ сожалѣнію, прилипчивыми краковяками, благодаря усвоенію польской разговорной рѣчи. Одежда, опять повторяю, мѣщанско-панскаго покроя, покупная, „локтевая“. Ткачество по домамъ забыто, узоры и вышивки—тоже. Есть только по нѣкоторымъ домамъ спеціальные ткачи мужчины, ткущіе безпрерывно свои неистощимые запасы для всѣхъ заказчиковъ, впрочемъ—одни только полотна. Попадаются еще самодѣльныя свитки общаго для малороссовъ покроя, но рѣдко. Овцеводство совершенно угасло, а потому одежду приходится покупать. Въ селахъ болѣе отдаленныхъ отъ и. Тышовецъ самотканная Русь болѣе сильная, но о нихъ скажу особо. Состояніе хозяйственной зажиточности безбѣдное. Земля чудно родитъ и оплачиваетъ разные расходы. Кромѣ того отсюда ѣдутъ ежегодно въ Америку десятки работниковъ и даютъ весьма изрядный приливъ заработанныхъ суммъ для усиленія мѣстной хозяйственности. Нерѣдки примѣры, что и по 500 руб. присылается инымъ „американцемъ“ на родину ежегодно,—явленіе въ экономикѣ народа, конечно, самое отрадное. Самая первая нужда мѣстнаго закоулка—это дорога, шоссейная и желѣзная. О ней уже идутъ отсюда самыя настойчивыя хлопоты.

18. Оживающій Червень.

Этими двумя словами я хочу придать больше силы и величія пока небольшому, но безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ великому и замѣчательному историческому нашему Холмскому Турковицкому монастырю. Придетъ время, и этотъ монастырь изъ маленькаго превратится въ первоклассный, съ такою же широкой, благотворной дѣятельностью, какъ и знаменитый нынѣ на всю Россію нашъ Лѣснинскій монастырь. Послѣдній, при всей своей заслуженной славѣ, не имѣетъ однако никакого историческаго славнаго прошлаго, а Турковицкій, расположенный почти на самомъ пепелищѣ давно угасшаго удѣльно—стольнаго города Червеня, исторически давно уже существующій, являющійся центромъ среди сплошной массы прочнаго православнаго народа, питающій духъ этого народа незыблемой вѣрой и русскимъ сознаніемъ, имѣетъ всѣ заслуженныя данныя для того, чтобы стать соотвѣтственно великимъ. Турковицкій монастырь возвеличится вѣрой, любовью и надеждою на русское благо русскою женщиной, тою женщиной, которая отреклась для себя отъ міра, но для служенія тому же міру во всѣхъ его мірскихъ нуждахъ. Женщины: матери, сестры и послушницы, опытныя въ знаніи, трудѣ и помощи ближнему, женщины—образцы чистоты и кротости, женщины—подвижницы дадутъ незапятнанную чистоту служенія ближнимъ. На такое служеніе никто не посмѣетъ бросить ни малѣйшаго упрека, ибо если возвышенно велика роль матери въ семьѣ, то тѣмъ болѣе такова эта роль духовной монастырской матери, воспитывающей сиротъ, утѣшающей горе приходящихъ, лѣчащей болѣзни страждущихъ, цѣломудренно хранящей всю свою мірскую молодежь и научно знающей всѣ способы и уклады для устройства въ мірѣ лучше обезпеченной жизни. Это замѣчательно цѣнное служеніе монастырской женщины для духовной и земной полноты жизни въ мірѣ можетъ исходить только оттуда, гдѣ взято на себя бремя личнаго отказа отъ всѣхъ благъ земныхъ, но, повторяю, для того же блага мірского, земного. Житейская практика учитъ, что среди множества бѣдныхъ нѣсколько богачей не уменьшатъ этой массовой бѣдности, хотя бы они этого и искренно желали, хотя—бы безконечно толковали объ этомъ, хотя бы даже раздали все свое имѣніе этой массѣ. Наши многіе и многіе недостатки въ крестьянской жизни будутъ излѣчиваться не словами сытыхъ, не воплемъ благожела-

тельныхъ, не бичеванiемъ образованныхъ, а только живыми примѣрами дѣйствующихъ. Къ числу такихъ животворно дѣйствующихъ служителей народа надо поставить спереди монастырскихъ женщинъ труженицъ, и дай Богъ, чтобы такимъ же путемъ пошла дѣятельность и мужскихъ нашихъ монастырей, бывшихъ въ древности учителями и кормильцами народа въ годины нужды.

Если бы взамѣнъ словъ и на мiру люди помогали примѣромъ для лучшей земной жизни другъ другу, то къ братству и равенству было бы недалеко. Но кромѣ словъ, ва мiру примѣровъ самоотверженной помощи ближнему мало, а потому надо намъ дорожить безсребренной помощью монастырскихъ тружениць. Лучшимъ доказательствомъ моихъ краткихъ здѣсь мыслей была бы популярно и точно изложенная книжка о томъ, что сдѣлалъ и дѣлаетъ для народа нашъ Лѣснинскiй женскiй монастырь. Онъ, именно, и есть тотъ живой примѣръ, о которомъ я выше говорилъ. Онъ, какъ видите, даже и говорить о себѣ, по христiанскому смиренiю, не желаетъ, но дѣлаетъ великое показательное религiозное и мiрское дѣло.

Закончу свою замѣтку уже только объ одномъ Турковицкомъ монастырѣ. Онъ находится вблизи села Турковицъ (Грубешовск. у. Люб. губ.) при рѣчкѣ Гучвѣ, за которою сейчасъ же на другомъ берегу виднѣются валы бывшаго тамъ города Червеня. Нынѣ тамъ ютится небольшая деревушка Чермно и довольно порядочный фольварокъ, принадлежащiй, кстати сказать, тамъ же живущему богачу—еврею. Большая часть этого знаменитаго нашего городища приходится какъ разъ подъ фольварковыми ланами, и никакихъ видимыхъ слѣдовъ, кромѣ невысокихъ насыпей на мѣстѣ Червеня, нѣтъ и не видно, да и насыпи эти и все вообще городище покрыты посѣвами и позднѣйшими постройками. Въ народѣ и до сихъ поръ сохраняются разнообразныя легенды о всякихъ скарбахъ въ подземельяхъ Чермна, въ потайныхъ погребахъ, въ земныхъ норахъ. Никто однако этихъ скарбовъ не видѣлъ и не раскапывалъ. Впрочемъ, не въ скарбахъ тутъ дѣло: ихъ хранитъ молчаливая земля до своего времени, когда они откроются людямъ науки, цѣнителямъ родной старины. А вотъ никто до сихъ поръ ни въ малѣйшей мѣрѣ не позаботился хотя о какомъ—нибудь памятникѣ на мѣстѣ славнаго Червеня, о какомъ—либо полезномъ учрежденiи для окрестнаго народа: прiютѣ, больницѣ или показательно прикладномъ заведенiи. Вѣдь

въ старину именемъ—червенцы, червоноруссы—назывались обитатели громаднаго южно-русскаго княжества, заходившаго отъ Кіева до Карпатскихъ горъ, отъ Бѣлой Руси до границъ Польши. Да и теперь еще даже за границей, въ Австрійской русской Галиціи, русскіе люди именуютъ себя червоноруссами. Это все, какъ видите, отъ имени находящагося здѣсь уже угасшаго пепелища Червеня. Кто интересуется судьбами древняго Червенскаго княжества, тотъ подробно можетъ узнать о нихъ въ книгахъ Лонгинова „Червенскіе города". —Кто—же, спрашивается, воскрешаетъ память этого славнаго города, этого знаменитаго въ исторіи достоянія князей Даніила и Романа? Да никто, только втихомолку разростающійся описываемый Турковицкій женскій монастырь, уже нѣсколько сотъ лѣтъ имѣющій на томъ же мѣстѣ скромную обитель, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, станомъ стояли турки—татары, облегая при нашествіи Батыя сильный тогда градъ Червень. Съ этой далекой поры и не стало Червеня,—время, конечно, слишкомъ большое, чтобы при послѣдующемъ угнетеніи Руси угасли совершенно всякіе слѣды городища.—Теперь новые слѣды его, на границахъ червенскихъ валовъ, въ этомъ монастырѣ, таковы: изящный храмъ, недавно построенный, обновленная старая церковка и нѣсколько домовъ для монахинь. Въ этомъ году строится громадный двухъэтажный каменный домъ для сиротскаго училища и на праздникъ Покрова Пр. Богородицы въ семъ-же году состоялась закладка большого каменнаго Народнаго дома. Предполагается постройка громаднаго собора и разныхъ зданій для духовной и культурной пользы народа. Предположенія эти, дастъ Богъ, незадолго осуществятся, такъ какъ, по достовѣрнымъ слухамъ, Турковицкій монастырь уже обладаетъ громадной суммой пожертвованій. Вотъ это-то и есть, что я называю оживающій Червень, пограничный оплотъ силы русскаго духа, живая связь съ зарубежной Червонной Русью.—Мѣсто его расположенія—большая, ровная, сухая поляна въ сосновомъ лѣсу, гдѣ достаточно простору для множества построекъ. Этотъ обширный просторъ ежегодно заливается волнами тысячъ богомольцевъ въ дни храмовыхъ праздниковъ, по числу такъ-же, какъ и въ Холмѣ. Первымъ русскимъ двигателемъ къ оживленію Червеня — Турковицъ надо назвать г. Люблинскаго Губернатора, Камергера Двора Его Величества, Е. В. Мѣнкина, уже давшаго крупную личную жертву на русскую славу.

19. Изъ окрестностей Червеня.

(Люблинской губерніи Томашовскаго уѣзда).

Давно уже исчезъ съ лица земли когда-то славный въ исторіи южной и юго-западной Руси городъ Червень, именемъ котораго и понынѣ называютъ себя какъ мѣстные, такъ и зарубежные русины,—червенцы, червонорусы. На руинахъ Червеня, замѣтно и доселѣ сохранившихся въ видѣ валовъ и кургановъ, нынѣ существуетъ только одна деревушка, хранящая почти то же имя—Чермно. Кромѣ кургановъ и валовъ вокругъ этого Чермна да и въ немъ самомъ никакихъ другихъ слѣдовъ сѣдой старины не сохранилось. Вѣроятно, эти остатки въ свое время, не особенно отдаленное, и были на лицо, но вгнѣздившееся здѣсь въ Чермнѣ и далеко кругомъ его громадное панское имѣніе со множествомъ строеній сумѣло уничтожить до основанія всѣ сѣдые памятники древней Руси. Въ недавнее время этотъ Червенскій фольварокъ перешелъ въ собственность крупнаго богача еврея, который и живетъ тутъ же въ бывшихъ панскихъ хоромахъ. Что владѣльцемъ Червенскихъ руинъ состоитъ теперь не полякъ, а еврей, —это имѣетъ свои хорошія стороны, такъ какъ, при правительственномъ или частномъ желаніи возстановить здѣсь, на мѣстѣ Червеня, какой-либо культурно-просвѣтительный центръ для мѣстнаго сплошь русскаго населенія, окажется легко возможной покупка этого имѣнія отъ теперешняго его владѣльца. Не то было-бы при владѣльцѣ полякѣ, который вообще ни зачто нигдѣ не желаетъ уступить даже-куска своей земли подъ какую-бы то ни было русскую постройку.

Создать же тутъ, на мѣстѣ Червеня, русскій культурно-просвѣтительный центръ для мѣстнаго народа, лишеннаго на 50—100 верстъ въ окружности желѣзной дороги и даже шоссе, живущаго только—и то въ страшной тѣснотѣ—однимъ лишь земледѣліемъ, безъ удобнаго сбыта и обработки его сельскихъ продуктовъ,—крайне необходимо.

20. Деревня Чермно,

Тышовецкой гмины, Томашовскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

Нѣсколько словъ надо сказать про эту самую заурядную деревушку, заурядную теперь, но являющуюся единственнымъ памятникомъ бывшаго

когда-то здѣсь удѣльно-стольнаго города Червеня. Живя тутъ же, въ 4 верстахъ отъ Чермна, приходилось нѣсколько разъ бывать въ послѣднемъ, ходить по его полямъ, лугамъ, доискиваться какихъ-либо слѣдовъ городской исторической старины... Нѣтъ тутъ, въ этомъ Чермнѣ, ни вокругъ его, положительно ничего, что напоминало-бы собою о „градѣ Червенѣ". А вѣдь, судя по капитальному труду Лонгинова „Червенскіе города",—здѣсь былъ не малый для своего времени городъ: было нѣсколько каменныхъ зданій, было „замчиско" князей Даніила и Романа, было „торжище"; была масса своего и пришлаго люда. А теперь, повторяю, кромѣ заурядной деревушки да тоже заурядного фольварка,—нѣтъ никакихъ слѣдовъ, никакихъ руинъ города. Есть только надъ рѣчкой Гучвой едва замѣтные валы, носящіе и по сіе время названіе „замчиска". Разгадка такого совершеннаго уничтоженія слѣдовъ большого стариннаго города кроется въ томъ, что здѣсь чудно урожайная землица—настоящій боровинный черноземъ. А такъ какъ землица эта въ здѣшнемъ закоулкѣ засѣвается до послѣдней возможной пяди, благодаря густотѣ населенія, то всѣ червенскія руины давно уже изъ года въ годъ покрываются безпрерывнымъ пшеничнымъ полемъ. Даже валы „замчиска" ежегодно, быть можетъ, уже столѣтія родятъ чудную озимину и ярину. Жители Чермна, конечно, знаютъ, что они—наслѣдіе былой городской славы, но отнюдь этой славой не гордятся. а тѣшатся только своей нивой, которой отдаютъ всѣ свои помыслы и заботы. На указаніе, что нѣдра ихъ земли хранятъ, быть можетъ, цѣнные или важные клады, черменцы отвѣчаютъ, что верхніе паземные клады имъ дороже и надежнѣе, чѣмъ зарытые, до которыхъ никому изъ нихъ даже и докапываться нѣтъ нужды и охоты. Будь тутъ песокъ, пустырь,—руины давно бы обнаружили себя, появились бы и землекопы, простые и ученые. А при боровинѣ хлѣбный покровъ покрываетъ все. Червень-червоный (красный) значитъ: нарядный, изящный. Нынѣшнее Чермно тоже какъ будто должно-бы обозначать тоже самое, но его чермненскіе насельники съ такимъ толкованіемъ своего имени не согласны. Они даже произносятъ имя своей деревушки просто-Чэрно, что, по ихнему, буквально значитъ—черное, но совсѣмъ не „червоное". На всѣ доводы, что они должны называться червенцами или чермнянами, возражаютъ: „ні, мы чорні, бо въ насъ земля чорна". И дѣйствительно, вспаханныя сейчасъ поля ихъ завидно черныя. Есть въ Чермнѣ только церковно-приходская школа, а

очень и очень кстати было бы устроить здѣсь школу для крестьянъ высшаго типа: это было-бы данью уваженія всетаки знаменитому историческому мѣсту.

Въ верстѣ отъ Черна расширяется въ чудномъ лѣсномъ уголкѣ Турковицкая женская обитель. Громадный колоколъ ея на десятки верстъ кругомъ, чудится иногда, какъ будто даетъ вѣсть о славѣ уснувшаго княжескаго города.

21. Изъ южной Холмщины.

Вѣсть, промелькнувшая въ газетной хроникѣ о частномъ проектѣ железной дороги по южной части Холмщины (Красноставъ, Замостье, Грубешовъ, Томашовъ) радостно всполошила какъ здѣшнюю интеллигенцію, такъ и торговый людъ. Свѣдѣнія, положимъ, объ этомъ еще довольно неопредѣленныя: есть какіе то на Волыни капиталисты, есть у нихъ желаніе связать Волынь съ Холмщиной, есть будто-бы и разрѣшеніе на сооруженіе дороги,—но когда-то еще будетъ желѣзная дорога?

А нужна здѣсь послѣдняя, хотя-бы въ одномъ направленіи, нужна обязательно. Нужна потому, что весь громадный мѣстный районъ, плодороднѣйшій, продуктивный, густонаселенный, состоящій изъ уѣздовъ: Бѣлгорайскаго, Замостскаго, Томашовскаго, Грубешовскаго и частей другихъ уѣздовъ,—вовсе не имѣетъ этой желѣзной дороги. Съ самыхъ южныхъ и юговосточныхъ границъ сего района къ жел.-дорожнымъ станціямъ: Реіовецъ и Холмъ 100 и болѣе верстъ. По другимъ направленіямъ наберется и большее разстояніе. Къ тому же мѣстныя разстоянія, по своему природному бездорожью, зависящему отъ холмистой и топко-низменной мѣстности, еще болѣе усложняютъ существующій здѣсь кругъ замкнутости и заброшенности. Вдобавокъ здѣсь даже нѣтъ и шоссе.

Но какъ можно бросать на произволъ бездорожья мѣстный громадный уголъ Холмщины, если онъ одной только своей пшеницей можетъ прокормить цѣлый Петербургъ или изрядныхъ двѣ губерніи. Здѣсь же, при богатствѣ такъ называемой боровинной почвы, родится изобиліе не одной только пшеницы; здѣсь благодатный край на высокую урожайность всякихъ злаковъ; здѣсь одного сахару съ безконечныхъ свекловичныхъ полей вырабатывается въ нѣсколькихъ заводахъ столько, сколько, навѣрное, не выработаютъ нѣсколько губерній; здѣсь получаетъ громад-

ный запасъ спирта винная монополія; здѣсь растутъ и множатся разные виды фабричныхъ и заводскихъ производствъ; здѣсь, наконецъ, крестьянинъ, владѣющій шестью моргами, и при бездорожьи хорошо живетъ, потому что земля высокимъ процентомъ вознаграждаетъ его трудъ. Какъ-же, опять повторяю, оставлять такой истинно благодатный уголокъ безъ надлежащей дороги.

Здѣсь, кромѣ того, есть на лицо нѣсколько десятковъ крупныхъ имѣній, каждое милліонной цѣнности, иное съ паровыми мельницами, иное съ сахарными заводами, съ лѣсопилками, съ винокурнями, пивоварнями, стадами породистаго скота и т. п. богатствами...

Случилось пишущему эти строки на дняхъ проѣхать часть южнаго уголка: Грубешовъ, Томашовъ, Замостье и опредѣлить наличное состояніе будущаго полевого урожая. Общее впечатлѣніе таково, что только одно градобитіе можетъ уменьшить эту громадную силу предстоящаго сбора. Говорятъ и пишутъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ можно ожидать засухи. Пока однако часто перепадаютъ благодатные дожди, и всякіе злаки прочно уже пошли въ ростъ, такъ что и при позднѣйшей, допустимъ, засухѣ хлѣба на полѣ могутъ только раньше созрѣть, но не могутъ захирѣть и уничтожиться, чего здѣсь даже никогда и не бывало. Весенней влаги, правда, здѣсь почти не было, такъ какъ очень рано наступившее тепло сразу же, вмѣсто разлива, обсушило землю, но потомъ увлажнили землю частые дожди. Сейчасъ, когда я пишу, прошелъ широкій рѣзвый дождь и полилъ вдосталь нѣсколько дней жаждавшую землю. Рожь ровною стѣною уже выколосилась и быстро идетъ въ ростъ: жатва ея, безъ сомнѣнія, наступитъ на двѣ недѣли раньше обыкновеннаго. Пшеница, мѣстная пышная красавица, густыми, безконечными коврами только начинаетъ идти въ ростъ, одна другой роскошнѣе, одна другой завиднѣе. На чистомъ черноземѣ возлѣ посада Комарова пшеница такъ буйно густа, что какъ бы ей не вылечь до жатвы. Но тамошніе хозяева знаютъ, какъ ее растить: если она „буитъ", то ее сверху подрѣжутъ во время. Всѣ яровые на диво хороши, и нѣтъ ничего посѣяннаго, что бы не радовало глазъ здѣшнихъ тружениковъ и опытныхъ владѣльцевъ. Начинаетъ всходить гречиха, просо, картофель; начинаютъ зеленѣть огороды: все мило, утѣшительно и бодро дѣйствуетъ на жителя трудовой деревни. Забылъ указать еще на обильное цвѣтеніе въ садахъ, какого и здѣсь раньше не бывало. Теперь на-дняхъ деревья и

кусты уже отцвѣтаютъ, и завязей на каждомъ плодовомъ растенiи великое множество. Цвѣтенiе происходило въ благопрiятную пору.

Нѣсколько словъ надо еще добавить про города: Замостье, Грубешовъ, Томашовъ. Самый солидный городокъ—первый. Его стариннаго типа громадные дома напоминаютъ часть старинной Варшавы, и въ центральномъ своемъ мѣстѣ Замостье, по чистотѣ и торговой оживленности, далеко превосходитъ многiе уѣздные города. Грубешовъ значительно проще, но весьма богатъ садами, а еще болѣе прилегающею къ городу плодороднѣйшею мѣстностью, богатъ также и окружнымъ своимъ бездорожьемъ. Томашовъ—захудалый городокъ, извѣстный лишь только тѣмъ, что расположенъ почти на границѣ Австрiи и имѣетъ таможенную заставу.

Не для роста и славы этихъ городковъ и нѣсколькихъ подобныхъ имъ посадовъ нужна тутъ желѣзная дорога, а нужна она, какъ указано выше, для удобнаго разлива во всѣ стороны массоваго скопленiя мѣстныхъ природныхъ богатствъ и ихъ обработанныхъ продуктовъ, для оживленiя народной дѣятельности, для устройства тутъ, благодаря мѣстнымъ условiямъ, разныхъ показательныхъ образцовъ, о чемъ безъ желѣзной дороги нечего и думать, такъ какъ наше бездорожье все это усыпляетъ.

22. Сравнительная зажиточность сельчанъ Холмщины и Подляшья.

Прослуживши нѣсколько десятковъ лѣтъ въ разныхъ весяхъ Холмщины и Подляшья, исходивши и изъѣздивши, ради изученiя быта родного мнѣ народа, положительно всѣ закоулки названныхъ мѣстностей, хочется выразить тутъ часть запаса своихъ свѣдѣнiй по указанной темѣ. Какъ извѣстно, вѣроятно, многимъ изъ читателей *Варшавскаго Дневника*, въ Холмщинѣ тучная, плодородная почва, мѣстами составляющая сплошной, богатый черноземъ, производящая роскошную пшеницу и другiе хлѣбные злаки, дающая громадный запасъ бураковъ для нѣсколькихъ тутъ же находящихся сахарныхъ заводовъ. (Моргъ бураковъ обезпечиваетъ хозяину сотню рублей чистой прибыли). Не рѣдкость въ Холмщинѣ такiе примѣры, что богатый урожай земли-кормилицы мо-

жетъ питать среднюю семью крестьянина на 6 и даже на трехъ моргахъ. Владѣющихъ цѣлогрунтовымъ или даже половиннымъ усадебнымъ надѣломъ, въ 30—50 морговъ, здѣсь можно встрѣтить только какъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно сельскіе хозяева Холмщины хозяйствуютъ на половинахъ, третяхъ и четвертяхъ усадебныхъ надѣловъ, что и не удивительно, такъ какъ народъ множится, а земля все та же; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удастся прикупить нѣсколько морговъ при случайной парцелляціи имѣній, что берется сельчанами на расхватъ, хотя бы и по громадной цѣнѣ, доходящей до 300 руб. за моргъ. Словомъ, вообще можно констатировать, что холмскій сельчанинъ всецѣло преданъ земледѣльческому труду, занимается имъ съ наивысшимъ напряженіемъ и отнюдь не съ отжившими пріемами, а съ помощью хорошихъ плуговъ, съ правильными сѣвооборотами, съ молотилками сортировками и прочимъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Здѣсь дѣйствительно ни одинъ клочекъ земли не пропадаетъ втунѣ. За такой трудъ, разумный, и настойчивый, земля холмская, грубешовская, красноставская и томашовская даетъ своимъ насельникамъ чудные урожаи. Урожаи въ самъ 10—15 и 20, смотря по роду посѣвовъ. По преимуществу же Холмщину можно назвать пшеничнымъ краемъ, такъ какъ весь остальной сборъ злаковъ, вмѣстѣ взятый, едва ли равняется сбору пшеницы. При цѣнѣ же, самое меньшее, 6 руб. за корецъ ея (недавно было и по 12 р.) и при возможности каждому среднему хозяину продать каждый годъ 15 20 корцевъ этого зерна, кромѣ продажи другого свободнаго зерна, можно разсчитать, что холмщанинъ обезпеченъ въ своемъ матеріальномъ быту доходами отъ земли. Это дѣйствительно такъ и есть на самомъ дѣлѣ: холмщанинъ сытъ, обутъ, одѣтъ, домовитъ, запасливъ на пищевые продукты и—значительно бѣднѣе запасной сбереженной копѣйкой, чѣмъ песчанный подляшанинъ!

Вотъ тутъ то, что называется, и загвоздка, надъ выясненіемъ которой приходится вникать во всѣ подробности быта того и другого сельчанина. Но предварительно можно высказать такой, по моему мнѣнію, справедливый афоризмъ: тучная нива нѣжитъ земледѣльца, а песчаная заставляетъ его копить деньгу. Что имѣетъ болѣе практической цѣнности въ жизни: ежедевная ли сытость безъ запасного рубля, или зпасной рубль при менѣе полной сытости? А такъ какъ при разъясненіи такого вопроса можно забрести въ безполезную софистику, то поэтому

лучше ужъ приведу сравнительное описаніе хозяйственности сельчанъ песчаннаго Подляшья. Совершенно песчаною землю въ этой надбужной полосѣ, конечно, назвать нельзя, но самые лучшіе куски ея тамъ не сравняются но плодородію съ послѣдними полями Холмщины. Вездѣ тамъ то супесокъ, то суглинокъ, то болотная низина, на которыхъ, если не подложить вдосталь навозу, ничего не выростетъ, даже бурьянъ—и тотъ чахлый. Въ мѣстностяхъ же, богатыхъ пескомъ (въ окрестностяхъ н. н. Вишницъ, Кодня, Славатычъ и др.) шаловливый вѣтеръ очень часто заноситъ бѣлою пеленою песку и тѣ посѣвы, которые радовали глазъ хозяина своимъ хорошимъ всходомъ. Обработка земли въ Подляшьѣ значительно легче, благодаря мягкости почвы: взрыхлилъ плугомъ ниву, прошелся разъ—другой съ бороною,—и рядки лежатъ, словно пуховыя перины, взрыхленныя до наилучшей степени. Да дѣло то въ томъ. что мѣрка ржи родитъ только самое большее 5 такихъ мѣрокъ, хорошо если 4, не плохо, если 3, а хотя и очень плохо, если 2, но что же дѣлать, коли и такіе урожаи бываютъ? Пшеница такой почвы, разумѣется, не любитъ, и высѣваетъ ее тутъ каждый средній хозяинъ только въ такой мѣрѣ, чтобы можно было напечь калачей къ главнымъ праздникамъ въ году. Холмщина калачами питается почти ежедневно. Остальные хлѣба тоже даютъ такую же прибыль. Даже картофель, и тотъ очень хорошъ при плодородіи въ самъ 5—6. А вѣдь нельзя сказать чтобы трудоспособность подляшанъ, ихъ умѣніе правильно и толково обращаться съ землей уступали холмянамъ: и тамъ, и тутъ тотъ же усидчивый, тяжелый и разумный трудъ, тотъ же сѣвооборотъ, съ посѣвами разныхъ кормовыхъ травъ въ подспорье къ хозяйству, ради лучшей выкормки скота, та же безграничная любовь и привязанность къ земельному труду. Но, очевидно, плохую землю не сравняешь по плодородію съ естественно богатою почвой. Мнѣ извѣстны случаи удобрѣнія подляшанами своихъ нивъ разными покупными фабричными туками, въ подражаніе помѣщикамъ,—все равно, значительнаго повышенія урожайности не замѣтно было. Отсюда можно вывести простое объясненіе такого сравнительнаго явленія, что въ то время, какъ въ Холмщинѣ хозяйствуютъ на 6 и 3 моргахъ, въ Подляшьѣ можно быть хозяиномъ только наименѣе при 10 моргахъ. Такимъ образомъ раздробленность надѣловъ въ Подляшьѣ не такова, какъ въ Холмщинѣ.

Вслѣдствіе же неурожайности почвы, на Подляшьѣ сельчане поне-

волѣ оставляютъ большія пространства земли для сѣнокосовъ, выгоновъ, выпасовъ, на которыхъ достаточно простора въ пастьбѣ домашней скотины. Въ Холмщинѣ наоборотъ: общественныхъ выпасовъ почти нѣтъ, и скотина кормится очень часто по межамъ, огородамъ, а то и просто въ стойлахъ; лишь послѣ уборки хлѣбовъ и вторыхъ покосовъ она гуляетъ на просторѣ. И вообще домашняго живого инвентаря у подляшанъ, кажется, больше, чѣмъ у холмянъ, особенно—овецъ, требующихъ разгула на пастбищѣ. Въ этомъ единственное сельско-хозяйственное преимущество Подляшья предъ Холмщиной.

Сопоставляя такимъ образомъ вкратцѣ очерченный сельско-хозяйственный бытъ того и другого трудового народа, приведу нѣсколько фактическихъ доказательствъ упомянутаго выше положенія, что песчаные подляшане, такъ сказать, денежнѣе сытыхъ холмянъ. Первая существенная причина кроется тутъ въ простомъ соображеніи тѣхъ и другихъ: зачѣмъ сберегать копейку, думаетъ сытый, если сытость моя, безъ сомнѣнія, при моемъ трудѣ, обезпечена и впредь? Дѣтей пріодѣну, улучшу свое питаніе, украшу домъ снаружи и внутри и ужъ, во всякомъ случаѣ, не отстану по внѣшности отъ той шляхты, которая живетъ только ремесломъ, а выглядитъ заманчиво прилично... И дѣйствительно, большинство холмщанъ по внѣшности представляютъ собой шляхту. Ничего почти самодѣльнаго въ одеждѣ здѣсь у крестьянъ не имѣется: все даетъ мануфактурная лавка, на которую уходитъ очень много пшеницы... А часто забираютъ тамъ и въ кредитъ, или же за счетъ будущаго урожая занимаютъ деньги въ сберегательной кассѣ для улучшенія внѣшности. Та масса заемщиковъ въ гминныхъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, которая постоянно толпится въ кассовые дни у кассы,—ясный примѣръ безденежья.

Песчаный подляшанинъ въ большинствѣ тамошнихъ селъ, наученный горькимъ опытомъ, что безъ запасной копейки, при скудности земли и поголодать приходится, пришелъ постепенно къ тому тоже простому соображенію, которое можно выразить въ такихъ фактахъ: одѣтъ онъ въ самодѣльную одежду, часть которой норовитъ еще и продать, уподобляться шляхтѣ считаетъ стыдомъ, не брезгаетъ лаптями, богатъ своими сельскими ремесленниками, изъ которыхъ ткачи, напр., имѣются въ каждомъ домѣ, и все занятъ онъ, этотъ сѣрый труженикъ, единственной думой: какъ бы побольше сберечь, да занести въ кассу, да ссудить на-

дежному лицу. Мнѣ извѣстны нѣсколько ссудо-сберегательныхъ кассъ на Подляшьѣ, гдѣ членамъ ея прямо объявлено по гминамъ, что на вкладъ могутъ приниматься только сиротскія деньги, и никакихъ больше. А вкладчиковъ была бы тамъ масса.

Въ слѣдующей замѣткѣ продолжу свою обрисовку названныхъ мѣстностей въ болѣе конкретныхъ фактахъ.

23. Крестьянская жизнь въ Холмщинѣ и Подлясьѣ.

„Шикъ“ и простота въ деревнѣ.

Продолжаю запасъ своихъ наблюденій надъ крестьянской жизнью въ предѣлахъ Холмщины и Подлясья. На этотъ разъ хочу особенно оттѣнить ту грань замѣтнаго нынѣ различія въ простомъ народѣ, которая проявляется въ разныхъ формахъ видимой внѣшности: въ домахъ, домовой обстановкѣ, одеждѣ, пищѣ, домашнемъ обзаведеніи и прочихъ укладахъ деревенской жизни. Внѣшность обыкновенно служитъ хорошимъ, т. е., правильнѣе сказать, вѣчнымъ показателемъ той или иной степени достоинства умственнаго развитія, нравственности и силы духа. Но какъ народный—по силѣ возможности—бытописатель, долгомъ считаю выразить предварительно свой безпристрастный критерій относительно этой деревенской внѣшности: „шика“ въ однихъ мѣстахъ и простоты въ другихъ. По моему, пусть бы себѣ наше крестьянство во всемъ внѣшнемъ обликѣ и уподоблялось интеллигенціи,—въ такомъ своеобразномъ прогрессѣ не было бы худыхъ сторонъ, лишь бы не трещалъ, во-первыхъ, по всѣмъ швамъ его невеликій бюджетъ, лишь бы, во-вторыхъ, не падала съ перемѣной облика нравственность, лишь бы, въ третьихъ, росло его постепенное просвѣщеніе, усваивалась гигіена здоровья, чистоплотность, выносливость и проч. Да на бѣду „шикъ“ въ деревнѣ остается только однимъ обезъяньимъ уподобленіемъ „панству“, со многими отрицательными добавленіями. Плохую услугу, значитъ, оказываютъ въ данномъ случаѣ вольные и невольные объекты такого воспріятія... Чтожъ дѣлать, — таковъ ужъ, вѣроятно, постепенный ходъ доморощеннаго крестьянскаго развитія.

Но обращусь къ фактамъ, картинамъ современной крестьянской жизни, предварительно изъ области такъ называемаго мною „шика“.

Порядочный домъ хозяина средняго достатка съ хорошими прочими пристройками; тучная, урожайная нива; запасъ хозяйственнаго скарба; небольшая рабочая семья,—вотъ, казалось бы, надежные факторы для образованія, въ общей ихъ совокупности, прочнаго, зажиточнаго типа крестьянскаго хозяйства. Не тутъ то было! Соблазнительный „шикъ" шляхетства наложилъ уже на эту семью печать своей власти, и она хотя еще не бѣдна, но на пути къ бѣдѣ. Судите сами. Тутъ не прядутъ и не ткутъ сами для себя положительно ничего, развѣ только приготовятъ кусокъ ткани на мѣшки да и то по заказу у спеціальнаго мастера. Считаютъ просто смѣшнымъ тридцать разъ возиться, какъ они говорятъ, со льномъ, когда за 15 коп. можно купить локоть полотна, а за рубль можно имѣть рубаху. Да и прясть и ткать вовсе не умѣютъ. На одно только бѣлье такимъ образомъ должно уйти наименѣе руб. 10, а то и побольше, если потребуетъ случай. Сукна и подавно тутъ своего не выткутъ, говорятъ: нѣтъ овецъ, нѣтъ для нихъ выпасу, нѣтъ станковъ (а между тѣмъ дѣды и отцы ходили въ самотканной и дома сшитой одеждѣ). Въ кожухѣ своей работы стыдятся ходить, да опять таки сами его не сошьютъ. Вотъ тутъ уже чувствительно крупный расходъ въ такой семьѣ: пальто, пиджаки, ватовки, не рѣдко черныя пары, кожухи, крытые сукномъ, и—самое цѣнное — женская одежда требуетъ платы въ добрую сотню рублей на одинъ только годъ, при настойчивомъ исполненіи требованій „шика", и хотя—50 рублей, при простой необходимости имѣть локтевую одежду. Добро бы эта локтевая одежда была хотя сравнительно сноснаго качества, а то сплошь все лишь одни фабричные отбросы. Выйдешь иногда утромъ на поле, смотришь—пашетъ паренекъ землю „въ ватовкѣ", а послѣдняя на немъ, какъ на пугалѣ, пестритъ своими дырями и клочьями ваты... А между тѣмъ самодѣльный кожухъ или сукманъ, послѣ пятнадцатилѣтней носки, еще три года можетъ послужить въ портянкахъ и домашнихъ тряпкахъ, будучи порѣзанъ на куски.

Но что меня, да и многихъ по деревнямъ, подверженнымъ шляхетскому „шику", особенно поражаетъ своимъ расходомъ, такъ это именно „шиковая" локтевая женская одежда. Вѣдь, представьте себѣ, по 3 рубля уже платятъ за локоть матеріи и шьютъ чуть ли не по журнальнымъ модамъ платья, кофты, юбки, накидки, жакетки,—и это крестьянки, не говоря про мѣщанокъ, идущихъ въ этомъ курсѣ далеко впе-

реди. Тутъ не то, что крупные расходы въ хозяйствѣ по требованію „шика“, тутъ просто скрежетъ зубовный испытываетъ злосчастный батько, имѣющій двухъ—трехъ дочерей. Тутъ корова, кормленный боровъ, лошадь, пшеница, мука, масло,—все, что угодно, идетъ въ экстренную продажу, лишь бы не отстать отъ показного „шика“ по плачевному воплю дѣтей. Нерѣдко приходится наблюдать, какъ питаются люди въ такой якобы зажиточной семьѣ: картофель въ двухъ—трехъ видахъ, „набѣлъ“ молочный, клецки, пироги, но очень рѣдко кусокъ мяса, такъ какъ, повторяю, боровы идутъ на украшеніе и такъ прекраснаго пола. Внутренность дома у такихъ „шляхтянъ“ тоже чисто-показная, но опять таки ничего тамъ нѣтъ самобытнаго, самодѣльнаго.

Но довольно пока съ одной стороны, перейду къ другой обрисовкѣ, къ деревенской сермяжной, даже лыковой простотѣ. Хотя сѣрый мужичекъ подляшанинъ, увидѣвши тышовецкаго мужика-же, съ подграничья Австріи, одѣтаго по пански, назвалъ бы послѣдняго безъ всякаго сомнѣнія паномъ, однако интеллектуальной разницы между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакой: и тотъ, и другой одинаково малограмотны, одинаково развиты, вотъ только развѣ, что первый значительно проще, прямодушнѣе, не будучи тронутъ уподобленіемъ шляхетству.

Вращаясь въ рамкахъ назначенной себѣ темы, не могу оставить безъ обрисовки еще такой сравнительной картинки. Часто приходилось бывать „въ гостинѣ“ у подляшанъ и у здѣшнихъ холмянъ. И тамъ, и тутъ принимаютъ радушно, да угощаютъ различно. На Подлясьѣ „гостина“ полна колбасой, разнымъ мясомъ и вообще такимъ кушаньемъ, съѣвши котораго хотя понемногу съ каждаго блюда, чувствуешь себя сытымъ и видишь другихъ сытыми. И замѣтьте, вся эта „гостинная“ пища домашняго приготовленія, не покупная. У пшеничныхъ холмянъ васъ будутъ кормить во всю „гостину“ нѣсколькими перемѣнами пироговъ съ начинкой изъ крупы; затѣмъ, когда вы всетаки напитаетесь пирогами, вамъ дадутъ жидкой пищи—это еще, пожалуй, кстати,—но вотъ только въ концѣ „гостины“ предложатъ что-либо мясное и наконецъ яичницу! Совершенно обратно пропорціональный аппетиту голоднаго человѣка порядокъ, обозначающій, что рѣдкая въ домашнемъ употребленіи пища дается, какъ самое лучшее блюдо, въ концѣ угощенія. Но это—между прочимъ, какъ показной образчикъ того моего утвержденія, что „шикъ“ вынужденъ похуже питаться, а простота прочно помнитъ, что

тѣло требуетъ капитальной пищи, и простота умѣетъ хранить запасъ такой пищи, чтобы не идти въ лавку за фунтами.

Но приведу примѣръ изъ области деревенской простоты. Въ сермяжныхъ этнографически-самобытныхъ селахъ домовитость средняго хозяина такова: невзрачный на видъ домишко, да въ немъ кузовы полны еще дѣдовской одеждой, кое какія клѣтушки-пристройки, да въ нихъ скотинка держится для своей пользы, обращаемой потомъ въ капиталъ; въ „комораxъ“ (клѣтяхъ) и амбарахъ запасъ зерна и мясной пищи, разсчитанный на обезпеченное прокормленіе и на продажу, опять-таки ради капитала. Въ домѣ 3, или даже, если нужно, 5 самопрялокъ, обязательный свой ткацкій станокъ и безпрерывный запасъ шерсти, льну, конопли для пряжи. Помнятся многіе приходы на Подлясьи, гдѣ издавна заведено хранить запасъ полотна, сукна и другихъ домашнихъ издѣлій на чердакахъ церквей или внизу колокольни. Впрочемъ, это теперь, кажется, распоряженіемъ отмѣнено. Въ такомъ семейномъ домѣ простоты вся сплошь одежда для всѣхъ членовъ своя самодѣльная, исключая развѣ платковъ на голову. Боровы, если и продаются, то для хозяйственной необходимости, обыкновенно же свинина сохраняется впрокъ для домашняго употребленія.

И такъ во всемъ, гдѣ простота, тамъ запасъ, бережливость, умѣренность, что въ свою очередь имѣетъ конечною цѣлью — увеличеніе запасной копѣйки. Гдѣ же такъ называемый деревенскій „шикъ“ тамъ — временный запасъ добра, а потомъ безпрерывные вычеты изъ него для удовлетворенія прихотей внѣшности. Конечно, сказать вообще, что деревенская простота имѣетъ всѣ преимущества предъ зарождающейся якобы деревенской интеллигенціей, не приходится: и то, и другое богаты еще общими изъянами народной темноты, но первые признаки показного низкопробнаго шику очень неутѣшительны, а потому деревенская простота всетаки значительно симпатичнѣе, какъ наслѣдіе нашей исторической самобытности.

24. Крестьянскіе отщепенцы.

Передовая статья въ № 229 *Варш. Днев.* о наглядныхъ несообразностяхъ въ средѣ нашей интеллигентной молодежи, ищущей и не находящей соотвѣтственной своимъ желаніямъ служебной карьеры, воз-

будила у меня желаніе дать хотя вкратцѣ характеристику и такъ называемыхъ „крестьянскихъ отщепенцевъ". Безъ сомнѣнія, перепроизводство у насъ образованной, но такъ сказать, бездомной интеллигенціи и крестьянское отщепенство являютъ собой двѣ современныя параллели житейскихъ неудачниковъ. Первая изъ нихъ проходитъ по городамъ, чуждаясь деревни, хотя и получаетъ нерѣдко начало изъ послѣдней; вторая, окунувшись только разъ—другой въ городѣ, принуждена волею судьбы опять таки вернуться въ деревню и хандрить въ ней. Но объясню данный эпитетъ. Крестьянскіе отщепенцы—это та внѣшне обособленная отъ своихъ братьевъ крестьянъ мелкота, которая теперь стала особенно замѣтной въ пригородныхъ деревняхъ да расползается понемногу и дальше по глухимъ уголкамъ, являя собою печальный примѣръ „плодовъ просвѣщенія". Характеризуя эту мелкоту, давно, а тѣмъ болѣе теперь постоянно наблюдаемую въ разныхъ деревняхъ, начну съ „работниковъ пера".

Крестьянскій мальчикъ, окончившій начальную школу, попалъ въ канцелярскіе писцы на пятирублевое жалованье. Пока въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла его передѣлка „на барина", онъ жилъ у родителей, но постепенно и окончательно отвыкалъ отъ деревенскаго здороваго труда, такъ какъ нужно было бѣгать въ канцелярію и писать, писать безъ конца и безъ всякаго сознанія, зачѣмъ все это пишется. Потомъ онъ сталъ настоящимъ помощникомъ писаря и, воображая себя интеллигентомъ, окончательно откололся отъ своей недавней среды. Хорошо, если судьба дала ему устойчивое мѣсто службы, а въ большинствѣ случаевъ такіе „работники пера"—изрядная армія голоднаго, безмѣстнаго, развращеннаго пролетаріата. Возвратъ назадъ ему немыслимъ да и невыносимъ; впереди въ жизни—тьма и возможность какихъ угодно поступковъ. Да и при кое-какой службишкѣ жизнь такихъ отщепенцевъ гораздо хуже жизни деревенскихъ батраковъ и бобылей. Казалось бы, что, вкусивши разъ другой такой сладости въ отщепенствѣ отъ родной среды, можно-бы во время спохватиться и вернуться назадъ въ эту среду, взяться за родныя орудія—плугъ, косу, цѣпь, грабли и т. п., составить разумную библіотеку, читать и работать умомъ и руками самому и другимъ въ томъ же помогать... Но нѣтъ... Два-три примѣра на виду у каждаго, что вотъ, молъ, такой-то, подобный мнѣ, блаженствуетъ гминнымъ писаремъ, а тотъ и поважнѣе его, заставляютъ

эту пишущую братію ломать свою жизнь по тому же шаблону до конца.

Другой примѣръ приходится взять, къ сожалѣнію, изъ учащейся арміи. Нынѣ уже не рѣдкость у насъ такія села, гдѣ можно насчитать пятокъ, а то и больше воспитанниковъ средних учебн. заведеній, изъ которыхъ, помимо дѣтей интеллигентовъ, всегда найдется извѣстное число и крестьянскихъ дѣтей. Среди естественно необходимаго каникулярнаго отдыха, этимъ юношамъ, дѣтямъ и внукамъ крестьянъ, кажется, можно было бы хотя понемногу взяться за работу отцовъ и дѣдовъ, принести тѣмъ хотя бы небольшую натуральную плату за свое домашнее пропитаніе, можно-бы полюбить этотъ основной человѣческій честный трудъ, осмыслить его и тѣмъ самымъ не обезсилить, а оздоровить себя. Ну, что за стыдъ или трудъ вязать снопы, возить, косить, сгребать и т. д. въ родномъ хозяйствѣ? И тутъ нѣтъ... Во-первыхъ, лѣнь къ длительному труду, во-вторыхъ, ложный стыдъ, въ-третьихъ,—прямо таки пренебреженіе этимъ чернымъ трудомъ, при томъ самомнѣніи, что я, ученикъ гимназіи, семинаріи, а я—студентъ имѣю въ виду свою опредѣленную служебную дорогу, гдѣ нѣтъ мѣста этому ковырянью земли.

Дальше возьму примѣръ на ту же тему такого рода. Лакеи, кухарки, няни, мастера, подмастерья, отхожіе работники и прочій крестьянскій элементъ, уходящій въ посады, города, на фабрики или въ промышленные районы, конечно, съ цѣлью заработка и домашняго подспорья,—это тоже отщепившаяся часть крестьянства. Общеизвѣстно уже, что, возвращаясь назадъ въ деревню, такой напрактикованный въ другихъ видахъ занятія элементъ прежнимъ сельско-хозяйственнымъ труженикомъ не будетъ. Но это, казалось бы, не бѣда. „Образовался“ въ городѣ, зашибъ копѣйку, усвоилъ нужное всѣмъ ремесло или умѣнье,—пожалуй теперь въ деревню: и она требуетъ всякаго продуктивнаго образованія. Но, какъ на зло, и эти элементы норовятъ попасть въ „интеллигенцію“, а трудъ и расширеніе его—по боку. А между тѣмъ, такимъ выходцамъ изъ народа, особенно знающимъ ремесло, при кускѣ своей земли, можно бы было просто зажить припѣваючи.

25. Надежные піонеры.

Даю такое, кажется, подходящее названіе нашимъ крестьянскимъ выходцамъ въ Америку, конечно, самымъ честнымъ, трудолюбивымъ выходцамъ, зарабатывающимъ въ богатой странѣ завидную здѣсь у насъ копѣйку и привозящимъ ее съ собою сюда на родину, для необходимаго укрѣпленія своей хозяйственности.

Въ Томашовскомъ, напр., уѣздѣ, Люблинской губ. почти каждое село послало отъ себя въ Соед. Штаты одного, а то и больше, такъ называемаго здѣсь „американца". Напримѣръ, изъ одной деревни работаетъ въ Америкѣ четыре молодыхъ человѣка; изъ ближайшаго къ ней пос. Тышовецъ—болѣе десятка, не считая въ томъ числѣ евреевъ, какихъ тамъ отсюда еще больше, чѣмъ христіанъ. Составляя нерѣдко отъ родныхъ такихъ „американцевъ" письма имъ, читая ихъ отвѣтныя письма, знаю довольно хорошо о ихъ тамошнемъ положеніи. Работаютъ тамъ эти піонеры будущей своей зажиточности, главнымъ образомъ, на разнородныхъ фабрикахъ въ Нью-Іоркѣ, Детройтѣ и др. городахъ; многіе занимаются тамъ и тяжелыми земляными работами.

Пишутъ оттуда наши „американцы", что хозяева ихъ цѣнятъ за удивительную выносливость въ трудѣ, за трезвость, аккуратность и точность въ работѣ. Въ началѣ, сообщаютъ, трудновато было приноровиться какъ къ разнымъ видамъ работы, такъ и къ питанію, совершенно отличному тамъ отъ мѣстнаго. Но потомъ—ничего: свыклись. Свыклись и, надо отдать имъ должную долю уваженія, вполнѣ оправдали себя въ дѣлѣ бережливости, доходящей до того, что каждый изъ нихъ присылаетъ въ годъ на родину 200—300—500, а иногда и больше рублей. Это, вѣдь, по здѣшнему громадныя деньги, заработать каковыя тутъ и мечтать не приходится. И хотя въ Америкѣ жизнь простого рабочаго тоже чувствительно дорога, но наши піонеры, пріученные своимъ историческимъ бытомъ къ скромной жизни, умѣютъ скромничать и на чужбинѣ, твердо памятуя, что самое большее въ 5 лѣтъ американскаго труда они здѣсь обезпечать себя на всю жизнь. Есть уже довольно много такихъ примѣровъ: бывшій „американецъ" выстроилъ себѣ порядочный домъ, прикупилъ нѣсколько морговъ земли и, будучи опять тѣмъ же земледѣльцемъ, сталъ вполнѣ зажиточнымъ человѣкомъ, примѣняя, когда нужно, на дѣлѣ и свои практическія познанія. Эти на-

глядные примѣры значительно лучшаго укрѣпленія матеріальнаго быта и заставляютъ многихъ другихъ мѣстныхъ сельчанъ уѣзжать въ Америку.

Сейчасъ вотъ слышу, что собираются уѣзжать туда почти изъ каждаго дома... По крайней мѣрѣ, говорятъ объ этомъ въ каждомъ домѣ. Во всякомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ число нашихъ „американцевъ“ будетъ увеличиваться, и въ этомъ съ полною увѣренностью нужно видѣть только лишь одно отрадное явленіе, такъ какъ, повторяю, каждый нашъ мужичокъ вполнѣ оправдаетъ туда свою поѣздку на нѣсколько лѣтъ. О переселеніи въ Америку не слышно; самое большее живутъ тамъ 5 лѣтъ и возвращаются обратно.

Отрадно потолковать съ такимъ „американцемъ“, отрадно видѣть его постоянную трудоспособность, отрадно замѣтить, что это уже не суевѣрный сельчанинъ, а бывалый, толковый человѣкъ, словомъ—выдвинутый самой жизнью надежный піонеръ въ дѣлѣ нашего возможнаго обогащенія и просвѣтлѣнія.

Весьма интересно было бы собрать *всѣ* свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ „американцахъ“ по губерніямъ и издать ихъ отдѣльной брошюрой. Въ этихъ свѣдѣніяхъ, подробно разработанныхъ и сгруппированныхъ компетентными лицами, нашлось бы очень много не только интереснаго, но и глубоко поучительнаго матеріала: какъ, гдѣ, почему и зачѣмъ зарождается у насъ многознаменательное общеніе на экономической почвѣ съ передовыми народами. Не бѣда, что нашъ народъ является тутъ только пока въ роли черно-рабочаго: и эта его роль почетна, а главное—видимо прибыльна.

26. Черезполосица въ Холмщинѣ.

Черезполосицей издавна страдаетъ, конечно, весь Привислинскій край и, безъ сомнѣнія, въ болѣе острой степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстностяхъ государства. Понятно, почему: здѣсь, при самой наибольшей густотѣ населенія, при самомъ частомъ переплетѣ земельнаго сосѣдства крестьянъ и помѣщиковъ, имѣется на лицо и этотъ, такъ сказать, гордіевъ земельный узелъ, который распутать немыслимо, а надо только разрубить, т. е., наново разверстать надѣльныя земли на колоніальныя полосы и отруба. Но предварительно приведу нѣсколько примѣровъ этой черезполосицы въ изученной мною род-

ной Холмщинѣ. Вотъ вамъ, напримѣръ, любая холмская деревня (за исключеніемъ тѣхъ немногочисленныхъ деревень, которыя получили колоніальное устройство до изданія Указа 1864 г., и новыхъ поселковъ, возникающихъ на расколонизованныхъ фольваркахъ). Густота построекъ въ ней прямо таки поразительная, правда,—густота, растянутая чаще только въ одну линію; такая скученная густота, что между хатами еле проѣзжаетъ пустой даже крестьянскій возъ, а возъ, нагруженный сѣномъ, соломой, или дровами, „чустритъ“ (задѣваетъ, третъ) двѣ параллельныя стѣнки домовъ, двѣ низко опускающіяся стрѣхи. Мало того: много и такихъ деревень, гдѣ между домами, а чаще между сараями нѣтъ даже и проѣзда, а только одни проходы, такъ называемыя „сутки“. А такъ какъ „сутки“ все таки цѣнный усадебный плацъ, то и онъ застраивается до такой степени, что получается безпрерывный длинный рядъ строеній, нерѣдко до полуверсты длиною. При пожарѣ такой „шнуръ“, состоящій изъ хлѣбныхъ и скотныхъ строеній, какъ разъ представляетъ собою самый надежный для огня фитиль.

Каждая деревня обыкновенно имѣетъ при себѣ нѣсколько дорогъ, расходящихся въ разныя стороны, ко всякимъ земельнымъ угодьямъ, или къ другимъ деревнямъ. Невольно хочется крикнуть этой скученной деревенской густотѣ: „Да расползись же ты, вѣковѣчная наша затворница, по своему полевому простору, или хотя кругомъ при старомъ гнѣздѣ по этимъ дорогамъ, по задворкамъ, выгонамъ!“

Но на такой „сдвигъ“ очень и очень много еще надо нашей деревнѣ силы воли, силы разума и показательныхъ образцовъ, какъ надо удобнѣе устроиться на своемъ хозяйствѣ. Безъ хуторской и отрубной разверстки пока нельзя даже и предполагать такой, на самомъ же дѣлѣ насущной, деревенской реформы. Деревенская густота строеній въ корнѣ своего происхожденія имѣетъ ту же земельную черезполосицу, какая издавна существуетъ на поляхъ, лугахъ и пастбищахъ. Дѣло въ томъ, что если общіе земельные надѣлы по отдѣльнымъ номерамъ хозяйствъ не могутъ здѣсь по закону дробиться менѣе чѣмъ до шести морговъ, то усадебные плацы издавна уже такъ раздробились, раскрошились, и потому владѣнія перепутались между собою, что, напримѣръ, получается въ наличности такая картина: здѣсь кусочекъ огорода одного владѣльца; за сто шаговъ того же владѣльца усадебный номеръ, но на немъ, по доброму словесному соглашенію, стоятъ постройки другого односельча-

нина; дальше первый владѣлецъ иріобрѣлъ себѣ плацъ для холодныхъ строеній, но его съузили два сосѣда сбоку на полшага, или уменьшили на квадратную сажень; дальше опять,—стоитъ нѣсколько построекъ на общественной землѣ и тутъ же при нихъ исчезъ когда-то бывшій собственный плацъ такого то, умершаго и не оставившаго наслѣдниковъ. Гдѣ тутъ чье и гдѣ тутъ постепенный усадебный порядокъ. гдѣ общественное, гдѣ собственное, гдѣ точныя границы родового, гдѣ—купленнаго, гдѣ добровольно уступленнаго, гдѣ—захваченнаго,—никто не разберетъ, никакія свидѣтельскія показанія не опредѣлятъ въ безспорной точности. А сколько изъ-за этихъ буквально кусочковъ усадебной земли шло и идетъ тяжбъ и волокиты, ссоръ, дракъ и всякихъ просто безобразій,—объ этомъ прекрасно вѣдаютъ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ, губернскія присутствія и суды. Это одно уже, вѣрится, можетъ быть вѣскою побудительною причиною къ зарожденію начала колоніальной разверстки всякой земли: дать бы только къ сему толчокъ на общественныхъ сходахъ.

Теперь о черезполосицѣ на полевыхъ и луговыхъ крестьянскихъ угодіяхъ. Въ томъ селѣ, гдѣ я сейчасъ живу, полевыя полосы каждаго хозяина раскинуты въ 14 мѣстахъ. Это еще неважная черезполосица, а просто обычная. Есть же такая земельная путаница и на свыше 20 мѣстахъ. Есть села съ такими образцами земельной мозаики, гдѣ часто сами владѣльцы путаются и то начинаютъ засѣвать чужое, то собирать сборы съ чужого „клинчика". Вся эта земельная раздробь—продуктъ, главнымъ образомъ, семейно-наслѣдственныхъ дѣлежей, но также въ значительной степени усиленный куплей-продажей тѣхъ же участковъ. Основной способъ разверстки крестьянскихъ угодій, произведенный первымъ послѣ уничтоженія барщины измѣреніемъ, состоялъ въ нарѣзкѣ опредѣленныхъ большихъ клиновъ, размѣренныхъ на равные цѣлогрунтовые надѣлы, „полвлочки", и въ нарѣзкѣ неопредѣленныхъ меньшихъ клиновъ, тоже размѣренныхъ на отдѣльные „грунты" („надатки"). Эти „полвлочки" и „надатки" относятся только къ полевымъ угодіямъ; луговыя опять имѣютъ свои особые граничные чертежи, а среди ихъ всѣхъ сюда же идутъ клины общественныхъ пастбищъ, выгоновъ и пустошей. Такимъ образомъ первое наше крестьянское земельное устройство получило въ наслѣдіе уже довольно пеструю мозаику, и очень естественно, что теперь эта мозаика дошла до самой густой мельчайшей пестроты.

Пестрота эта, безъ сомнѣнія, особенно давитъ болѣе состоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и вотъ почему. Какой либо шестиморговый хозяинъ еще такъ или иначе мирится со своими раскинутыми, растянутыми полосками, зная что ему неоткуда прибавить, да и не за что, къ этимъ „гусинымъ шеямъ“ еще одну такую шейку. А вотъ цѣлогрунтовый хозяинъ (40—30—20 морговъ) долженъ просто прыгать по своимъ надѣламъ, какъ по болотнымъ кочкамъ. У послѣдняго его цѣлый „грунтъ“ не въ однѣхъ полосахъ, а въ двухъ-трехъ, потому что онъ прикупилъ себѣ два—три разномѣстныхъ надѣла. Это значитъ, что если онъ по наслѣдству и по праву купли владѣетъ частями трехъ особыхъ земельныхъ номеровъ, и каждый такой номеръ по кусочкамъ раскинутъ въ земельной мозаикѣ, то надо кусочки этой мозаики помножить еще на 3, чтобы получилась вся наличная сумма полосокъ, клиновъ, придачъ и даже полуполосокъ. Обыкновенно такой владѣлецъ старается, хотя бы съ порядочной приплатой, промѣнять купленные разномѣстные участки на такіе же сосѣдніе, но это не всегда однако удается.

Въ настоящей замѣткѣ я только слегка затронулъ эту животрепещущую теперь житейскую тему: о ней нужно писать и говорить и начать пробовать приступать къ дѣлу всѣмъ лицамъ, знающимъ эту черезполосную крестьянскую хозяйственную бѣду. Проживши много лѣтъ по разнымъ нашимъ селамъ, зная родное крестьянство во всемъ укладѣ его жизни, могу категорически заявить, что наша мѣстная черезполосица заѣла нашего крестьянина, сдавила его до удушья и такъ въ мучительныхъ тискахъ его законсервировала, что онъ только теперь пробуетъ шевелиться, чтобы выйти, находясь на мѣстѣ, на спасительный просторъ. Надо, обязательно надо помочь нашему крестьянству, образно говоря, разойтись изъ бочки, разстаться съ деревенской тѣснотой и съ земельной черезполосицей: надо идти вровень съ культурнымъ движеніемъ, зарождающимся внутри государства на развалинахъ общины. Послѣдней хотя мѣстный край и не знаетъ, но черезполосица тоже почти такая же гнетущая обуза.

27. О сервитутахъ въ Холмщинѣ.

Пока еще вопросъ о хуторскомъ, или хотя, по мѣстному, —колоніальномъ размежеваніи и разселеніи не получилъ въ средѣ нашего мѣстнаго крестьянства даже надлежащей постановки (за отсутствіемъ землеустрои-

тельныхъ комиссій), крестьянское сервитутное дѣло уже давно обладаетъ здѣсь весьма чувствительной остротой. Жаль вотъ именно, что тутъ существуетъ только эта взаимная острота, но ни закономѣрнаго рѣшенія, ни надлежащей постановки сервитутнаго вопроса тоже пока нѣтъ. А рѣшенія этого вопроса съ нетерпѣніемъ ждетъ наше крестьянство. Много разъ приходилось писать по разнымъ селамъ Холмщины, по просьбѣ крестьянъ, жалобы и прошенія въ разныя присутственныя инстанціи по сервитутному дѣлу,—поэтому знакома мнѣ и эта, сторона нашей крестьянской жизни. Не могу пока утвердительно сказать только объ одномъ: большая или меньшая часть холмскаго крестьянства такъ или иначе развязалась съ этими сервитутами. Кажется, что не замѣненныхъ сервитутовъ уже теперь меньше, чѣмъ добровольно взаимно рѣшенныхъ. Такъ обстоитъ дѣло съ ними не только въ Холмщинѣ, но и во всемъ нашемъ Привислиньѣ.

Въ чемъ же однако суть текущей путаницы въ этихъ сервитутахъ? Да во многомъ. А прежде всего—во взаимной добровольной замѣнѣ сервитутныхъ правъ на деньги, на землю, на обязательства. Обыкновенно по разнымъ, даже отдаленнымъ другъ отъ друга нашимъ селамъ сервитутныя права сельчанъ, отмѣченныя въ табеляхъ, равнозначащи, это напримѣръ: 26 пароконныхъ возовъ топлива на усадьбу, извѣстное число штукъ строевого матеріала, матеріала на хозяйственныя подѣлки, столько-то хвороста, столько-то штукъ скота для пастьбы на дворскихъ угодіяхъ и еще кое-какія права. Если въ какомъ-либо селѣ при фольваркѣ оказываются какія либо видоизмѣненія сервитутныхъ правъ, то въ самыхъ незначительныхъ сравнительно размѣрахъ. Конечно, слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ такое равномѣрное надѣленіе сервитутными правами крестьянъ со стороны фольварковъ: это нормальная длительная до извѣстнаго законодательнаго предѣла плата за тяготу тоже длительной, да и весьма длительной покойницы-панщины. Весь сѣрый трудовой людъ, тяжело кряхтя и охая, несъ многими поколѣніями своими эту тяготу панщины, несъ равномѣрно, посильно и непосильно, несъ молчаливо и безропотно,—и долженъ былъ получить (и получилъ хотя на бумагѣ) обязательство на вознагражденіе за эту историческую тяготу. Это сервитутное обязательство пановъ бывшимъ своимъ холопамъ существовало еще раньше составленія крестьянскихъ земельныхъ табелей и внесено оно было въ послѣднія, волей, или неволей, на законномъ основаніи.

Казалось бы, что, если послѣдующіе годы за отмѣной панщины опредѣлили тяготу уже и для помѣщиковъ съ наличностью этихъ крестьянскихъ сервитутныхъ нравъ, надо было своевременно и одновременно примирить по опредѣленной нормѣ обѣ заинтересованныя, вѣрнѣе,—враждующія стороны. Между тѣмъ это примиреніе вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ идетъ только путемъ обоюдныхъ добровольныхъ сдѣлокъ. И вотъ на лицо результаты ихъ: въ одной гминѣ или даже селѣ равнозначащія сервитутныя права крестьянъ замѣнены на земельные участки такимъ образомъ, что на № крестьянской усадьбы пришлось 12—15 морговъ хорошаго строевого лѣса (это образцовые примѣры); въ другомъ мѣстѣ получено уже на такой же № 7—10 морговъ лѣса, пастбища или поля; въ третьемъ—по 5 морговъ молодняка, или пней изъподъ бывшаго лѣса. Итакъ вездѣ эта сервитутная замѣна пестритъ разнообразной ненормальностью въ цѣнпости уступленнаго и взамѣнъ полученнаго. Есть мѣста, гдѣ участокъ полученнаго взамѣнъ сервитутныхъ правъ далеко цѣннѣе всего имущества усадебнаго номера; есть и наоборотъ, гдѣ сервитутныя права уступлены за безцѣнокъ, и послѣднихъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Есть много селъ, получившихъ сервитутную замѣну за десятокъ верстъ отъ своей осѣдлости, хотя, конечно, можно было и ближе получить; есть села, не пожелавшія добровольныхъ сервитутныхъ сдѣлокъ, прижатыя къ самымъ дворамъ сосѣдними сельскими сервитутными замѣнами. Есть дѣйствительно настоящая путаница въ этой сервитутной неразберихѣ, гдѣ острота взаимоотношеній помѣщиковъ и крестьянъ доведена до крайняго напряженія, особенно тамъ, гдѣ сдѣлки и до сихъ поръ не состоялись. На основаніи новыхъ лѣсохозяйственныхъ плановъ (напр., въ бывшихъ имѣніяхъ кн. Радзивилъ, Гогенлоэ), возы дровъ валежника и сухостоя замѣнены дровами въ саженяхъ, что на дѣлѣ даетъ крестьянину усадебнику вмѣсто 26 возовъ прежнихъ только 5 возовъ дровъ. По тѣмъ же планамъ во многихъ лѣсахъ значительно сокращена площадь пастбищнаго сервитута открытіемъ „загайниковъ“, превращеніемъ выкорчеваннаго лѣса въ луга и пашни; сокращена площадь и полевого пастбищнаго сервитута крестьянъ частыми плодосмѣнными посѣвами помѣщиковъ, умышленными вспашками „облоговъ“ и т. д. Все это съ той цѣлью, чтобы или до крайности стѣснить крестьянъ въ сервитутѣ, или заставить ихъ согласиться на предлагаемую добровольную сдѣлку по

замѣнѣ. Обоюдная тяжба изъ-за сервитута—это громадная исторія земельной путаницы, загромоздившая дѣлами всѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и нагромоздившая множество наслоеній взаимной злобы, убытковъ и правонарушеній. Не легка тутъ, конечно, и земельная доля помѣщика, придавленнаго сервитутнымъ тягломъ крестьянъ, а потому съ его стороны пускаются въ ходъ всѣ пріемы для своего облегченія и для крестьянскаго обрѣза.

Помѣщичьи лѣса теперь уже чувствительно порѣдѣли отъ массовыхъ вырубокъ. Припоминаю тутъ нѣсколько селъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, которымъ десять лѣтъ тому назадъ давалось по семи морговъ лѣса взамѣнъ сервитута на одинъ номеръ. Сдѣлка не состоялась, и громадное имѣніе, перейдя къ новому владѣльцу, за нѣсколько лѣтъ почти оголилось отъ лѣсныхъ площадей. Тогда крестьяне искренно пожалѣли, почему было не брать цѣльнаго добра... Теперь придется получать взамѣнъ сервитута пустыри, болота, пеньки. И до сей поры холмское крестьянство находится въ гнетущемъ раздумьѣ: что и какъ лучше? Тѣ-ли случаи, гдѣ сервитутъ раньше замѣненъ сдѣлками, тѣ-ли, гдѣ замѣны еще не было, и тѣ-ли, которые въ будущемъ уже будутъ не случаями, а законнымъ указаніемъ рѣшенія сервитутнаго вопроса и дѣла?

Безъ сомнѣнія, одно только законодательное, ожидаемое въ близкомъ будущемъ указаніе по сервитутному разрѣшенію разъ навсегда успокоитъ обѣ обостренныя взаимоотношеніями стороны. Было-бы вполнѣ справедливо, чтобы ожидаемый законъ о сервитутахъ вознаградилъ дополнительной придачей въ томъ или иномъ видѣ тѣхъ крестьянъ, которые просто за безцѣнокъ уступили свои права, и гдѣ это, такъ сказать, имущественно возможно. Села, не замѣнившія своихъ сервитутовъ, должны терпѣливо обождать до законной нормы замѣны: это, дастъ Богъ, будетъ имъ наградой за сервитутное долготерпѣніе.

На вопросъ, что лучше: замѣна сервитута или сервитутныя права, —отвѣтъ одинъ, какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ помѣщиковъ: замѣнить эти права повсемѣстно. Никто вѣдь не пожелаетъ полухозяйствовать въ чужомъ домѣ. Каждому свое отдѣльно, и пусть обоюдочувствительная сервитутная боль отходитъ въ область прошлаго безвозвратно. Гораздо прибыльнѣе и спокойнѣе всѣмъ будетъ.

28. Чворняки въ Холмщинѣ.

Чворняки—это не родовое племя холмщанъ, а помѣщичья служилая дворня, живой и понынѣ анахронизмъ—пережитокъ барщины. При каждомъ фольваркѣ,—ихъ въ Холмщинѣ очень много—есть особые дома, домишки и просто лачуги; они тоже называются чворняками и составляютъ, конечно, принадлежность фольварковъ. Иногда дома—чворняки стоятъ почти вплотную съ помѣщичьими „покоями", иногда кучкою поодаль, иногда въ видѣ небольшой деревушки на порядочномъ разстояніи отъ барской обители, а иногда чворняки или разсыпаются по разнымъ мѣстамъ имѣнія, или тянутся струной, даже около ста сажень длиною, подъ одною крышей. Чворняки, т. е., помѣщичья дворня, по роду своей службы въ отдѣльности называются, различно: штангреты, форнали, лекаи, огородники, кухаржи, паробки, пастухи, гаеве, ковали, слюсаржи, пекаржи, кравцы, шевцы, махоники (?), столяржи, друцяржи, смоляржи, псяржи. Ну, да будетъ, хотя тутъ далеко не всѣ еще названія. Какъ видно, по своимъ трудовымъ производствамъ, чворняки—весьма производительный народъ, могущій обслуживать всякія фольварковыя нужды. Въ послѣднее время каста чворняковъ потеряла свое служилое единство, и изъ его равноцѣнной людской низины стали образовываться панки, подпанки, прошепанки, словомъ, такія служилыя категоріи такъ называемыхъ „дворусовъ", которымъ уже не втерпежъ кличка—чворняки. Разные механики, слюсаржи, лекаи и т. п.—это уже панство, подчасъ довольно зажиточное, подчасъ ничѣмъ не обязанное панскимъ покоямъ, подчасъ образующее новый слой владѣтельнаго панства, съ презрительнымъ забвеніемъ своего низкаго происхожденія и высокомѣрнымъ отношеніемъ къ собственному чворнякству. Чисто чворняцкая низина и подчиненность осталась только за паробками, форналями, пастухами и нѣкоторыми другими наименованіями службъ, несущими безсмѣнную черноту труда. Соотвѣтственно тому и чворняцкія фольварковыя постройки измѣнили уже свое внѣшнее однообразіе: дома прошепанковъ—это уже дома дворскихъ полуинтеллигентовъ, а дома, напримѣръ, паробковъ—тѣ же убогія, а если и не убогія, то простыя лачуги. Нѣкоторые изъ читателей, пожалуй запротестуютъ противъ слова—прошепанки: что это, молъ, за новинки? Прошепанки—это тѣ дворусы, которые въ разговорѣ между собой безчисленное количество разъ употребляютъ фразу: „proszę

pana", гораздо чаще, тѣмъ настоящее родовитые паны. Проше-панки составляютъ собой нѣсколько, хотя и мало замѣтное отличіе отъ подпанковъ, которые въ разговорѣ частенько даже тыкаются, а первые —никогда.

Нерѣдки случаи, что въ одной комнатѣ живетъ четыре семьи чворняковъ. Эта скученная, забитая, приниженная домовая жизнь низшихъ чворняковъ очень часто по разнымъ даже крупнымъ фольваркамъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, по сравненію, напримѣръ, съ стойловымъ содержаніемъ дворскихъ выѣздныхъ лошадей. Достаточно тутъ сказать, что конюхъ—чворнякъ, живущій въ грязи и тѣснотѣ, долженъ принарядиться, выходя изъ своей конуры, чтобы только почистить выѣздную пару. А не конюху и зайти въ свѣтлицу—стайню непозволительно...

Какъ забита и принижена интеллектуальная жизнь чворняковъ, объ этомъ можно было-бы многое сказать.

Скажу только пока кое-что. Безпросвѣтный, сдавленный тисками тяжелаго труда, безропотный чворнякъ—это настоящій типъ панщизнянаго раба и раба родового: какими были его дѣды-прадѣды, такимъ-же и понынѣ онъ остался. Передъ своимъ паномъ онъ парія. Разсудочная жизнедѣятельность у чворняка парализована подобострастіемъ, воля принижена безсмѣннымъ гипнозомъ власти, стремленіе къ свѣту и лучшей долѣ заграждено безпросвѣтной стѣною привязной жизни. Куда и къ чему пойдешь ты, несчастный современный узникъ, если тебѣ положительно нѣтъ выхода? Сиди, ѣшь и рабствуй... Ежедневно вотъ теперь вижу, а и раньше тысячи разъ видѣлъ этихъ еле волочащихъ ноги пастуховъ, этихъ горбатыхъ плугарей, этихъ тружениковъ въ полѣ, въ огородѣ, въ пыли, въ навозѣ... Тѣхъ тружениковъ, у которыхъ нѣтъ собственности, нѣтъ лучшей надежды, нѣтъ права свѣтлой жизни на землѣ. Отецъ зачахъ подъ ярмомъ труда, мать завяла отъ побѣгушекъ, сынъ живетъ въ грязномъ углу съ оторванной ногой, внукъ кормитъ и чиститъ комнатныхъ собакъ.

Большинство фольварковыхъ чворняковъ—осѣдлый и изъ рода въ родъ прикрѣпленный къ одному мѣсту народъ. Но нерѣдки, однако, и перекочевки чворняковъ изъ фольварка въ фольваркъ. Рабочій годъ этихъ тружениковъ по всѣмъ фольваркамъ начинается и оканчивается новымъ годомъ, или праздникомъ Св. Янна. И вотъ въ эти сроки можно видѣть какъ снуютъ по Холмщинѣ форнальки, развозящія этихъ без-

домныхъ людей. Скарбъ грошевый, нищета вопіющая и, Господи!— есть даже у этой нищеты и дѣти... О чворняцкихъ дѣтяхъ я дамъ еще особую картинку, а тутъ добавлю еще, что старый ненужный чворняцкій балластъ—дѣды слѣпые, хромые, бабы, высохшія до вида мумій,— составляютъ почти всю наличность нашихъ нищихъ, обступающихъ кольцами костелы и церкви, и бродящихъ по селамъ.

Плата за трудъ всякимъ чворнякамъ, даже и низшимъ, различна. Есть по нѣкоторымъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ фольваркамъ, надо правду сказать, хорошая обезпеченность служащихъ, да такихъ примѣровъ немного. Обычно чворняки-чернорабочіе получаютъ на семью 12—18 руб. въ годъ, 12—18 корцевъ ссыпу разнымъ зерномъ, кусокъ поля, огорода, право содержанія одной—двухъ коровъ, и за это берется трудъ безсмѣнный со всей семьи, съ каждаго даже малыша, могущаго что либо работать, иногда съ приплатой за неусловленныя рабочія руки, иногда и безъ такой приплаты. Но никакая „душа“ чворняка не можетъ уже пользоваться свободой въ побочномъ трудѣ и заработкѣ. За эти *посторонніе* заработки, за *разныя* провинности взыскиваются домашнимъ образомъ всякіе штрафы. „У хорошаго пана и чворняку добре“, говорятъ крестьяне. А такъ какъ паны-дзѣдзичи теперь по большей части и сами худосочны по карману, то чворняцкая нужда еще тѣмъ болѣе безгранична. Замѣчательно, что то-же родное чворнякамъ сельское *крестьянство*, хотя-бы и бѣдное, не хочетъ родниться браками одно съ другимъ, а если и бываетъ такое родство, то какъ диковинка. Такъ рѣзко обособлена и даже своими обижена эта немалочисленная масса людей.

29. Жатва.

Рабочія жатвенныя руки цѣнятся здѣсь обычно: 40—35—30 коп., при чемъ первая плата дается, какъ здѣсь говорится, „на своемъ хлѣбѣ“; меньшая плата—на хозяйскомъ столѣ. Жатвы за извѣстный долевой снопъ здѣсь не знаютъ, а идутъ на работу съ серпами или за деньги, или за ранѣе опредѣленный „отработокъ“. Помѣщичьи хлѣба кладутся здѣсь только машинами-жатками, при которыхъ народъ требуется только для вязки сноповъ и складыванія. А поэтому такіе мѣстные жатвенные сборы идутъ съ помощью только мѣстной рабочей силы, и никакихъ

пришлыхъ работниковъ здѣсь никогда не бываетъ. Кстати еще указать, какъ идетъ жатва на помѣщичьихъ и на крестьянскихъ поляхъ. Крестьянинъ такъ вычиститъ жатвой свою полоску, что врядъ ли тысячная доля колосьевъ останется на пожнивьѣ; у помѣщиковъ, самостоятельно не наблюдающихъ за полевымъ трудомъ, на каждомъ пожнивьѣ остается для птицъ небесныхъ и для мышей—у иного, пожалуй, десятая доля недосмотра. Смотришь на убранную ниву, видишь эти небрежно счищенныя граблями или „грабачкой" полоски и не хочешь допустить старшииства культуры у культурныхъ людей. Винятъ тутъ рабочій народъ, но вина, безъ сомнѣнія, кроется въ самомъ владѣльцѣ.

Начало жатвы холмскимъ русскимъ простонародьемъ сопровождается домашней религіозной торжественностью. Первый день выхода съ серпами въ поле, первые взмахи серповъ начинаются „Божьимъ словомъ": молитвою обычною и молитвою, пріуроченною къ жатвѣ, составленною въ религіозно-поэтическихъ выраженіяхъ самимъ народомъ. Надо выходить на этотъ, по мнѣнію народа, священный трудъ молча съ миромъ въ душѣ и въ „ладу" со всѣми, начинающими такую-же работу, иначе „святый хлібець" не пойдетъ въ корысть. Потомъ, впродолженіе работы и особенно при ея окончаніи, на „дожинкахъ", можно веселиться, можно пѣть свои родныя жатвенныя пѣсни. Есть при жатвѣ у холмщанъ и тѣневыя стороны обычаевъ изъ области суевѣрія, напримѣръ, такъ называемыя „завязки" во ржи и пшеницѣ. Приходитъ хозяинъ съ семьей на свою полосу, смотритъ, а въ началѣ полосы пучочекъ ржи завязанъ узелкомъ: Это знакъ мести кого-либо за причиненную обиду. Хозяинъ вспоминаетъ и тайно идетъ къ обиженному просить прощенія; если же не вспомнитъ, то зоветъ „ворожка" (знахаря) для безпослѣдственнаго снятія „завязки". Нерѣдко въ такомъ случаѣ зовутъ даже священника для уничтоженія такого узла. Самому-же, такъ сказать, пренебрежительно ни за что нельзя сорвать завязку... Случается, впрочемъ, что „завязки" въ шутку устраиваются малыми пастухами, что обязательно раскрывается, и такой шалунъ получаетъ чувствительную взбучку.

Жатвенными пѣснями, какъ и вообще всякими, богато прибужное Подлясье. Тамъ, когда масса жнецовъ возвращается вечеромъ съ поля домой, раскатистое пѣсенное эхо наполняетъ музыкой всю деревенскую природу. Какъ бы ни былъ утомленъ дневною страдой сельскій труженикъ, онъ вполнѣ бодръ и веселъ въ ожиданіи „вечеры": такъ сильна

для нервнаго подъема своя родная пѣсня. Мелодій такихъ пѣсенъ нѣсколько, а словъ множество. Содержаніе говоритъ про трудъ, про его послѣдствія, про красу поля, про урожай и про былое, связанное съ недавнымъ подневольнымъ трудомъ. Вспоминаются историческія лица, разные скорбные факты, недоля... А пѣсня звучитъ все таки бодро и бодритъ труженика.

Здѣсь, на югѣ Холмщины слышу только одну жатвенную пѣсню съ однообразнымъ мотивомъ и словами. Подлясье этимъ запасомъ далеко богаче. Богаты должны быть повсемѣстно въ Холмщинѣ „дожинки или обжынки“. Всякій хозяинъ, у котораго хотя двое-трое наемныхъ жнецовъ, долженъ устроить самый сытый ужинъ съ выпивкой, палюхами, варениками, мяснымъ или при случаѣ вкуснымъ постнымъ съѣдобнымъ варевомъ и печивомъ. Богатые хозяева добавляютъ къ сему еще и музыку съ танцами. А у помѣщиковъ и батюшекъ окончаніе жатвы обращается прямо таки въ своеобразный праздникъ. Счастлива и завидна для прочихъ та жнея, которая со своей головы вручитъ хозяину разубранный цвѣтами вѣнокъ изъ колосьевъ: она (обязательно дѣвушка) въ тотъ вечеръ считается жатвенной невѣстой. Выбирается такая дѣвушка самими рабочими по соглашенію, и ей-же дается хозяиномъ цѣнный гостинецъ и хотя рубль отличительной награды. Но чтобы имѣть право нести хозяину вѣнокъ, надо всѣ дни такъ усердно жать, чтобы никто не смогъ опередить хотя бы на пару взмаховъ серпа. Идти впереди жнецовъ при жатвѣ—это называется „вести постать“. „Постатница“ напередъ должна знать, что не легко достанется ей заключительный вѣнокъ.

30. Лѣтніе соблазны въ деревнѣ.

Уже прошла пора ягодъ,—идутъ грибы. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ текущее лѣто дала природа вдоволь. Да дѣло то въ томъ, что эта лакомая подспорная благодать растетъ въ лѣсахъ, а лѣса у насъ преимущественно только фольварковые. Поэтому соблазнъ нашего крестьянства поживиться ягодой или грибомъ, то есть собрать изрядный запасецъ ихъ на зиму, долженъ идти двоякимъ путемъ: или за „квитъ“ (стоющій иногда до рубля), или просто—грѣховнымъ образомъ, тайкомъ, украдкой. При самомъ строгомъ исполненіи нашимъ крестьянствомъ вось-

мой заповѣди, соблазнъ въ его средѣ даромъ поживиться этой лѣсной „рослыною“ силенъ до неустранимой степени. А потому, какъ ни бдительны фольварковые лѣсники, какъ ни пугаютъ штрафы за поимку безбилетнаго грибо-и ягодо-собирателя, такіе назойливые экспропріаторы въ деревнѣ никакъ перевестись не могутъ. Уже теперь, положимъ, во многихъ помѣщичьихъ лѣсахъ рѣшено владѣльцами ихъ снисходительно относиться къ такому крестьянскому соблазну и дозволять собирать грибы и ягоды или совсѣмъ даромъ, или за опредѣленную часть сбора, или же, наконецъ, по добровольному соглашенію съ фольварковою челядью. Но есть еще всетаки не мало такихъ лѣсовладѣльцевъ, которые ревниво и строго оберегаютъ свои лѣса отъ такого назойливаго нашествія. Тамъ же и часты случаи рѣзкихъ столкновеній между фольваркомъ и деревней изъ-за грибовъ, изъ-за ягодъ. При сильномъ же обостреніи такихъ взаимоотношеній бываетъ нерѣдко и такъ, что никому и ни за что никакіе грибные и ягодные „квиты“ не выдаются, и лѣсная благодать больше пропадаетъ, чѣмъ идетъ кому бы то ни было въ пользу.

Въ текущей второй половинѣ лѣта выказался хорошій урожай грибовъ послѣ обильныхъ дождей. Фунтъ сушеныхъ грибовъ, какъ извѣстно, доходилъ до 1 руб. 50 коп. да и вовсе ихъ не было ни въ продажѣ по лавкамъ, ни въ запасѣ у крестьянъ. А потому теперь грибной сборъ, хотя и въ пору полевой страды, идетъ полнымъ ходомъ. Соблазнъ за „квитокъ“, за доброе слово, за счетъ смѣлости и т. п. тянетъ каждаго въ лѣсъ, и не только однихъ крестьянъ. Идутъ и ѣдутъ за грибами всѣ, и потому что это приманка, такъ сказать, поэтически-прибыльная: кому главнымъ образомъ лѣсное наслажденіе и между прочимъ грибы, кому наслажденіе только въ грибахъ. Послѣднее однако существеннѣе, когда полный кузовъ наложенъ чистыми боровиками. Отъ такой радости можетъ возникнуть даже чисто грибное поэтическое настроеніе.

Бѣда вотъ съ настроеніемъ крестьянской молодежи на счетъ опустошенія плодовыхъ садовъ. Тутъ ужъ соблазнъ высшаго качества и прямо таки безсовѣстное воровство. А покоится этотъ соблазнъ на чисто вкусовомъ ощущеніи: какъ не достать парню грушъ и яблокъ, которыя если не онъ, такъ другой обязательно будетъ стараться стянуть? Въ зрительномъ ощущеніи, по своеобразной казуистикѣ деревенской молодежи, виноватъ самъ хозяинъ сада: зачѣмъ его добро такъ видимо

заманчиво соблазняетъ? Пускай разведетъ садъ такъ, чтобы никакимъ образомъ не видно было этого соблазна... Всѣ, молъ, такъ живятся чужимъ добромъ, даже дѣды и дядьки не пропустятъ упавшей съ дерева чужой груши, а то еще и съ деревца добавятъ, коли никого не видно. Сужденіе, какъ видите, покоящееся на врожденномъ обычаѣ брать безъ спроса то, чѣмъ жестоко ближняго не обидишь. Но въ нашихъ деревняхъ обычное дѣло—самое жестокое опустошеніе чужого плодоваго сада. Ужъ если вполнѣ удобно можно взобраться на груши, яблони, вишни, сливы, когда хозяинъ ихъ почему-либо прекратитъ бдѣніе въ охранѣ, то не только исчезнутъ всѣ плоды за одно нашествіе, но и деревья жестоко пострадаютъ

Кромѣ большихъ фольварочныхъ садовъ, всегда почти сдаваемыхъ въ самую бдительную аренду евреямъ, сады еще имѣются у священниковъ, учителей и другихъ лицъ. Есть, конечно, они и у крестьянъ, но пока еще или состоящіе изъ двухъ—трехъ деревьевъ или изъ старосвѣтскихъ дичковъ. И вотъ досаднѣе всего, что ваши же, батюшка и г. учитель, воспитанники самымъ что ни на есть сокрушительнымъ образомъ опустошатъ вами недосмотренное добро. Не помогаютъ ни проповѣдь, ни школьныя бесѣды, ни частая даровщинка: такъ силенъ вкусовой этотъ соблазнъ, при вѣковой къ нему привычкѣ. Боже, избавь отъ примѣненія тутъ наказаній по суду: въ отместку и зимой садъ будетъ опустошаться. Крестьяне-собственники садовъ берегутъ свое добро самымъ тщательнымъ, а по ночамъ—и безсоннымъ образомъ и, зная по опыту, что иногда можетъ быть просто штурмовое ночное нашествіе, задабриваютъ охотниковъ сего соблазна открытыми подачками, за которыми эти охотники уже смѣло приходятъ, какъ за откупной данью. Такъ же поступаютъ и прочіе садовладѣльцы. Какъ видно, послѣдствія такого деревенскаго соблазна будутъ существовать у насъ до того времени, пока разумное садоводство не распространится среди каждаго двора, что возможно будетъ при усадебномъ просторѣ каждаго хозяина.

Еще одинъ едва ли не самый крупный соблазнъ, заключающійся въ набѣгахъ домашняго скота на запрещенныя мѣста пастьбы его, въ „потравѣ". Здѣсь опять приходится указать на единственную надежду уничтоженія этого соблазна, это—на колоніальную разверстку черезполосицы. Когда у каждаго хозяина, при правильномъ сѣвооборотѣ, при кормовомъ травосѣяніи, при отдѣльныхъ клинахъ пастбищъ, будетъ на

все свое опредѣленное мѣсто, тогда не будетъ и поползновенія кормить скотину на счетъ „потравы“. А пока всякіе посѣвы, всякіе жатвенные всходы, сѣнокосы, кормовыя травы, копны, снопы, все это всегда и неизбѣжно травится при перегонѣ скота по дорогамъ, по межамъ, по нонживью, съ одной общественной „толоки“ на другую. Невольныя потравы при частыхъ перегонахъ скотины, или при невнимательной пастьбѣ ея среди „шкоды“ еще не составляютъ слишкомъ предосудительнаго соблазна: покормилась, молъ, скотинка „шкодой“ нехотя, безъ злого умысла. А очень часто случается кормленіе скотинки „шкодой“ съ самымъ что ни на есть злымъ умысломъ. Напримѣръ, общественныя пастбища выжжены солнцемъ, поживье запахано, луга скошены, пасти скотину положительно негдѣ,—что дѣлать? Вѣдь надо же накормить ее, голодную. И вотъ въ такомъ случаѣ соблазны выполняются ночью. Кто не досмотритъ ночью же своего добра: клевера, вики, копенъ, овса, гороха, тому ночной соблазнъ дастъ за одну только ночь чувствительный убытокъ, до той степени, что только смотри и охай. При этихъ ночныхъ соблазнахъ очень часты случаи дракъ между нападающими и берегущими. Нерѣдко бываютъ тогда и курьезы: въ темнотѣ кумъ кума отлупитъ, братъ съ братомъ за чубы схватятся, и даже сынъ батька по ошибкѣ кулакомъ задѣнетъ, нападая или защищаясь. Вотъ они наши деревенскіе соблазны, вѣковѣчныя путы, задерживающіе темноту да и проголодь народа, не смотря на всѣ усилія идущаго сверху просвѣтительнаго братства. Соблазнами называю всѣ эти отрицательныя проявленія деревенской жизни потому, что устарѣвшія рамки ея матеріально-бытового уклада поневолѣ заставляютъ грѣшить: но согрѣшить такими соблазнами развѣ только оторвавшись отъ этого уклада. Да въ этой оторванности идутъ уже соблазны высшей марки. Наконецъ, два слова о послѣднемъ соблазнѣ, о рыбной ловлѣ. Пріятное и полезное это занятіе да на него не всегда есть свободное время, требующее хотя двухъ-трехъ часовъ, требующее также и умѣнія. Въ рыбныхъ мѣстахъ не всѣ рыбаки, а только нѣкоторые, одаренные къ тому талантомъ. И вотъ безталантные всегда норовятъ таскать чужіе таланты, т. е. опоражнивать сачки, верши, жаки, шнуры, какъ разъ передъ приходомъ ихъ хозяина труженика. Такихъ рыбаковъ-опорожнителей называютъ „трутнями“.

31. О гостепріимствѣ русскаго холмскаго простонародья.

Пользуясь подходящимъ случаемъ, посѣщеніемъ въ текущіе дни нашей Холмщины членами Государственной Думы и національнаго клуба, желанными гостями у русскаго холмскаго народа, — надо еще оттѣнить характерную черту въ исконномъ обычаѣ холмщанъ, черту хлѣбосольнаго, въ высшей степени симпатичнаго гостепріимства. Не въ укоръ будь сказано, а ради этнографической правды: и тутъ есть разница между Русью и Польшей, та разница, которая вѣками выработалась на обоюдной религіозно-обрядовой обособленности. Къ тому-же эта-то именно обособленность и дала значительно большій и разнообразнѣйшій запасъ разныхъ видовъ гостепріимства у русскаго крестьянства, чѣмъ у польскаго. У послѣдняго значительную долю указываемаго характернаго проявленія составляютъ всякіе виды „офяръ", „ялмужны", „подарунковъ" и тому подобной формы благотворительности или обрядовой формальности—тоже, конечно, симпатичные по своему полезному примѣненію. Но у русскихъ холмщанъ такъ же, какъ и у всѣхъ ихъ сородичей, исконное народное гостепріимство наиболѣе выразительно проявляетъ себя въ общемъ круговомъ равенствѣ,—за столомъ-ли при хлѣбѣ соли, въ дорогѣ-ли при разныхъ случаяхъ, или гдѣ бы то ни было, гдѣ проявляется круговое равенство.

Благотворительная частность гостепріимства хотя тоже присуща холмщанамъ, однако не въ томъ исходномъ направленіи, что вотъ, молъ, я, имѣющій запасъ добра, нравственно обязанъ удѣлить крупицу его стоящему у порога бѣдняку; или-же я, имущій, по наказу обряда религіи, долженъ отличить себя въ показномъ благолѣпіи храма, религіозной церемоніи или въ какой-либо „выставѣ". Нѣтъ, русскіе простолюдины холмщане нигдѣ и никогда при гостепріимствѣ, при благотворительности и при всякомъ добромъ круговомъ усердіи не дѣлятъ ни себя, ни кого бы то ни было другого на „пороги и почетные углы", ни на именныя „украшенія, церемоніи и выставы", ни на что вообще отличительно показное, исходящее отъ такихъ-то номеровъ усердія. Все, что исходитъ у нихъ отъ усердія, исходитъ равномѣрно, равноцвѣтно, тихо и просто. Да оно и естественно: сермяжная Русь недѣлима на ранги родовитости; она однообразно ровна, какъ степь, одно-

родно цѣльна, какъ масса одинаковаго зерна, спокойно самобытна, какъ... сложившаяся національная исторія, текущая тѣмъ же своимъ потокомъ въ даль будущности.

При всемъ томъ холмщане, какъ ихъ часто называютъ—русины, составляющіе частицу великой Руси, богаты, широки и славны своимъ простымъ гостепріимствомъ. Вотъ его подробный перечень по времени примѣненія: великіе и храмовые праздники, обще-приходскія поминовенія усопшихъ, обходъ съ крестными ходами хлѣбныхъ полей, освященіе домовъ, похороны, крестины, свадьбы и нѣкоторые обыденные случаи народной такъ называемой „гостыны". Гуляютъ темные люди—скажетъ иной пессимистъ-читатель. Нѣтъ, это не гульба народная: это часть, и не маловажная часть, нашей родной исторіи, въ буквальномъ смыслѣ вскормившей насъ, а затѣмъ давшей намъ часть нашей русской характеристики. Не бѣда еще, что эта народная „гостына" кое-кого у насъ перекормила, а плохо будетъ, если она станетъ постепенно исчезать, замѣняясь якобы цивилизованнымъ образомъ жизни, заботящимся о единоличномъ желудкѣ, при безразличномъ отношеніи къ голоду ближняго. Но что будетъ—Богъ вѣдаетъ, а пока мы не можемъ бросать нашему трудящемуся крестьянству никакого упрека за его широкое гостепріимство. Излишества, конечно, предосудительны въ немъ, но ихъ нелицепріятно судитъ народная совѣсть и изъ излишествъ новаго обычая не производитъ.

Вотъ какъ проводятъ „гостыну" наши холмщане при любомъ подходящемъ случаѣ. Нѣсколько столовъ обильно уставлены яствами и возможными напитками. Передъ началомъ общей ѣды всѣ стоятъ чинно передъ столами и тихо молятся. Затѣмъ, усѣвшись обычно безъ всякаго мѣстничества, опять уже за столами всѣ встаютъ и поютъ „Царю небесный". Перекрестившись и усѣвшись, начинаютъ „гостыну". Если послѣдняя „поминальная", то каждый взрослый гость, начиная питье и ѣду, долженъ сказать довольно порядочный старинный монологъ объ упокоеніи „небіжчыківъ", о здоровьи и благополучіи живущихъ и затѣмъ заключить его уже обращеніемъ къ сосѣду за столомъ: „здоровы булы!" Если „гостына" свадебная, то тоже предварительно—молитва, а потомъ уже цѣлый укладъ пѣсенъ, прибаутокъ, поклоновъ и прочихъ особенностей, что потребовало-бы слишкомъ долгаго описанія. Въ началѣ ѣда и питье въ „гостынѣ" идутъ почти молча, потомъ по-

степенно разростается говоръ и плыветъ уже потомъ во всю ширь русской откровенности и радушія. Тутъ-же и нищіе „діды и бабуні", тутъ и свои батюшка, дьякъ, учитель и прочіе „паны"—знакомцы.

Рѣчь льется непринужденно, о щепетильныхъ церемоніяхъ нѣтъ и помина, и чувствуется, глядя на этотъ сборъ народа, далекая сѣдая тризна-пирушка нашихъ предковъ, передавшихъ въ наслѣдіе эту обрядность простому народу, лучшему хранителю старины. Къ каждому составу „стравы" (жидкой пищи) есть нарочитыя поговорки, и въ заключеніе „гостины" опять—общая молитва и пѣніе, а затѣмъ братскіе поцѣлуи на прощанье.

Типично еще проявляется русское холмское гостепріимство въ разныхъ видахъ церковныхъ приношеній, болѣе-же всего—при заупокойныхъ богослуженіяхъ, нерѣдко впрочемъ и въ праздничные дни Рождества Христова и Пасхи. Въ одномъ селѣ несутъ миски съ четырьмя калачами и кускомъ солонины; въ другомъ—вареники съ сыромъ и масломъ; въ третьемъ—живыхъ куръ и пѣтуховъ; въ другихъ селахъ черный или даже гречневый хлѣбъ съ яйцами, булками, баранками и т. д. Это не излишество въ дареніи своему церковному причту, а памятка кормленія народомъ своихъ церковныхъ служителей, добровольное усердіе въ гостепріимствѣ и благодарность за духовныя заботы и руководство.

Не менѣе типично и самобытно также и будничное повседневное холмское народное гостепріимство. Всякій путникъ, всякій нищій, всякій случайно голодный въ дорогѣ „панъ" или „простакъ" въ русской холмской деревнѣ будетъ сытъ и доволенъ пріемомъ: если онъ попроситъ хлѣба, то никто не броситъ ему въ отвѣтъ отказа, хотя-бы онъ просилъ и малопонятнымъ языкомъ. Русское гостепріимство принимаетъ и понимаетъ просьбу всякой рѣчи.

32. Народная грамотность въ Холмщинѣ.

1. Начальныя училища.

Школьное состояніе грамотности въ Холмщинѣ выражается весьма солидною цифрою начальныхъ училищъ общаго типа, приблизительно—500, если не больше, такъ называемыхъ, русскихъ училищъ. Не зная

сейчасъ точной цифры такихъ училищъ, достаточно всетаки указать, что каждая болѣе или менѣе населенная холмская русская деревня имѣетъ свою школу. Нѣтъ школъ развѣ лишь въ такихъ поселкахъ, гдѣ число домовъ меньше 25—20 и гдѣ наличное число дѣтей школьнаго возраста почему-либо незначительно, но такихъ малыхъ поселковъ въ Холмщинѣ очень немного. Министерскія училища, имѣющія за собой уже почти пятидесятилѣтнюю давность, находятся преимущественно въ селахъ и болѣе крупныхъ деревняхъ. Впрочемъ, эти училища, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ по двумъ губерніямъ, возникшія въ 1886—1888 годахъ, такъ называемыя казенныя, новоштатныя, размѣстились и по меньшимъ деревнямъ. Церковно-приходскія школы, начавшія возникать съ 1888 г. и нѣсколькихъ послѣдующихъ годовъ и имѣющія уже свыше двадцатилѣтнюю давность, въ очень рѣдкихъ случаяхъ помѣщаются по селамъ, при церквахъ; они наиболѣе часты по деревнямъ меньшаго размѣра, есть даже и въ очень малыхъ деревушкахъ. Въ результатѣ оказывается, что для составленія нормальной сѣти народныхъ училищъ, ради введенія всеобщаго обязательнаго обученія, Холмщина имѣетъ уже на лицо почти полный, хотя и не надлежащій комплектъ училищъ чистой грамотности. Не говорю—совсѣмъ, а почти полный комплектъ, потому что каждый посадъ въ Холмщинѣ, а тѣмъ болѣе городъ, еще нуждается въ открытіи новаго ряда начальныхъ училищъ какъ для христіанскаго, такъ и для еврейскаго населенія. Села и деревни русской Холмщины уже, кажется, совершенно не нуждаются въ открытіи новыхъ одноклассныхъ училищъ. Другое дѣло народныя училища двухклассныя и училища прикладныхъ знаній: такими школами Холмщина еще очень не богата. О необходимости такихъ школъ мною уже указывалось раньше, и, вѣрится, что они въ скоромъ времени будутъ открыты.

Теперь нѣсколько словъ о продолжительности школьнаго ученія и о составѣ числа учащихся и оканчивающихъ въ начальныхъ училищахъ. Ученіе по сельскимъ школамъ обычно начинается съ первыхъ чиселъ октября и длится до начала или середины апрѣля, но это будетъ, такъ сказать, полный подсчетъ учебнаго времени безъ полнаго равенства въ числѣ учащихся среди учебнаго времени и по двумъ краямъ его. Эти края, то есть, начало ученія и конецъ его, всегда по каждой сельской школѣ имѣютъ значительно меньше учениковъ, чѣмъ середина учебнаго времени. Если же случится теплый октябрь и такой же мартъ, то сель-

ская школа еще или уже рѣдѣетъ числомъ учащихся. Въ итогѣ оказывается, что учебный годъ сельской школы равняется только половинѣ нормальнаго учебнаго года. Къ тому же неаккуратность въ посѣщенiи дѣтьми сельской школы, происходящая отъ домашнихъ хозяйственныхъ причинъ, еще болѣе уменьшаетъ продолжительность сельскаго учебнаго года. 150 учебныхъ дней въ году для сельской школы — это самое большое число, а между тѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, сельская школа имѣетъ только 120—110 учебныхъ годовыхъ дней. Въ худшемъ случаѣ, подсчетъ посѣщенiя сельской школы каждымъ учащимся покажетъ ариѳметическое среднее—90, а то и 75 учебныхъ дней. Наиболѣе неаккуратны въ посѣщенiи сельской школы, конечно, меньшiя дѣти, а потому всякiй годъ каждая сельская школа имѣетъ на лицо гораздо больше дѣтей въ младшихъ группахъ, чѣмъ въ старшихъ. Учащему поневолѣ приходится задерживать неаккуратныхъ малышей въ младшихъ группахъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ годны къ повышенiю. Повышенiе же это до степени 3, послѣдняго отдѣленiя очень часто длится 5 учебныхъ зимъ, а то и 7. Но такъ долго ходить въ школу крестьянскимъ дѣтямъ не приходится: въ 12—14 лѣтъ мальчикъ или дѣвочка уже нужны дома для хозяйства. Въ концѣ концовъ безусловно каждая сельская школа выпускаетъ дѣйствительно окончившихъ ее только около десятка душъ или не болѣе 5. Остальные учащiеся, значитъ, выбываютъ по возрасту изъ школы до окончанiя ее. А такихъ въ каждой сельской школѣ большинство, и это составляетъ самый крупный изъянъ въ постановкѣ дѣла начальнаго народнаго образованiя, настойчиво требующiй принудительнаго обязательнаго обученiя съ ежедневно полнымъ комплектомъ учащихся отъ сентября до половины или хотя до начала апрѣля.

Наличность учащихся во всѣхъ начальныхъ школахъ Холмщины выразится, напримѣръ, въ истекающемъ учебномъ году, можетъ быть, даже цифрою недалекою отъ пятидесяти тысячъ, такъ какъ каждая школа теперь переполнена учащимися. (Не мало школъ есть на лицо съ 100 и болѣе учениками, а 70—80—это обычное число). Но что же изъ этого? Въ двухъ младшихъ группахъ каждая школа имѣетъ подавляющее большинство, а въ одной или двухъ старшихъ группахъ 10 — 15 дѣтей, нерѣдко только 5, какъ это, впрочемъ, уже было мною указано. Наступитъ слѣдующiй учебный годъ, опять прибудетъ волна новичковъ, добрая четверть выйдетъ изъ школы на полпути, а окончитъ школу

очень и очень маленькій процентъ. И если такимъ же чередомъ начальное образованіе будетъ идти и дальше, безъ обязательности его, то рецидивъ безграмотности долго еще будетъ одолѣвать труды, кропотливые, тяжелые труды начальной сельской школы. Каждаго добросовѣстнаго сельскаго педагога мучитъ вотъ такая мысль. Я трудился даже до потери здоровья со своими малышами, прилагалъ, насколько могъ, свою заботливость къ тому, чтобы дѣти аккуратны были въ посѣщеніи школы, и трудъ мой оцѣненъ благодарностью учебнаго ревизующаго начальства, мало того: даже самъ народъ справедливо цѣнитъ и любитъ меня за мой просвѣтительный трудъ, да что за польза этому народу, если я могу выпустить каждый годъ только 5 окончившихъ школу?

Но эти пятеро окончившихъ народную школу еще всетаки замѣтная прибыль грамотности, но на долго ли?—думаетъ и высказываетъ вслухъ все тотъ же добросовѣстный начальный учитель. Да на годъ, два, три, а тамъ дальше эта народная прибыль грамотности опять таетъ подъ дѣйствіемъ народной же темноты, все еще выставляющей на показъ свой девизъ: „наука мнѣ хлѣба не дастъ“. Упрямое заблужденіе, конечно, такъ какъ именно наука можетъ больше дать хлѣба. Но нашъ холмщанинъ, какъ вѣроятно, и другой—третій русскій крестьянинъ, за приверженностью къ земельному труду, не можетъ пока удѣлить больше времени и заботы на дальнѣйшее укрѣпленіе своей грамотности. Вотъ сейчасъ лѣтняя пора начинаетъ входить въ свои права, и — прощай всякая книга, газета, бесѣда въ школѣ до начала новаго учебнаго года! Если и берутся книги, газеты въ руки въ лѣтнее время, то только коегдѣ и только отдѣльными единицами; масса грамотеевъ на лѣтнее время обыкновенно прощается съ грамотностью. Повторяю на эту тему то, что уже раньше указывалъ: надо организовать внѣклассныя лѣтнія занятія съ народомъ по праздничнымъ днямъ. При надежной организаціи праздничныя сельскія занятія для укрѣпленія грамотности найдутъ свое постоянное русло.

Конечно, болѣе серьезнымъ двигателемъ народной грамотности могутъ быть только дни и вечера учебнаго времени, обязательное обученіе, двухклассныя частыя школы и школы образовательно практическія, но и праздничнымъ лѣтнимъ курсамъ тоже надлежало бы помочь въ дѣлѣ укрѣпленія шаткой еще народной грамотности. Забота о народномъ просвѣщеніи должна теперь какъ можно шире раздвинуть свои

рамки, до принудительнаго обученія включительно, на благо тому же простому народу. Въ слѣдующей замѣткѣ укажу на положительные фактическіе результаты грамотности въ Холмщинѣ, ушедшей впередъ единичными проявленіями.

33. О внѣклассныхъ чтеніяхъ въ народныхъ училищахъ.

При современномъ подъемѣ правительственной, общественной и народной энергіи въ дѣлѣ постепеннаго нашего культурнаго развитія, вопросъ о народномъ образованіи пріобрѣтаетъ яркую, отчетливо сознаваемую всѣми, выпуклость. Этому вопросу по достоинству его отводится въ общемъ сознаніи одно изъ первыхъ мѣстъ въ области наступающихъ реформъ. Недалеко ужъ, надо вѣрить, время всеобщаго обязательнаго народнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовятся и ожидаются проекты и планы его реальнаго осуществленія. Вотъ объ одной изъ этихъ мѣръ къ возможному усиленію народнаго развитія я, какъ долго работающій на нивѣ народнаго просвѣщенія народный учитель, и хочу выразить нѣсколько своихъ мыслей и практическихъ наблюденій. Для начала беру тему, указанную въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Сознаю, что мои настоящія слова могутъ составить собой только лишь маковое зернышко пользы, но собирательный голосъ насъ, народныхъ тружениковъ, въ области своего труда могъ бы дать и болѣе крупную величину пользы. Можетъ быть, насъ и спросятъ по сему дѣлу въ свое время, тогда и обнаружится коллективная сила практическихъ мнѣній, совѣтовъ и указаній.

Итакъ, о внѣклассныхъ народныхъ занятіяхъ въ сельской школѣ. По существующимъ указаніямъ учебнаго начальства въ каждомъ народномъ училищѣ должны вестись чтеніе и собесѣдованія съ народомъ, повторительные учебные курсы, общее пѣніе и т. п. по праздничнымъ днямъ. Но такое дополнительно-просвѣтительное дѣло народныхъ учителей, надо отмѣтить, во-первыхъ, не обязательно для нихъ; во-вторыхъ, оно ясно не регламентировано, а предоставлено иниціативѣ и доброму усердію и выбору самихъ учителей: одинъ налегаетъ больше на пѣніе, другой на чтеніе беллетристики, третій—только на полноту записей содержанія такихъ занятій; въ третьихъ, оно безплатное, что, по моему, составляетъ едва ли не основную причину незначительной продуктивности такихъ занятій, а часто и фиктивности ихъ.

Предвидя возраженія по существу, я всетаки прежде всего скажу, что внѣклассныя народныя занятія должны непремѣнно быть обязательными для народныхъ просвѣтителей, конечно, при точной ихъ нормировкѣ и при соотвѣтственной платѣ за трудъ. И вотъ почему должны быть обязательными. Народу нужна поголовная грамотность,—это вѣдь безспорная аксіома. А что дала намъ 40-лѣтняя работа школы въ народѣ? Два—три грамотныхъ или образованныхъ выходца изъ каждаго села, считая въ среднемъ выводѣ, и десятокъ—другой якобы сельскихъ грамотеевъ. Это, повторяю, въ общемъ выводѣ на каждую деревню средняго размѣра, или небольшой процентъ среди массы неграмотныхъ. Но и эти наличные сельскіе грамотеи еще очень далеки до права на полноту круга своей грамотности. Такъ что въ итогѣ мы имѣемъ на лицо громадную народную неграмотную массу,—фактъ, конечно, печальный и какъ будто отрицательнаго достоинства по адресу народной школы. А между тѣмъ этотъ фактъ, какъ это всѣмъ въ деревнѣ извѣстно, объясняется очень просто. Народная школа каждый учебный годъ работаетъ продуктивно: она и учитъ грамотѣ, и развиваетъ мысли, и улучшаетъ дѣтскіе нравы и, по классной оцѣнкѣ лицъ ревизующихъ ее, достигаетъ хорошихъ, даже часто и отличныхъ школьныхъ успѣховъ. Но въ томъ то и дѣло, что только—школьныхъ, ибо компактная сельская темная среда эти школьные результаты и труды быстрѣе сводитъ на нѣтъ, чѣмъ школа выводитъ среду на свѣтъ. Не зачѣмъ тутъ даже и распространяться въ доказательствахъ, изъ которыхъ вотъ вамъ только одно: какъ можетъ надлежащимъ образомъ рости народное образованіе, если за 5—10 лѣтъ бывшіе ученики сельской школы уже только оказываются еле-еле разбирающими печатное слово? Сельско-хозяйственный трудъ по выходѣ изъ школы почти окончательно вывѣтриваетъ вложенное сѣмя маленькаго развитія: нѣтъ для поддержки его ни надлежащихъ условій, ни охоты, ни просто умѣнія и настойчивости, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Еще и до сихъ поръ сильна въ простомъ народѣ упрямая поговорка, что, молъ, наука намъ хлѣба не дастъ... Имъ некогда читать, писать и т. п., когда кипитъ трудовая физическая работа.

А между тѣмъ будь эти, такъ называемыя, внѣклассныя народныя занятія надлежащимъ образомъ нормированы, то и развитіе народной грамотности, безъ сомнѣнія, пошло бы ускореннымъ темпомъ, и ложный

народный взглядъ на науку измѣлился бы къ лучшему. По моему мнѣнію, установившемуся на основаніи долголѣтней школьной практики, прежде всего народнымъ учителямъ нужно удѣлить часть своей энергіи на повтореніе учебнаго курса школы съ молодежью, т. е. бывшими учениками школы, одинъ разъ, а то и два раза въ недѣлю въ теченіе всего года; когда можно, то по праздничнымъ днямъ, не то—по вечерамъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы такихъ занятій было въ году побольше, и чтобы за каждое занятіе учитель имѣлъ опредѣленную плату, помимо, конечно, жалованья. Не читать только или пѣть нужно па этихъ занятіяхъ, а просто проходитъ и повторятъ чисто школьную программу. Тутъ на помощь должна быть у учителя и библіотека для раздачи книгъ на домъ, и всѣ учебныя пособія, и письменные матеріалы, и группировка отдѣленій. Словомъ, та школа, которая въ городахъ именуется воскресно-ремесленными училищами. Если городъ можетъ имѣть такіе классы, то отчего же не ввести ихъ въ деревнѣ? Затѣмъ, какъ извѣстно, сельскіе народные учителя имѣютъ въ году 5 и даже 6 мѣсяцевъ каникулъ; въ апрѣлѣ школа обычно расплывается, въ октябрѣ же едва только начинаетъ собираться. Вотъ, въ дополненіе къ тому разъясненію учебнаго начальства, что школьное ученіе должно продолжаться хотя бы и при двухъ учащихся къ 1 мая и даже іюня, и нужно усилить занятія со взрозлыми, именно, побольше тогда, когда школьнаго дѣтскаго труда меньше, или вовсе нѣтъ его. Каждый вечеръ, конечно, никакой педагогъ не будетъ въ силахъ заниматься, но разъ или два въ недѣлю всякій сможетъ и захочетъ. И курсы будутъ полны людьми, будьте въ этомъ вполнѣ увѣрены. Конечно, ученіе какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ должно подлежать контролю учебно-административныхъ лицъ.

Заканчивая на сей разъ свои посильные доводы по этой темѣ, добавлю еще, что указаннымъ способомъ можно постепенно рѣшить двѣ существенныя, поставленныя самой жизнью задачи: улучшить матеріальное положеніе народныхъ учителей и надежнѣе двинуть въ ходъ народную грамотность. Средства на это могутъ и должны найтись: ихъ потребуетъ само время.

34. О двухклассныхъ начальныхъ училищахъ.

Двухклассныхъ начальныхъ училищъ какъ въ каждой дирекціи мѣстнаго учебнаго округа, такъ и вообще въ Россіи, очень немного. А между тѣмъ, будь ихъ значительно больше со времени открытія всѣхъ правильно организованныхъ народныхъ школъ, дѣло народнаго образованія пошло бы болѣе увѣреннымъ темпомъ. Сужу такъ на основаніи наглядныхъ примѣровъ. Гдѣ только есть двухклассное училище, тамъ степень грамотности въ народѣ значительно выше. И это вполнѣ понятно. Имѣя довольно порядочную образовательную программу, уча своихъ питомцевъ, помимо нѣсколькихъ лѣтъ въ одноклассномъ училищѣ, еще нѣсколько лѣтъ дополнительныхъ, выпуская кандидатовъ для поступленія въ учительскія семинаріи и просто зрѣлыхъ юношей, а не двѣнадцатилѣтнихъ малышей,—двухклассное начальное училище вполнѣ оправдываетъ свое назначеніе. По окончаніи его крестьянскій или мѣщанскій парень уже не выражаетъ желанія забыть воспринятую науку, а, оставаясь въ своемъ кругу занятій, если не удалось продолжить образованія или уйти въ интеллигенты, любитъ и уважаетъ эту науку и старается дополнить ее возможнымъ самообразованіемъ. Да и ежегодная продолжительность ученія въ двухклассныхъ училищахъ гораздо полнѣе и аккуратнѣе, чѣмъ въ сельскихъ одноклассныхъ, такъ какъ туда поступаютъ такія дѣти, родители которыхъ не отнимаютъ у нихъ учебнаго времени для занятій по хозяйству, зная, что такая высшая, по ихъ мнѣнію, школа даетъ ихъ дѣтямъ и добрую науку, и выходъ къ обезпеченію куска хлѣба. Жаль вотъ только, повторяю, что двухклассныхъ училищъ очень мало, а еще болѣе жаль, что въ каждомъ такомъ училищѣ число учениковъ очень незначительно—десятокъ, полтора, а три десятка—это уже рѣдкость.

Обыкновенно двухклассныя училища находятся въ городахъ и посадахъ, въ селахъ ихъ почти нѣтъ. Однако, правду сказать, далеко не во всѣхъ городахъ и посадахъ имѣются такія училища. Въ Сѣдлецкой губерніи ихъ, напримѣръ, пять или шесть, въ Люблинской, вѣроятно, больше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ здѣшняго края, — около 20, но вѣдь это тоже мало.

Есть однако, слава Богу, надежда, что такое дополненіе народнаго образованія вскорѣ осуществится. По достовѣрнымъ слухамъ, двухклас-

сныя народныя училища будутъ открыты въ каждомъ городѣ, посадѣ и крупномъ селѣ. Такимъ образомъ, эти училища покроютъ довольно густою сѣтью нашъ густо населенный край, гдѣ крупныхъ поселеній, кажется, больше, чѣмъ мелкихъ. Это уже будетъ значительнымъ, вѣскимъ и, безъ сомнѣнія, плодотворнымъ дополненіемъ въ дѣлѣ расширенія народной грамотности. Быть можетъ, готовы уже надлежаще разработанныя программы этихъ дополнительныхъ училищъ. Вѣрится, что программы эти будутъ расширены. А расширить эти программы надо не только на счетъ простой грамотности, но обязательно и на счетъ прикладныхъ знаній и „умѣній". Короче говоря, каждое двухклассное училище, помимо обыкновенныхъ учителей, должно имѣть еще и мастеровъ—спеціалистовъ, знатоковъ тѣхъ прикладныхъ умѣній, какія являются настоятельно необходимыми для данной мѣстности. Требовать же отъ наличныхъ учителей грамоты веденія такого дополнительнаго образованія—безполезно. Не зная прикладной науки, и лаптя не сплетешь. То же можно сказать и относительно чтеній въ школѣ по курсу сельскаго хозяйства. Такія чтенія и теперь бываютъ, но проку отъ нихъ, безъ практической наглядности, абсолютно никакого. Тутъ опять нужны учителя-практики. Главнымъ же образомъ мѣстныя народныя училища, а тѣмъ болѣе—двухклассныя, нуждаются въ живомъ и наглядномъ веденіи курса разныхъ ремеслъ, что, при порядочной грамотности, будетъ наилучшимъ обезпеченіемъ куска хлѣба насущнаго для крестьянской молодежи, по выходѣ ея изъ такой хорошей школы.

35. Объ обезпеченіи народныхъ училищъ землей.

Существуетъ указъ о томъ, чтобы каждое народное училище обязательно было надѣлено извѣстнымъ нормальнымъ участкомъ земли въ нѣсколько десятинъ. И надо надѣяться и вѣрить, что съ недалекимъ теченіемъ времени этотъ благодѣтельный указъ осуществится повсемѣстно, что будетъ прочнымъ началомъ дѣйствительно полезнаго служенія народной школы простому люду, а вмѣстѣ съ тѣмъ школьное земельное обезпеченіе гораздо лучше денежныхъ добавокъ упрочитъ всю смѣту министерства народнаго просвѣщенія по отдѣлу его низшихъ училищъ. Добавки эти, какъ заплаты, лишь временно, такъ сказать, цѣнны и по-

7

томъ опять окажутся необходимыми для повторенія; земля же и сама по себѣ можетъ быть источникомъ вѣрныхъ матеріальныхъ воспособленій, лишь бы трудъ на ней былъ продуктивенъ.

Наши сельскія народныя училища, какъ это общеизвѣстно, въ значительномъ своемъ большинствѣ безземельны, или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ малоземельны: огородъ въ одну десятину—что еще очень хорошо—и только, а очень много и такихъ училищъ, гдѣ лишь нѣсколько квадратныхъ саженей при домѣ или одинъ школьный дворъ. Училищъ, въ достаточной мѣрѣ надѣленныхъ землей, слишкомъ ничтожный процентъ и, какъ какое-то диво, можно насчитать десятокъ школъ въ иной губерніи, гдѣ при таковыхъ имѣются солидные надѣлы въ 10, 15 и болѣе десятинъ. Словомъ, насколько въ текущее время уже приведены въ норму штаты начальныхъ училищъ по денежнымъ суммамъ, *настолько* земельные ихъ надѣлы слишкомъ бѣдны и неравномѣрны. Не вдаваясь пока въ разъясненіе причинъ,—почему одна школа изъ двадцати коекакъ обезпечена землей, почему десятки ихъ ютятся только сжатыя какъ въ тискахъ, и почему иныя школы даже слишкомъ многоземельны, скажу только, что, помимо матеріальнаго подспорья для народныхъ учителей, школьная земля стала бы со временемъ и показной школой земледѣлія. Для этого, конечно, потребовалась бы выработка болѣе широкаго типа дѣятельности народнаго учителя, но это пришло бы само собой, по указаніямъ житейскихъ практическихъ потребностей.

Итакъ, исполнимъ ли намѣченный здѣсь проектъ, или нѣтъ—это вопросъ компетентнаго рѣшенія, но земля народной сельской школѣ настоятельно нужна; нужда въ ней не велика по размѣрамъ: 5 морговъ на школу, ну—хотя 3, и за то великое спасибо скажетъ народный учитель.

36. Жизнь народнаго учителя съ землей и безъ земли.

Тема слишкомъ хорошо извѣстная, какъ по личному многолѣтнему опыту, такъ и по многимъ примѣрамъ товарищей. Беру эту тему, какъ продолженіе предыдущей моей статьи по тому же вопросу. Безъ разсужденій начну съ фактовъ: они наилучшій показатель школьной земельной нужды. Вотъ, напр., теперешняя моя сельская школа владѣетъ

пятью съ лишнимъ моргами земли: два огорода, каждый по одному моргу, кусокъ сѣнокоса тоже въ одинъ моргъ и два морга сто прентовъ лѣса. При чудной, урожайной землѣ и 36 рубляхъ въ мѣсяцъ—школа эта прямо таки завидная, хотя, конечно, есть школы и еще лучше обезпеченныя, какихъ, разумѣется, очень мало. Сѣнокосный прирѣчный клинъ съ двухъ покосовъ даетъ пять добрыхъ возовъ сѣна,—это уже вѣрное обезпеченіе кормомъ на двѣ коровы въ годъ. Одинъ огородъ даетъ 40—50 мѣшковъ картофеля и достаточный сборъ разныхъ корнеплодовъ, капусты и прочаго добра. Другой огородъ приноситъ 4—5 корцевъ ячменя, корецъ проса, столько же гречихи, нѣсколько мѣрокъ гороха. Вмѣсто яровыхъ сборовъ можно получить соотвѣтственный сборъ озими. Словомъ, при наличности даже не маленькой семьи, жизнь въ хлѣбѣ насущномъ обезпечена до той степени, что прикупать приходится немного, развѣ только въ пору такъ называемаго „предновья", т. е. передъ сборомъ посѣвовъ. Участокъ лѣса даетъ топливо, что составляетъ изрядный плюсъ въ сбереженіи копѣйки. Считая же 39 рублей расхода на сѣмена, обработку и сборъ и сопоставляя съ этой суммой стоимость всего сбора, прихожу къ выводу, что израсходованный рубль приноситъ два чистой прибыли. Обыкновенно же личный трудъ при обработкѣ и сборѣ, да запасныя сѣмена уменьшаютъ расходный итогъ на нѣсколько рублей. Итакъ, жизнь хотя и не красна, но сыта въ соотвѣтственномъ объемѣ, такъ какъ устранена печальная необходимость многихъ изъ насъ покупать эти фунты, кварты, мѣрки и т. п. Разведенный трудолюбивымъ предшественникомъ школьный садикъ, тщательно оберегаемый, даетъ дѣтишкамъ лѣтнія лакомства и возможный запасъ таковыхъ на зиму. На минусы изъ жалованья остается такимъ образомъ одежда, обувь, чай, сахаръ и прочія „потребы", въ каковыхъ, сжавшись, конечно, немножко, большихъ прорѣхъ не выходитъ, если вести аккуратно отчетность. Главное же надо еще припомнить, что при указанномъ размѣрѣ школьной земли можно прикормить за годъ пару „кормуховъ", —одинъ себѣ, а другого и продать можно. Можно, конечно, держать и изрядное количество домашней птицы. Итакъ, еще разъ повторяю, что хотя жизнь не красна, но несравненно она краше, чѣмъ даже на ста рубляхъ въ городѣ при такой же семьѣ. Если бы еще для этой семьи сельскаго учителя, кромѣ земельной добавки, добавились современемъ и удобныя образовательныя условія, т. е., если бы не нужно было, ради

дѣтей, уходить въ городъ, а тутъ же и побольше образовывать ихъ, то и совсѣмъ хорошо было бы. Но это ужъ вопросъ другого рода.

Перейду къ параллельному факту безземельной сельской школы. Такихъ школъ, къ сожалѣнію, очень много. Тутъ предварительно хочется немножко поразсуждать. Не правда ли, вѣдь это явная несуразность: сельская школа, просвѣтительница людей земли, и вдругъ оторвана отъ этой земли, оторвана до такого состоянія, что хозяинъ ея является по необходимости въ роли какого то городского пролетарія. Но и это всетаки особый вопросъ, а вотъ какъ живетъ народный учитель безъ земли. Живетъ онъ въ такомъ случаѣ двоякимъ образомъ: или арендуетъ, гдѣ можно, кусокъ посѣва,—что не часто замѣчается,—или живетъ исключительно только на счетъ жалованья на фунтахъ, на мѣркахъ. Тотъ небольшой школьный огородъ, если еще онъ имѣется, не можетъ же считаться земельнымъ обезпеченіемъ. И вотъ учитель-арендаторъ (не крупнѣе двухъ морговъ) еще кое-какъ обезпечиваетъ себя продуктами земли, смотря по условіямъ, то лучше, то хуже, по крайней мѣрѣ, хотя картофеля не покупаетъ. А совершенно беземельный или пользователь нѣсколькихъ квадратныхъ саженей—это вѣдь воплощенное, на диво въ деревнѣ, городское двадцатое число: ни коровки, ни домашней птицы, никакой другой домашней твари, кромѣ развѣ собаки и кота. Оговариваюсь: такая безхозяйственность бываетъ только у холостыхъ; женатый или семейный учитель, хотя бы и безъ школьной земли, всетаки богаче живымъ скарбомъ. Но на этотъ скарбъ, напр., на одну только коровку уйдетъ у него рублей 30 за сѣно, солому и другой кормъ. А сколько, прошу сосчитать, выйдетъ на приварокъ? Но считать и перечислять тутъ расходы на приварокъ не зачѣмъ: все жалованье уходитъ на покормленіе семьи, хотя бы это жалованье было и не меньше 50 руб. въ мѣсяцъ: фунты и мѣрки все съѣдятъ. А такъ какъ всего жалованья нельзя же съѣдать, потому что, кромѣ ѣды, есть еще и другія нужды, то, по необходимости, размѣръ и достоинства ѣды уменьшаются.

Больной это вопросъ, въ самомъ дѣлѣ... Надо поэтому всѣми возможными мѣрами какъ самимъ народнымъ учителямъ, такъ и ихъ начальству своевременно добиваться надѣленія школъ землею. Это, во-первыхъ, утолитъ буквальный учительскій голодъ; во-вторыхъ, больше прикрѣпитъ учителя къ землѣ и земельнымъ людямъ; въ-третьихъ, рас-

ширитъ рамки народнаго образованія, а въ дальнѣйшемъ,—это будетъ однимъ изъ вѣскихъ воспособленій въ подъемѣ всей нашей культуры. Во многихъ мѣстахъ окажется возможнымъ получать землю для школы прямо отъ казны, или же путемъ замѣны на казенную на мѣстахъ расположенія училищъ. Для всѣхъ однако школъ казеннаго земельнаго выдѣла не хватитъ, а потому поневолѣ придется обратиться къ разнымъ источникамъ.

На возможное отъ кого-либо замѣчаніе, что земельные надѣлы отвлекутъ силы и вниманіе учителей отъ ихъ прямой школьной обязанности въ сторону земельнаго труда, можно только чистосердечно сказать, что и простая грамотность въ народѣ въ такомъ случаѣ пойдетъ болѣе ускореннымъ и увѣреннымъ темпомъ: сытый лучше голоднаго работаетъ во всѣхъ видахъ труда.

А земли школѣ нужно немного, ровно столько, чтобы жить учителю на своемъ хлѣбѣ, а не на фунтахъ и мѣркахъ, которымъ по неволѣ, мѣсто въ городѣ, но отнюдь не въ деревнѣ.

37. Типы крестьянскихъ грамотеевъ.

До открытія правильно организованныхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Холмщинѣ народная грамотность въ ней выражалась тольно рѣдкими исключительными изъ общей массы единицами, попадавшимися далеко не въ каждой деревнѣ. Единственными добровольными учителями грамоты были тогда настоятели русскихъ приходовъ, а чаще даже—только псаломщики или „дьяки“. Въ шестидесятыхъ годахъ,—тогда русское правительство подготовляло планъ народнаго образованія,—эти первые насадители грамотности, т. е. „дьяки“, были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даже, можно сказать, штатными учителями нѣкоторыхъ, правда, рѣдкихъ еще народныхъ школъ, совмѣщая въ одномъ лицѣ двѣ службы. Но такой характеръ образованія длился недолго, до первыхъ выпусковъ настоящихъ народныхъ учителей изъ двухъ семинарій—Бѣльской и Холмской, которымъ недалеко уже до сорокалѣтія существованія. Какъ однако ни слабы были эти первые начатки народной грамотности, исходившіе только отъ добровольнаго усердія дьяковъ-учителей, однако они дали Холмщинѣ зародышъ перваго основного ти-

на крестьянскихъ грамотеевъ, такъ называемыхъ—любителей и даже своеобразныхъ знатоковъ священнаго писанія, исторіи церкви, всякаго церковно-славянскаго чтенія, устава и пѣнія. Крестьяне-грамотеи этого типа въ настоящее время составляютъ, такъ сказать, урожайное зерно, дающее постоянную опредѣленную прибыль, прибыль не великую числомъ, но сильную духомъ и саморазвитіемъ. Вотъ постепенная градація выработки этого типа. Нынѣ живущіе еще дѣды, послѣ учебы у дьяка въ молодые годы, при участіи въ церковномъ чтеніи и пѣніи, стали въ зрѣломъ возрастѣ устойчивыми грамотеями, привычными любителями слова Божія и даже обладателями доступной библіотеки соотвѣтственныхъ книгъ. Дѣти ихъ, нынѣ зрѣлые и даже пожилые грамотеи, пошли дальше въ томъ же направленіи: надлежащая школа дала имъ больше развитія, а преемство отъ грамотныхъ отцовъ укрѣпило еще болѣе ту же любовь къ божественному чтенію. И вотъ теперь Холмщина имѣетъ въ наличности, коли хотите, даже своихъ какъ-бы начетчиковъ по Божественному писанію. Немного ихъ, это правда, но число ихъ не гаснетъ, и урожайность зерна не глохнетъ. Я могу назвать добрый десятокъ холмскихъ деревень и далеко больше десятка лично мнѣ знакомыхъ грамотеевъ этого типа, куда, какъ говорится, не подходи къ религіозному собесѣдованію съ пустыми руками, т. е. вѣрнѣе безъ запаса богословской освѣдомленности. Повѣрьте, что уже есть кропотливые вдумчивые читатели Библіи, есть знатоки множества евангельскихъ текстовъ, есть даже знатоки польскаго печатнаго слова, отражающіе тѣмъ же словомъ назойливые нападки. Вотъ именно эта-то наличность холмскихъ грамотеевъ можетъ быть опорой вашей религіозно-нравственной жизни въ Холмщинѣ. Опора эта будетъ крѣпнуть исключительно только на почвѣ личной самостоятельной вдумчивости въ избранномъ предметѣ самоусовершенствованія. Она, въ лицѣ своихъ выразителей, подобна евангельскому купцу, ищущему добрыхъ бисеровъ.

Кстати теперь о польскомъ печатномъ словѣ. До тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ это слово почти вовсе не имѣло примѣненія въ простомъ русскомъ народѣ Холмщины. По воззрѣніямъ сельского панства того времени, грамота для какого бы то ни было простолюдина считалась недопустимой роскошью. Но за нѣсколько лѣтъ до 1863 года успѣли народиться въ польскихъ верхахъ иныя идеи, которыя довольно скоро вылились въ весьма рельефную заботу о привитіи польской гра-

мотности простому люду, а тѣмъ болѣе, на религіозной почвѣ, — люду русскому. Появились и въ русской Холмщинѣ разные „elementarze“, молитвенники и даже народныя газетки, изъ числа которыхъ припоминается одна, подъ именемъ *Kmiotek.* Сейчасъ еще удержались въ памяти двѣ строчки изъ стишковъ этого *Kmiotka:* „Poznaj w chłopku brata twego,—a będziesz kochany“... И думается теперь: кабы сейчасъ было на лицо это братство, хорошо-бы... Да что подѣлать, коли пошла рознь. Насадителями польской грамотности въ Холмщинѣ въ шестидесятыхъ и послѣдующихъ годахъ до 1875 года были фольварки, съ ихъ грамотной челядью, барщинные войты и, какъ это ни странно,—даже матушки—жены бывшихъ уніатскихъ священниковъ, воспитанныя въ духѣ польской интеллигенціи. Такое насажденіе польской грамотности дало довольно ощутительные результаты: къ 1875 году, времени возсоединенія уніатовъ, уже были на лицо почти въ каждомъ русскомъ приходѣ молодые и возмужалые грамотеи на польскомъ языкѣ. Стариками попадаются они и теперь, частью уже подъ сѣнью костела, а частью всетаки и при родной церкви, въ которой кое гдѣ можно еще встрѣтить усердно молящагося старичка съ польской „кантычкой“. Такихъ грамотеевъ тоже можно выдѣлить въ особый типъ, но уже не первично-самостоятельный, а съ примѣсью болѣе молодого поколѣнія, усваивающаго польскую грамотность или по приверженности къ костелу, или для противостоянія ему, въ сознаніи своей русской національной самобытности.

Слѣдующій и самый, конечно, многочисленный типъ холмскихъ простолюдиновъ грамотеевъ—это воспитанники надлежаще организованной русской начальной школы: почти старики, возмужалые, взрослые и молодежь. Не мало ихъ въ общемъ, но, конечно, могло бы быть значительно больше, если-бы интенсивнѣе проявлялась дѣятельность начальной школы по внѣкласснымъ занятіямъ со взрослыми. Однако, какъ попросту говорятъ въ Холмщинѣ, „добре“ и то, что есть. Есть теперь въ наличности, взявши среднее число, хотя по пятку порядочныхъ крестьянъ-грамотеевъ въ каждой деревнѣ. Малограмотныхъ, еле-грамотныхъ и почти вовсе забывшихъ грамоту есть, пожалуй, весьма много, далеко больше, чѣмъ совершенно не учившихъ грамоты, да, повторяю, „добре“ и то, что начальная сельская школа сумѣла дать хотя и такой процентъ хорошихъ русскихъ грамотеевъ. Соединившись въ текущее время съ принципомъ самопросвѣтлѣнія бывшихъ „дьяковскихъ“ воспитанниковъ,

не нуждаясь и той грамотности, какая присуща второму вышеуказанному типу, грамотеи сего последняго типа несутъ въ себѣ живое плодородное зерно отчетливаго общерусскаго самосознанія. Хотя и не велики они числомъ по сравненію съ общей массой, но крѣпки сознательнымъ убѣжденіемъ: ихъ не сдвинешь съ правильной своей дороги никакими чужими доводами, воззваніями, листками и страхами. Встаютъ тутъ въ моей памяти живыя, конечно, и теперь лица такихъ грамотеевъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти разныхъ мѣстахъ родной Холмщины, гдѣ по нѣскольку лѣтъ приходилось служить народу. Вотъ одинъ, прочитавшій съ любовью почти всѣхъ русскихъ классиковъ, жадно поглощавшій всякое печатное слово и собравшій на моихъ глазахъ порядочную библіотеку. А того, что записывалъ, по моей просьбѣ, народныя пѣсни, сказанія, поговорки, всегда вижу воображеніемъ: музыкантъ-виртуозъ, природный сатирикъ и... кабы не узенькія его рамки жизни — крупная сила ума, нивеллировавшаяся, впрочемъ, обыденщиной сѣроты. Но пока, ради газетныхъ рамокъ, надо остановиться въ такомъ перечисленіи, ибо вижу, что для характеристики лично мнѣ знакомыхъ сельчанъ-грамотеевъ мало было бы и цѣлой газетной замѣтки.

Еще про одного скажу пару словъ, потому что онъ и теперь еще часто ко мнѣ заходитъ (изъ сосѣдней деревни Тучапы). Это, по истинѣ, живая стихотворная риема и, вдобавокъ, какъ угодно: по-русски, по-малорусски и по-польски, на трехъ языкахъ равноцѣнно, къ тому же равноцѣнно и на письмѣ и въ разговорѣ,— такъ и сыплетъ риемою на всякія темы. Хотѣлъ, говоритъ, выйти „на пана“, а пришлось остаться дѣйствительнымъ ткачомъ для „сукмана“. Добре и то, такъ какъ ткачъ изъ него вышелъ, вижу, образцовый. Просилъ за него *Братскую Бесѣду* принять его въ корреспонденты. Вотъ этимъ то „корреспондированіемъ крестьянъ-грамотеевъ“ въ народныя и популярныя изданія я пока закончу настоящую замѣтку. Какъ нашей *Братской Бесѣдѣ*, такъ и другимъ столичнымъ и прочимъ популярнымъ газетамъ и журналамъ, предназначеннымъ для простонародья, обязательно нужны сотрудники-корреспонденты изъ среды самого простонародья. Не бѣда, что такое участіе вышло-бы на первыхъ порахъ угловатымъ или топорнымъ, но зато, по возможности, сохраняя обликъ оригинальности сообщеній для печати, народная газета могла бы стать современемъ дѣйствительно народною газетой, сильною своими наглядными связями съ народомъ и вполнѣ

интересною для народа. А хорошій грамотей-крестьянинъ уже найдетъ что сказать.

38. Интеллигенты изъ простонародья Холмщины.

Къ числу такъ называемыхъ интеллигентовъ въ данномъ случаѣ я присоединяю всѣхъ тѣхъ въ той или иной степени образованныхъ лицъ, которыхъ самъ простой народъ уже ни въ какомъ случаѣ не назоветъ крестьянами, мужиками, которые не живутъ крестьянскимъ укладомъ жизни, не одѣваются и не говорятъ по-просту. Такихъ выходцевъ изъ своей сермяжной среды простой холмскій народъ называетъ общимъ именемъ „паны". Если однако разбогатѣвшій или почему либо ошляхтившійся крестьянинъ превратится по-наружному виду даже и въ весьма гладкаго „пана", то хотя такое лицо тоже иногда именуется паномъ, но уже преимущественно въ ироническомъ смыслѣ. Для такого лица въ звательномъ обращеніи мѣстоимѣніе—ты—чаще употребляется, чѣмъ вы. На настоящаго-же „пана", т. е. интеллигента, вышедшаго изъ рамокъ деревенскаго уклада жизни, всегда вѣжливый холмскій крестьянинъ никогда не „тыкнетъ". Слово—„панъ", въ смыслѣ-ли опредѣленія дворянской родовитости, богатства, интеллигентности, служебнаго положенія и образованія, пріобрѣло у холмскихъ, да и другихъ, крестьянъ-малороссовъ неискоренимую прочность. Равнозначущее этому слову и тоже хорошо знакомое слово—господинъ—никакъ не можетъ замѣнить этого „пана". Мнѣ да и многимъ другимъ нерѣдко приходилось убѣждать нашихъ крестьянъ оставить безъ употребленія это слово и замѣнить его обычнымъ—вы („віте", какъ иные крестьяне говорятъ въ Холмщинѣ), но пока прекрасно. „Пане, проше пана, якъ панъ кажуть, ідімъ до пана" и т. п., такъ и звучитъ безсмѣнно въ обычномъ разговорѣ крестьянъ это мозольное „панство". На всѣ доводы противъ этого „панканья" крестьяне возражаютъ, что, молъ, какъ то „негоже" уважаемую образованную личность именовать по просту или обращаться къ ней запросто. Нечего правды скрывать: большинство русскихъ интеллигентовъ въ средѣ нашего простонародья любитъ это „панканье", или тоже слишкомъ привычно къ нему, а то просто и требуетъ его, вкупѣ даже съ цѣлованіями рукъ. Горькій, печальный пережитокъ! Искоренить его можно только дружнымъ усиліемъ со стороны мыслящей

нашей интеллигенціи, которой должны быть противны и это „панканье“, и это цѣлованіе рукъ, получаемое отъ приниженнаго нашего простонародья. Пора приступить къ этому дружному усилію: тогда, за устраненіемъ этихъ пережитковъ, крѣпче будетъ идти взаимодѣйствіе интеллигенціи и простонародья.

Всею наличностью русскихъ интеллигентовъ Холмщина, по сравненію съ другими областями, не бѣдна. Правда, Холмщина пока еще не имѣетъ своихъ, вышедшихъ изъ народа интеллигентовъ свободныхъ профессій, интеллигентовъ-земельныхъ владѣльцевъ, но въ разной мѣрѣ образованныхъ лицъ, уроженцевъ деревень Холмщины, служащихъ въ ней и за предѣлами ея, наберется въ настоящее время порядочно. Настолько мнѣ извѣстно, Холмщина дала изъ своей деревенской среды наибольшее число лицъ учительскаго персонала, низшаго, средняго и даже высшаго: народныхъ учителей наберется нѣсколько десятковъ, если даже не сотня, учителей гимназій и духовныхъ учебныхъ заведеній будетъ, кажется, больше десятка, есть и три профессора. Если же добавить къ числу такихъ крестьянскихъ выходцевъ и прочихъ интеллигентовъ, уроженцевъ Холмщины, то эта категорія окажется еще полнѣе. Вторая категорія—интеллигенція пишущая, чиновничья; она тоже не мала, если присоединить къ ней всѣхъ вообще живущихъ канцелярскимъ перомъ, получившихъ даже и начальное образованіе. Дальше надо упомянуть про интеллигентовъ духовнаго званія—священниковъ и псаломщиковъ. Послѣднихъ есть на лицо, пожалуй, добрыхъ нѣсколько десятковъ, а первыхъ, вѣроятно, таки не меньше 20 душъ, здѣсь-же въ Холмщинѣ служащихъ. Есть и одинъ епископъ (преосвященный Амвросій Подольскій, уроженецъ посада Тышовцы Любл. губ.). Интеллигентовъ прочихъ категорій—только единицы: врачи, юристы, инженеры и проч.

Вспоминаю здѣсь эти наличныя суммы интеллигентовъ Холмщины, бывшихъ крестьянскихъ дѣтей, съ той принципіальной цѣлью, что если-бы собрать воедино гласнымъ путемъ ихъ мнѣнія о своемъ родномъ уголкѣ,—вышла-бы такая солидная, хотя, конечно, быть можетъ, и не совсѣмъ солидарная сила, пересилить которую иными принципами не удалось-бы никакой другой хотя-бы и компактной силѣ.

Наличность молодого, учащагося нынѣ въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ крестьянскаго поколѣнія Холмщины можно опредѣ-

лить порядочною цифрою, въ нѣсколько десятковъ. Правда, большинство изъ нихъ дѣти мѣщанъ, но есть уже и крестьянскія дѣти не только въ учительскихъ школахъ, но и въ духовной семинаріи, даже въ гимназіи и университетѣ. Если въ послѣднихъ двухъ учебныхъ заведеніяхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ было со всей Холмщины только два—три крестьянскихъ выходца, то въ текущее время найдется уже и болѣе десятка. Опять-же, если прибавить къ этому числу всѣхъ крестьянскихъ учащихся въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ еще и число, конечно, большее, такихъ же учащихся, дѣтей холмскихъ интеллигентовъ, то учащаяся молодежь Холмщины выразится внушительною цифрою будущихъ самостоятельныхъ интеллигентовъ разныхъ профессій: это—холмская надежда на постоянную живучесть русскаго національно-культурнаго самоопредѣленія.

Среднее и даже высшее образованіе даютъ своимъ дѣтямъ, конечно, только зажиточные крестьяне, однако, кое-гдѣ-попадаются и малосостоятельные хозяева, выводящіе своихъ дѣтей, что называется, въ люди. Тутъ мнѣ приходитъ на память одинъ заурядный сельчанинъ изъ-подъ Бреста: изъ семерыхъ своихъ дѣтей смогъ таки онъ закончить образованіе шестерыхъ дѣтей, а съ седьмымъ остался на хозяйствѣ. Не своими только средствами давалъ онъ „науку" своимъ дѣтямъ: когда двое старшихъ укрѣпились на службѣ, то начали помогать младшимъ; однако и самъ старый батько помогалъ средствами каждому своему „студенту", насколько позволяли хозяйственные достатки. Примѣры-же хорошаго матеріальнаго обезпеченія крестьянскихъ выходцевъ, соблазнительно дѣйствуютъ на всю крестьянскую среду. И вотъ теперь уже можно считаться съ массовымъ желаніемъ холмскаго крестьянства дать дѣтямъ своимъ хорошее образованіе. Но это только желаніе, исполняемое въ случаѣ возможности, перерываемое часто на серединѣ, а иногда просто только одно лишь желаніе. А такъ какъ такая жажда къ образованію дѣтей, ради ихъ выхода изъ крестьянства, существуетъ у нашихъ крестьянъ; такъ какъ жажда эта въ полной мѣрѣ неудовлетворима, и такъ какъ, самое главное, самому-же нашему крестьянству нужны на мѣстѣ спеціально подготовленные знатоки прикладныхъ знаній, то теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, встаетъ во всей своей выпуклости настойчивый вопросъ: куда дѣвать весь молодой крестьянскій элементъ, ищущій выхода изъ крестьянства? Зачѣмъ и доколѣ ему уходить от-

туда? И не лучше ли ему въ большинствѣ оставаться на прежнихъ мѣстахъ въ другихъ не менѣе полезныхъ роляхъ общественной дѣятельности? Нужны, правда, простому народу свои батюшки, учителя, писаря, судьи и т. п. интеллигенты. Но такъ-же нужны ему свои родимые: доктора, механики, землемѣры, астрономы, слесаря, мастера разныхъ ремеслъ и т. д. Далеко еще, конечно, до всего этого цикла крестьянскихъ прикладныхъ знаній. Такіе разсадники сразу же были бы заполнены крестьянскою молодежью, и черезъ какой либо десятокъ лѣтъ деревня имѣла-бы практическую интеллигенцію, работающую на ея благо не только головою, голосомъ и перомъ, но и продуктивными руками. Такою, такъ сказать, продуктивно-прикладною интеллигенціей наша Холмщина еще совсѣмъ бѣдна.

39. Къ выдѣленію Холмщины.

(кор. „Окр. Рос.“). Досадно всѣмъ намъ, русскимъ холмянамъ, что рѣшеніе Г. Думы о нашемъ выдѣленіи какъ будто вновь умышленио оттягивается на неопредѣленное время. Казалось бы, что въ закоиодательномъ утвержденіи столь очевидной справедливости, какъ образованіе русской губерніи, не должно быть никакихъ задерживающихъ причинъ, такъ какъ всѣ утвердительныя данныя на лицо: исторически русскій край, подавляющее преобладаніе русскаго этнографическаго элемента, цифровая статистика въ отчетахъ, прошеніяхъ, заявленіяхъ, картахъ, желаніе большинства, правительственная мотивировка и поддержка внесеннаго на уваженіе законопроекта, словомъ, полная подготовка къ утвердительному рѣшенію русскаго вопроса. Казалось бы и даже вѣрилось, что такое чисто административное дѣло могло пройти въ Думѣ порядкомъ простой спѣшности, въ одномъ засѣданіи. А между тѣмъ изъ Холмскаго вопроса, вѣроятно, сдѣлаютъ предлогъ для одного изъ генеральныхъ сраженій, и безъ нужды усложняется такое сравнительно маленькое дѣло.

Но если такое маленькое видоизмѣненіе въ административномъ отношеніи, какъ образованіе Холмской губерніи, вызываетъ борьбу поляковъ съ русскими, то значитъ, Холмскій вопросъ разростается уже въ крупную величину. Выходитъ, какъ будто здѣсь одну народность другая, родственная ей, обижаетъ.

Поляки стараются совершенно извратить Холмскій вопросъ—умышленно расширяютъ его значеніе.

Хотя и малый предлогъ для борьбы, но надо имъ воспользоваться: авось, борьба устранитъ необходимость покориться ненавистному „москалю", кстати этотъ, москаль не дошелъ еще до единенія въ отстаиваніи своихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ... Какъ хотите, читатель, но это ужъ прямо лукавая, хитрая уловка, которую можно пояснить такъ: я, молъ, лежу подъ тобою, покорившись велѣнію историческихъ судебъ, дрожу, боюсь, льщу, пронырствую, кричу, лѣзу во всѣ твои щели и поры, ненавижу тебя, кусаю, гдѣ можно, и всетаки не хочу вылѣзать изъ-подъ тебя въ надеждѣ, что ты сгинешь, а я на развалинахъ твоихъ воскресну и крикну воспрянувши: „Uivat Polonia!"

Мечта или даже вѣра въ „змартвыхвстане" Польши сильна и живуча въ каждомъ, такъ сказать, сознательномъ полякѣ. Эта надежда, и исключительно только подъ угломъ зрѣнія „змартвыхвстаня ойчизны", заставляетъ современныхъ верховодовъ польскаго дѣла защищать, между прочимъ, и будто бы права поляковъ на русскую Холмщину.

Что она русская во всѣхъ отношеніяхъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія и у самихъ господъ современныхъ польскихъ вождей, только лишь, по ихъ доводамъ, она, хотя и русская, не имѣетъ права, не должна обособляться отъ поляковъ. Отойди она на востокъ—это значитъ, огромный минусъ въ проблемахъ „змартвыхвстаня".

Собственно даже и противъ отхода Холмщины эти вожди не имѣли бы никакой претензіи, если бы... было теперь на Руси господство силы отрицателей русской государственности, если бы было на лицо нѣчто въ родѣ „самостійной Украины", автономіи Кавказа, Финляндской республики и т. п. Холмщина цѣнна имъ не какъ извѣстный территоріальный кусочекъ Привислинскаго края, а какъ одна изъ помѣхъ къ собиранію Руси въ ущербъ змартвыхвстаню.

„Jak świat światem—nigdy polak rusinowi nie bendzie bratem"—эта польская поговорка въ наши дни имѣетъ самый яркій политическій смыслъ. Когда у насъ проносилась буря революціи, мы имѣли уже готовый планъ самостоятельной Польши. Правда, нынѣ этотъ планъ исчезъ, но это вовсе не значитъ, что онъ на вѣки сданъ въ архивъ несбыточныхъ вожделѣній. Онъ живетъ и понынѣ, а его отдаленіе даетъ польскимъ вождямъ энергію для изворотливости.

Станемъ, однако, ради сопоставленія фактовъ, на модную нынѣ у насъ точку зрѣнія національнаго самоопредѣленія. Отсюда явствуетъ, что всякій, а тѣмъ болѣе культурный народъ имѣетъ право жить такъ, какъ ему лучше, имѣетъ право на свой патріотизмъ включительно до желанія образовать свое собственное государство, республику, или автономную область.—Съ нашимъ удовольствіемъ! Лелѣйте себѣ, гг. поляки, эту свою этнографическую думу. Можетъ быть, она когда либо и осуществится... можетъ быть, прусакъ исчезнетъ съ карты Европы; можетъ быть, Китай Россію проглотитъ, а Польшу благосклонно не тронетъ; можетъ быть, австро-польская сила будетъ началомъ воскресенія Польши; все можетъ быть...

Только мечтать и вѣрить въ данномъ случаѣ надо ужъ исключительно въ рамкахъ своего національнаго самоопредѣленія, а отнюдь не съ аппетитомъ на „одбудоване ойчизны“ „od morza do morza“, со включеніемъ въ ея будущія границы литовцевъ, бѣлорусовъ, малорусовъ и т. д. А вѣдь, нечего скрывать, что польское національное самоопредѣленіе именно такъ понимается польскими патріотами.

На вышеизложенномъ основаніи мнѣ, сельскому обывателю Холмщины, и кажется, что образованіе обособленной отъ Польши Холмской губ. должно обязательно стать фактомъ возможно скорѣе.

Правую и лѣвую стороны Западнаго Буга, начиная нѣсколько выше Брестъ-Литовска, по теченію этой рѣки вплоть до границы съ Австріей [1]) издревле населяютъ русскіе люди. По всѣмъ признакамъ, ярко сохранившимся и до сихъ поръ, очевидно, что по ту и другую сторону Буга живутъ совершенно одинаковые люди, потомки бужанъ, дулѣбовъ, древлянъ и др. племенъ, осѣвшихъ тутъ съ незапамятныхъ временъ сѣдой старины. Языкъ, обычаи внѣшній обликъ, одежда, фамиліи и прозвища здѣсь одинаковы... Это ли не самое главное основаніе для возникновенія здѣсь и административнаго единства?

Не взирая на то, что на лѣвой сторонѣ существуетъ иной строй управленія, прибужный крестьянскій народъ живетъ все-таки своимъ однимъ и тѣмъ же этнографическимъ единствомъ... Что ему до разницы

[1]) Съ лѣвой стороны, въ нашей Холмщинѣ, расположены слѣдующіе уѣзды: Соколовскій, Константиновскій, Бѣльскій и Влодавскій, Сѣдлецкой губ., Холмскій, Грубешовскій и Томашевскій—Люблинской губ. Съ правой стороны: Бѣльскій и Брестъ-Литовскій уѣзды—Гродненской губ., Ковельскій у Владиміро-Волынской—Волынской губ.

въ наименованіяхъ разныхъ учрежденій, до порядка того и другого канцелярскаго дѣлопроизводства, до преимущества или недостатка тѣхъ или другихъ правооснова, если онъ одинаково по своему историческому и бытовому духу тысячу лѣтъ жилъ, живетъ теперь и будетъ такъ же жить и впредь? И почему по лѣвую сторону Польша, а по правую Русь? Образованіе Холмской губерніи есть прямая этнографическая справедливость—быть одному народу въ одномъ управленіи.

Есть, однако, и разница между тѣми и другими прибужными жителями, именно—въ религіозномъ отношеніи. Въ то время какъ съ лѣвой стороны Зап. Буга, въ Холмщинѣ, отошла въ католицизмъ добрая треть русскаго простонародья (не надъ самымъ Бугомъ, а, главнымъ образомъ, въ пограничныхъ съ Польшей уѣздахъ), на правой сторонѣ того же Буга почти всѣ остались вѣрны Православной Церкви. Много здѣсь приреѣчныхъ сосѣднихъ селъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки, чисто русскихъ, но разновѣрныхъ... Вотъ, напр., два села—Долгоброды, Сѣдлецкой и Харсы, Гродненской. Абсолютно одно въ нихъ племя, жившее и живущее одной бытовой жизнью, а между тѣмъ, Долгоброды почти поголовно окатоличились, тогда какъ въ Харсахъ никто не пожелалъ измѣнить своей вѣрѣ. Два-три года шла между этими двумя сосѣдними селами словесная распря о преимуществахъ вѣры, нерѣдко доходило дѣло у нихъ и до схватокъ и кулачныхъ расправъ съ инакомыслящими. Кончилось все это тѣмъ, что какъ были лѣвые прибужане одного рода съ правыми, такъ и остались ими-же, т. е., чистокровными русскими. Пробовали они ломать свой родной, пѣвучій языкъ на польскій, но такъ и бросили эту неестественную фонетическую передѣлку. Появившееся-же въ средѣ настоящихъ католиковъ маріавитство заставляетъ теперь болѣе критически относиться и къ самому католичеству какъ въ средѣ старыхъ его чадъ, такъ и неофитовъ. Отсюда временно образовавшаяся религіозная разница въ одномъ народѣ начинаетъ понемногу терять свою остроту, и ужъ не этой разницѣ, во всякомъ случаѣ, быть противодѣйствующей силой въ вопросѣ ожидаемаго единенія однороднаго крестьянскаго люда.

Будь же введено католическое богослуженіе для русскаго народа на русскомъ языкѣ, отъ польскаго католичества не останется и слѣда.

40. Къ пріѣзду членовъ Государственной Думы въ Холмщину.

Пышной и торжественной декораціей, самымъ лучшимъ народнымъ убранствомъ, — Божіей красой природы встрѣтитъ Холмщина своихъ дорогихъ гостей—членовъ Государственной Думы и видныхъ національныхъ русскихъ дѣятелей, посѣщающихъ ее въ концѣ мая и наступающаго іюня. Подляшскій супесокъ, удобренный и воздѣланный кропотливыми трудами настойчиваго сельчанина-хлѣбороба, и червенская боровина, эта безсмѣнно урожайная земля-баловница, въ равной мѣрѣ залиты золото-тканнымъ пышнымъ ковромъ, хлѣбомъ-кормильцемъ. Высокою ровною стѣной колышется рожь, уже начинающая „рунить“ и вступать въ пору созрѣванія; колосится и идетъ стройнымъ ростомъ вверхъ, нагоняя старшую свою сестрицу, „колачова“ пшеница: она здѣсь, далеко вокругъ заснувшаго Червеня, прямо-таки „хохочетъ“ своею плодовитою пышностью; бѣгутъ—стелются по широкимъ людскимъ полямъ еще пока только зеленые ковры — полосы-нивки *разноименной* ярины. Луговые брызги на зеленыхъ коврахъ — разноцвѣтные „квітоньки“, дополняютъ прелесть Божьей природной красы вашей трудовой Холмщины.

Вотъ вамъ, дорогіе гости, наше трудовое холмское убранство для вашей встрѣчи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и наша холмская увѣренная трудовая надежда, что прежде всего мы, холмщане, живы будемъ, будемъ также и сыты своимъ исконнымъ трудолюбіемъ.

Хлѣбъ-соль вамъ, дорогіе гости, отъ нашихъ исконныхъ русскихъ свойствъ: честности, трезвости, трудолюбія и гостепрімства,—посылаютъ вамъ насельники Холмщины, ея русское крестьянство и ея русскіе дѣятели и служащіе сему крестьянству.

Въ намѣченныхъ мѣстахъ путевыхъ остановокъ Холмщина встрѣтитъ дорогихъ гостей массами русскаго своего простонародья. Въ обычные дни путешествія по Грубешовскому „шляху“ придутъ на мѣста отдыха и осмотра сотни попутныхъ холмщанъ; въ городахъ Грубешовѣ и Замостьѣ, вдобавокъ къ крестьянству, соберется и вся окрестная наличная русская интеллигенція, а въ крайнемъ пунктѣ Холмщины, Радочницкой женской обители, дорогіе гости увидятъ нѣсколько тысячъ богомольцевъ сельчанъ изъ разныхъ мѣстъ коренной червенщины, которые нагляднымъ образомъ покажутъ гостямъ силу русской вѣры и крѣ-

пость самобытнаго русскаго духа въ этомъ окраинномъ русскомъ уголкѣ. Послѣ знакомства съ Холмомъ, хранителемъ музейныхъ документовъ исторической русской мѣстной старины, гостей очаруетъ пѣвучее, домотканно-цвѣтистое Подляшье: ярко блеснутъ своими уборами яблочане, заболотцы, хорощинцы, и если гости настойчиве пожелаютъ, то тамошняя дѣвичья молодежь пропоетъ имъ нѣсколько чудныхъ старинныхъ пѣсенъ, богатыхъ содержаніемъ и самобытными мотивами, которыхъ нельзя забыть, разъ только услышавши. „Русское патріотическое общество Холмщины и Подляшья" покажетъ нашимъ гостямъ въ гор. Бѣлѣ идейную живучесть труда заботливой русской интеллигенціи Холмщины, а Лѣсна, наконецъ, этотъ могучій разсадникъ крѣпости вѣры и великій пособникъ въ горѣ и сиротствѣ холмскаго народа,—дастъ многотысячный сборъ близкихъ и дальнихъ русскихъ холмскихъ и забужныхъ богомольцевъ.

Убѣдятся холмскіе желанные гости наши своимъ собственнымъ лицезрѣніемъ и логическимъ изъ него выводомъ, что Русь въ Холмщинѣ жива еще и понынѣ.

Въ 1912 году, въ году столѣтія избавленія Руси отъ нашествія „20 языкъ", и наша Холмщина окончательно избавится отъ одного „языка", отъ гоноровой Польши.

Недолго ждать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книги и брошюры изданія Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства:

Богогласникъ (Собраніе набожныхъ пѣсней). Изданіе 9. Цѣна 20 коп.
Холмская православная епархія. Епископа Модеста 1886 г. цѣна 25 коп.
О древнѣйшемъ существованіи православія и русской народности въ губерніяхъ Сѣдлецкой и Люблинской. Его-же. 2-й выпускъ. Цѣна 25 коп.
О древнѣйшемъ существованіи православія въ г. Люблинѣ. Цѣна 10 коп.
Спасительная пища. Цѣна 15 коп.
Холмская Русь. Изданіе П. Н. Батюшкова. Цѣна 2 руб.
Святыни и древности Холмскаго края. Цѣна 25 коп.
Холмская чудотворная икона Божіей Матери. А. Будиловича. Цѣна 50 коп.
Русская старина въ г. Замостьѣ. Его-же. Цѣна 50 коп.
Разсказы изъ исторіи возсоединенія уніатовъ на Волыни. Цѣна 10 коп.
О былыхъ временахъ, пережитыхъ Холмскою Русью. Райковскаго. Цѣна. 5 коп.
Бесѣда священника съ прихожаниномъ по поводу такъ называемыхъ краковскихъ браковъ. Прот. Н. Страшкевича. 1899 г. Цѣна 2 коп.
Сказаніе о Лѣснинской чудотворной иконѣ Божіей Матери. Его-же Цѣна 10 коп.
Лѣтопись Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства за 25 лѣтъ его существованія. Его-же. Цѣна 1 р. 25 коп.
Краткое сказаніе о Холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери и бывшихъ отъ нея чудесахъ. Ефр. Ливотова. 1899 г. Цѣна 5 коп.
Кирилло-Меѳодіевская церковь. Его же. Цѣна 2 коп.
Краткія свѣдѣнія изъ житій святыхъ на каждое число (день) года. Его-же. Ц. 10 к.
Холмская православная епархія. Его-же. Цѣна 2 коп.
Символъ вѣры Правосл. церкви съ необходимыми поясненіями. І. Ярошевича. Ц. 2 к.
О былыхъ временахъ православія и уніи въ Забужной Руси и о возсоединеніи Холмскихъ уніатовъ въ 1875 г. Гр. Ольховскаго. Цѣна 5 коп.
Борьба православія съ латинствомъ въ Польшѣ отъ начала ея существованія до настоящаго времени. Его-же. Цѣна 2 коп.
Православіе, какъ первоначальная вѣра въ Польшѣ. Его-же. Цѣна 2 коп.
Холмскій каѳедральный соборъ (краткая исторія). Его-же. Цѣна 2 коп.
Правдивое слово о Холмской Руси. Его-же. Цѣна 35 коп
О началѣ гор. Холма и Холмской епархіи. Его-же. Цѣна 3 коп.
Возможно-ли соединеніе церквей и если возможно, то на какомъ основаніи? Его-же. Цѣна 5 коп.
Базиліане и ихъ значеніе въ дѣлѣ латинизаціи уніи. Его же. Цѣна 1 коп.
Чинъ избранія и рукоположенія Архіерейскаго въ связи съ исторіей его происхожденія и развитія. Ѳ. Кораллова. 1903 г. Цѣна 50 коп.
Къ торжеству нареченія и священной хиротоніи архим. Евлогія во Епископа Люблинскаго, викарія Холмско-Варшавской епархіи. Его-же 1904 г. Ц. 15 коп.
Неправда католическаго ученія о непорочномъ зачатіи Пресвятыя Богородицы. М. Кобрина. 1904 г. Цѣна 5 коп.
О крестномъ знаменіи. Цѣна 1 коп.
Одинъ только Господь Іисусъ Христосъ есть глава церкви. Священника В. Дрозда. Цѣна 1 коп.
Благословеніе св. горы Аѳонской православнымъ христіанамъ Привислинскаго края. Цѣна 1 коп.
Сборникъ народныхъ пѣсенъ Холмской Руси. Вып. I, II и III. Цѣна по 3 к. кажд.
Очерки Холмщины и Подляшья. В. Ткача. 1911 г. Цѣна 50 коп.
Нѣсколько возраженій на книгу Л. Дымши: „Холмскій вопросъ“. 1911 г. Цѣна 30 к.

Цѣна 50 коп.